

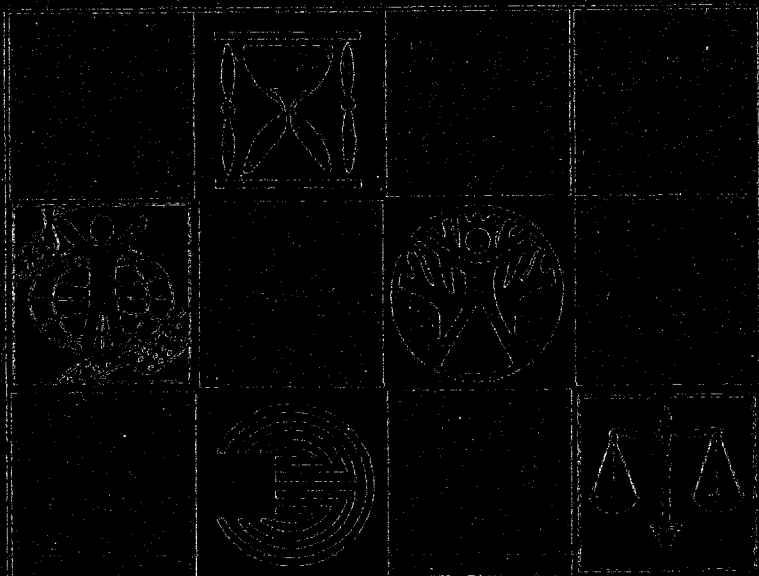
ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1'97



ЗМЕСТ

НАШЫ ЛАЎРЭАТЫ

<i>Шалькевич В. ф.</i> <i>Общественно-политическая мысль Беларуси конца XVIII–60-х гг. XIX в.</i>	3
---	---

ГІСТОРЫЯ

<i>Бригадина О.В.</i> <i>Интеллигенция и советская власть: проблемы взаимоотношений (1917–1922 гг.)</i> ..	8
<i>Загорнов А.А.</i> <i>Брестская таможня в первой половине XIX в.</i>	11
<i>Бенчева Катя (Болгария).</i> <i>Социальное положение и права мусульманских общин в современных Греции и Болгарии</i>	14

ФІЛАСОФІЯ

<i>Пекарский Ф.В.</i> <i>Преломление идеи "сверхчеловека" в философских концепциях футуризма</i> ..	17
<i>Логовино С.Л.</i> <i>Проблема рациональности в феноменологической социологии Альфреда Шюца</i>	20
<i>Баранчик Ю.В.</i> <i>Феноменология языка Г.Гийома и ее значение для современной философии</i> ..	23
<i>Наливайко И.М.</i> <i>Проблема морального должностования в философской традиции Запада и России</i>	26
<i>Поваляева Н.С.</i> <i>Влияние философии фрейдизма на формирование сюрреалистической концепции художественного творчества</i>	29
<i>Барковская А.В.</i> <i>Природа как текст: варианты прочтения</i>	32
<i>Фурс В.Н.</i> <i>Экологический кризис и концепция "всемирной истории"</i>	36
<i>Малиновский М.Н.</i> <i>Система экологических ценностей традиционной культуры в контексте современного экосознания</i>	39
<i>Екадумов А.И.</i> <i>Становление культуроцентристской парадигмы и проблема экологизации сознания</i>	43

ПАЛІТАЛОГІЯ, САЦЫЯЛОГІЯ

<i>Дайняк Е.Н.</i> <i>Перспективная модель политического лидерства (постановка проблемы)</i>	46
<i>Мельников А.П.</i> <i>Иеремия Бентам: политолог и человек (1748–1832)</i>	48
<i>Мартынаў С.Н., Шмыгаў І.Ф., Елсукоў А.Н., Ухванава І.Ф.</i> <i>Дыялог як жыватворная крыніца развіцця і адухаўлення навуковай думкі (да заснавання фонда імя Я.Пятроўскага)</i>	51
<i>Дудко Е.А.</i> <i>Процесс принятия решения: его структура</i>	53
<i>Кучко Е.Е.</i> <i>Социологическое обеспечение нововведений как фактор оптимизации инновационной деятельности</i>	56

ЭКАНОМІКА

<i>Святліцкі І.С.</i> <i>Два бакі і дзве тэорыі вартасці</i>	59
--	----

ПРАВА

<i>Воробьев И.Г.</i> <i>О некоторых проблемах совершенствования законодательства и практики отстранения от работы</i>	63
---	----

НОВАЕ Ё ВYЧЭБНЫМ ПРАЦЭСЕ

<i>Янчук Е.И.</i> <i>Коммуникация как объект социально-гуманитарного анализа в спецкурсе "Философия коммуникаций"</i>	66
---	----

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ І СУЧАСНАСЦЬ

<i>Программа Аграрной партии Беларуси</i>	70
---	----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Вязовкин В.С.</i> <i>В.С.Стёпин, Л.Ф.Кузнецова.</i> <i>Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации</i>	76
<i>Сычоў А.А.</i> <i>Л.Я.Землякоў.</i> <i>Рэлігія і грамадства: у дапамогу студэнтам усіх спецыяльнасцей</i> ...	77
<i>Гамов В.И.</i> <i>Политология: учебное пособие для студентов вузов</i>	77
<i>Лемещенко П.С.</i> <i>Экономическая теория: учебник / Н.И.Базылюев, А.В.Бондарь, С.П.Гурко и др.</i> ...	78

НАШЫ ЮБІЛЯРЫ

<i>Альберт Николаевич Елсуков</i>	79
<i>Анатолий Изотович Зеленков</i>	80

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
Сацыялогія
Эканоміка
Права

1'97

САКАВІК



МІНСК
"УНІВЕРСІТЭЦКАЕ"

Галоўны рэдактар В.Р. РУДЬ
Адказны сакратар П.М. БАРАНОЎСКІ

Рэдакцыйная калегія серыі:

А.І. ЗЕЛЯНКОЎ (адказны рэдактар),
П.І. БРЫГАДЗІН, В.М. ГАДУНОЎ, С.Р. ДРАБЯЗКА, А.М. ЕЛСУКОЎ,
Ю.Л. КАЗАКОЎ (адказны сакратар), У.Л. КЛЮНЯ, У.К. КОРШУК
(нам. адказнага рэдактара), С.А. МАЛЕВИЧ, С.В. РАШЭТНІКАЎ,
У.М. ХОМІЧ, П.А. ШУПЛЯК

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Регистрационный №805

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3, №1, 1997

Издательство "Універсітэцкае".

220048, Минск, пр.Машерова, 11. Дом книги.

Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 220-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар А.А. Сычоў

Мастацкі рэдактар Ю.С. Сергачоў

Тэхнічны рэдактар і карэктар Г.І. Хмарун

Набор і вёрстка выкананы ў рэдакцыі часопіса Г.М. Добыш і У.А. Сямёнавым

Падпісана да друку 12.03.97. Фармат 70x108 1/16. Папера афс. Друк афсет. Ум. друк.
арк. 7,0. Ум. фарб.-адб. 7,44. Ул.-выд. арк. 8,55. Тыраж 640 экз. Заказ 559. Цана 16000 р.

Надрукавана з гатовых дыяпазітываў заказчыка ў друкарні выдавецтва "Беларускі
Дом друку". 220013, Мінск, праспект Ф. Скарыны, 79.

© Веснік Белдзяржуніверсітэта, 1997

Нашы лаўрэаты

Прэміяй Белдзяржуніверсітэта імя У.І.Пічэты адзначана навукова-педагагічная дзейнасць доктара філасофскіх навук, прафесара кафедры паліталогіі Вячаслава Феліксавіча Шалькевіча. Ём апублікавана больш за 150 навуковых і навукова-папулярных прац па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі Беларусі, якія сталіся значным укладам у айчынную навуку і культуру. Найбольш вядомыя з іх "Філасофская думка ў Беларусі", "Скарына і наш час", "Казимир Лыщинский" (в соавторстве с Е.С.Прокошиной), "Кастусь Калиновский: Страницы биографии". Адзін з найважнейшых этапаў у гісторыі развіцця беларускай грамадска-палітычнай думкі разглядаецца і ў артыкуле лаўрэата, што прапануецца ўвазе нашага чытача.

В.Ф. ШАЛЬКЕВИЧ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ БЕЛАРУСИ КОНЦА XVIII–60-х гг. XIX в.

Хронологические рамки рассматриваемого периода очерчиваются двумя важными историческими событиями – последним разделом Речи Посполитой, окончательной утратой Беларусью национальной государственности и инкорпорацией ее земель в состав Российской империи (1795 г.), с одной стороны, и восстанием 1863–1864 гг., с другой, в ходе которого была окончательно сформулирована программа ликвидации феодально-крепостнических отношений, возрождения национальной государственности и культуры, создания национальной системы образования и другие проблемы, находившиеся в центре внимания общественно-политической мысли Беларуси на протяжении всего XIX века.

Основными направлениями общественной мысли того времени были либерализм и консерватизм. Радикальное направление в первой трети XIX в. было представлено политическим романтизмом, а во второй трети – революционным демократизмом.

Либерализм. После третьего раздела Речи Посполитой и окончательной инкорпорации Великого княжества Литовского в состав Российской империи на белорусских землях наблюдается необычно интенсивное развитие либеральной мысли. Центром либеральной мысли стал Виленский университет, который, как правильно отмечают белорусские исследователи Э.К.Дорошевич и В.М.Коннон, "нельзя считать каким-то автаркическим национальным (т.е. литовским или польским – В.Ш.) центром; он был научным и культурным центром нескольких народов"¹, прежде всего белорусского, литовского и польского. В университете трудился ряд замечательных ученых – философов, экономистов, правоведов, естествоиспытателей, сторонников либеральных идей: Иероним Стройновский, братья Ян и Анджей Снядецкие, Шимон Малевский, Ян Зноско и др.

Видное место в общественно-политической мысли того времени занимал крестьянский вопрос. Заметное влияние на его решение оказала Конституция герцогства Варшавского, принятая 22 июля 1807 г. Она ликвидировала личную зависимость крестьян от помещиков, признала равенство всех граждан герцогства перед законом. В 1808 г., т.е. год спустя после отмены крепостного права в Польше, Валериан Стройновский, родной брат ректора Виленского университета И.Стройновского, издал в Вильно сочинение под названием "О соглашении помещиков с крестьянами", в котором утверждал, что крепостное состояние



противоречит естественному праву, препятствует общественному прогрессу и экономическому развитию края; он выдвинул предложение о ликвидации зависимости крестьян от помещиков. В.Стройновский высказался за предоставление крестьянам личной свободы, а также права приобретения земли, которая должна оставаться в собственности у помещиков. Чтобы подчеркнуть умеренность и легальность своих предложений, он подверг критике “мнимых друзей крестьян”, которые высказывались за бесплатную раздачу помещичьей земли, напомнив о кровавых событиях времен Великой французской революции. Антикрепостнические идеи, высказанные в Беларуси и Литве накануне войны 1812 г., нашли своих сторонников в лице М.Огинского, К.Любецкого, Л.Плятера, В.Гродского и вызвали большой общественный резонанс. Это были первые проекты решения крестьянского вопроса не только в пределах Беларуси и Литвы, но и Российской империи. Идеи белорусских либералов по крестьянскому вопросу оставили заметный след в общественном сознании того времени, в памяти современников, что образно отражено в поэме “Пан Тадеуш” А.Мицкевича².

Замечательным педагогом, радикальным реформатором системы высшего и среднего образования в Беларуси и Литве был Ян Снядецкий (1756–1830) – профессор, ректор Виленского университета с 1807 по 1815 г. Его педагогические взгляды изложены в письмах, публицистике, научных трудах, среди которых наиболее видное место занимает работа “Жизнь и литературная деятельность Гуго Коллонтая” (1814). В ней ученый не только изложил биографию выдающегося представителя просветительской мысли Речи Посполитой XVIII в., но и разработал цельную программу проведения радикальной реформы системы среднего и высшего образования Беларуси и Литвы в духе ее демократизации и либерализации. Он считал, что “высшая власть не должна заниматься мелкими вопросами [высшей и средней школы]”, а все свое внимание и заботу обращать на состав и положение учителей и профессоров, как “на источник, от которого все в конечном счете зависит”. Я.Снядецкий видел две главные цели общественного образования – “подготовка людей для государственной службы и для правильного ведения частных дел, а также выявление дарования и талантов, формирование их и воспитание на пользу и славу народную”. При этом он считал, что таланты следует искать во всех сословиях, что “все внимание [школы] должно быть обращено на народ”. По Я.Снядецкому, надо стремиться к созданию такой системы обучения, которая не препятствовала бы “никому двигаться дальше в своем образовании, а, наоборот, оказывала бы всяческую помощь”³.

Значительную роль в реформировании и совершенствовании системы среднего и высшего образования Беларуси и Литвы сыграл Адам Чарторыйский (1770–1861) – известный государственный деятель России того времени, попечитель Виленского учебного округа с 1803 по 1824 г. В начале своей карьеры он также был приверженцем либеральных идей и оказывал значительную поддержку начинаниям Яна Снядецкого, другим сторонникам либерализма.

Под влиянием идей Я.Снядецкого составлялись новые программы, вводились новые курсы, создавались новые учебники, в которых проводилась либеральная мысль о необходимости освобождения науки и образования от чрезмерной опеки государства и церкви. Во многом благодаря теоретической и практической деятельности Я.Снядецкого как среднего, так и высшего образование Беларуси и Литвы достигли высокого уровня. Современники не без оснований ставили в один ряд Виленский университет со славившимися тогда университетами Геттингена и Оксфорда, что подтверждают, в частности, и строки известного русского поэта А.И.Полежаева:

О родины прямых студентов –
Геттинген, Вильна и Оксфорд!
У вас не может брать патентов
Дурак, алтынник или скот...⁴

Одним из главных вопросов общественно-политической мысли Беларуси того времени являлось возрождение национальной государственности, поиск путей к национальной независимости. Особую актуальность эта проблема приобрела накануне войны 1812 г., после создания Наполеоном герцогства Вар-

шавского в 1807 г. и утверждения его Конституции. Эти события породили определенные политические надежды у наиболее активной части населения Беларуси и Литвы. В 1811 г. несколько известных политических деятелей того времени во главе с графом М.К.Огинским, выражая интересы определенных кругов белорусской шляхты, подали Александру I проект создания на белорусских землях Великого княжества Литовского. Оно должно было входить в состав Российской империи на правах автономии. Однако император отклонил проект⁵. Это обстоятельство постарался использовать в своих политических целях Наполеон, создав в июне 1812 г., после того как французская армия оккупировала белорусские земли, Великое княжество Литовское. Однако это политическое образование просуществовало недолго.

В годы царствования Николая I, после подавления восстания 1830–1831 гг. и закрытия Виленского университета (1832), либеральная мысль Беларуси и Литвы находилась в угнетенном, “летаргическом” состоянии. Ее возрождение началось с воцарением Александра II, который вынужден был взяться за проведение неотложных социальных реформ, поскольку сохранение феодально-крепостнических отношений тормозило развитие всех сфер жизни общества и государства. В конечном счете система этих реформ привела бы к преобразованию самодержавной России в конституционную монархию.

Оживлению либеральных настроений в белорусском и литовском обществе способствовало посещение Александром II в сентябре 1858 г. Минска и Вильно, где в это время уже началась подготовка к проведению крестьянской реформы. И хотя белорусские либералы предлагали весьма умеренное решение крестьянского вопроса – “всю землю считать бесспорно собственностью помещика, и крестьянам предоставить пользование землей по добровольным соглашениям с помещиками”, – сама открытая постановка этого вопроса перед обществом заслуживает внимания.

В это же время либералы предприняли попытку возродить систему национального образования, о чем свидетельствует, в частности, открытие школ, в которых обучение велось на белорусском языке, а также издание Александром Осерко белорусского “Букваря” для обучения детей-белорусов начальной грамоте. Это была первая попытка после 160-летнего запрета (с 1696 г. белорусский язык не употреблялся как язык образования) возродить просвещение народа на родном языке.

В конце 50–начале 60-х гг. XIX в. представители либерального направления выдвинули идею культурно-национальной автономии Беларуси и Литвы в составе Российской империи. Горячим приверженцем ее был гродненский губернский предводитель дворянства граф Виктор Старжинский. В 1862 г. он подал Александру II проект национально-культурной автономии белорусских и литовских земель, который предусматривал создание местной администрации (самоуправление), снятие запрета со Статута Великого княжества Литовского 1588 г., отмененного Николаем I, открытие в Вильно университета с юридическим, экономическим и медицинским факультетами, обучение коренных национальностей на родном языке (белорусском, польском, литовском).

Большое влияние на развитие либеральной мысли Беларуси и Литвы оказала выходящая в 1859 г. в Петербурге либеральная газета “Слово”, которую редактировал профессор Петербургского университета, уроженец Беларуси В.Д.Спасович. Центральными в газете были три темы: крестьянский вопрос, демократизация просвещения, пропаганда либерально-демократических прав и свобод.

Возрождение утраченной государственности, поиск путей к национальной независимости было одной из центральных проблем общественно-политической мысли Беларуси XIX в., ибо, как отмечал Гегель, “народ без государственного устройства (нация как таковая) не имеет, собственно, никакой истории...”⁶

Анализ различных проектов возрождения белорусской государственности позволяет сделать вывод, что представители либерального направления общественной мысли выступали приверженцами европейских форм политической жизни, парламентаризма и конституционализма, сторонниками идей правового государства.

Консерватизм. Консервативное направление общественной мысли в рассматриваемый период было представлено профессорами Полоцкой иезуитской академии И. Анжиолини, В. Бучинским, Д. Ришардо, К. Глазко, С. Рогозой, публицистом И. Лобажевским, а во второй трети XIX в. "Петербургским кружком" (или "Пентархией"), в который входили писатели, публицисты, мыслители – уроженцы белорусских и украинских земель: И. Пржецлавский, И. Головинский, Г. Ржевусский, И. Штирмер, М. Грабовский. Печатным органом консерваторов стал "Петербургский еженедельник" (1830–1856), издателем и редактором которого был выпускник Виленского университета, уроженец Слонимщины, публицист и писатель Иосиф Пржецлавский.

Непосредственным проводником идей консерватизма в Беларуси и Литве в то время была группа творческой интеллигенции, которая консолидировалась вокруг редакции тесно связанного с "Петербургским еженедельником" журнала "Рубон" (Вильно). Идейным вдохновителем и издателем журнала был Казимир Буйницкий. На страницах этих печатных органов проводились славянофильские и панславистские идеи, критиковался либерализм, другие направления общественно-политической мысли. Консерваторы выступали за сохранение исторически сложившихся форм государственной и общественной жизни, за приверженность ее традиционным моральным, религиозным и правовым основам.

Наиболее видным представителем консервативной мысли 30–60-х гг. XIX в. в Беларуси, Литве и Польше был Генрих Ржевусский (1791–1866), общественно-политические взгляды которого складывались под влиянием виднейших теоретиков западноевропейского традиционализма – Луи де Бональда и Жозефа де Местра. В своих публикациях Ржевусский выступал убежденным апологетом феодально-крепостнических отношений.

Политический радикализм. Наряду с либерализмом и консерватизмом влиятельным было радикальное направление общественной мысли, представленной филоматами, а во второй трети XIX в. – революционными демократами.

Ядро социально-политической программы филоматов составляла задача возрождения Речи Посполитой в виде федерации, которой она была во второй половине XVI в., когда Великое княжество Литовское как ее субъект пользовалось всеми социально-политическими правами. Филоматы проявляли ностальгический интерес к прошлому: они углубленно изучали государственный строй и политическую жизнь Великого княжества Литовского, его исторические, культурные и политические традиции, а также белорусский язык, бывший государственным языком княжества до конца XVII в. Подобные взгляды известный польский историк общественной мысли Марцелий Хандельсман, на наш взгляд, весьма удачно назвал "политическим романтизмом".

После трагического финала восстания 1830–1831 гг. в Беларуси и Литве начало формироваться революционно-демократическое направление общественной мысли, представленное Ф. Савичем, М. Воловичем, А. Незабытовским, Ю. Бокшанским. Эти мыслители в условиях николаевской реакции были первыми на белорусской земле пропагандистами идей революционного демократизма и крестьянского утопического социализма. Однако надо признать, что их взгляды характеризуются незавершенностью и фрагментарностью.

Наиболее полная радикальная программа преобразования общественно-политического строя, решения национального и социального вопросов была разработана после отмены крепостного права, накануне и в ходе восстания 1863–1864 гг. в Беларуси и Литве. Ее автор – выдающийся политический мыслитель, публицист, руководитель восстания К. С. Калиновский, мировоззрение которого складывалось под влиянием идей как русских, так и польских революционеров-демократов, классической немецкой философии и западноевропейского утопического социализма в обстановке нарастания массовых крестьянских выступлений в Беларуси и России.

Отстаивая право народов на самоопределение, белорусский революционер-демократ выдвинул идею создания суверенного белорусского государства, независимого как от Польши, так и от России. Наилучшей формой государственного устройства он считал демократическую республику. Осуществление всех своих социальных проектов К. С. Калиновский как последовательный приверженец революционно-демократических идей связывал с крестьянской революцией.

Восстание К.С.Калиновский рассматривал как неизбежное средство достижения гуманной и благородной цели – свободы и независимости своей Родины, ибо в самодержавной деспотической России отсутствовали какие бы то ни было легальные пути борьбы за власть, рычаги воздействия на политику государства, а следовательно, и возможности мирной реализации демократической социально-политической программы.

В ходе восстания К.С.Калиновский во многом углубил и развил свои социально-политические идеи, сделал попытку заложить основы возрождавшейся белорусской государственности. Хотя это государственное образование просуществовало недолго, всего несколько месяцев, оно оказало большое влияние на последующую общественно-политическую мысль Беларуси и Литвы и, можно сказать, посеяло зерно будущей независимости.

Борясь за суверенную и независимую Беларусь, К.С.Калиновский настойчиво пропагандировал идею дружбы народов, не отрицая возможности создания в будущем федерации свободных славянских народов: когда они завоюют подлинный государственный суверенитет.

Общественно-политическая программа, сформулированная К.С.Калиновским, определяла направление национальной общественной мысли и национально-освободительного движения на протяжении второй половины XIX – начала XX в., вплоть до создания БНР и БССР. Она оказывает определенное влияние на специфику белорусского национального Возрождения и сегодня, тем самым подтверждая историческую актуальность идейно-политического гения К.С.Калиновского.

Значительный вклад в развитие многих социально-политических идей внес также и брат К.С.Калиновского – Виктор. Об этом свидетельствуют письма последнего, найденные автором данной статьи в Польше (рукописный отдел библиотеки имени Оссолинских во Вроцлаве) и опубликованные в журнале Польской Академии наук “Из сокровищницы культуры”⁸. Содержание этих писем позволяет утверждать, что Виктор Калиновский длительное время изучал историю антифеодальных крестьянских движений в Речи Посполитой. Им был подготовлен к печати исторический труд “Уманская резня”⁹, посвященный антифеодальному восстанию украинских крестьян 1768 г. в районе г.Умани, а также собраны материалы по крестьянскому восстанию в Галиции 1846 г. В.С.Калиновский исследовал и роль униатского духовенства в крестьянских восстаниях. Несомненно, результаты исследований брата Кастусь Калиновский учитывал, разрабатывая свою социально-политическую программу.

Основная тенденция развития национальной общественной мысли в рассматриваемый период характеризовалась возрастающей дифференциацией и усложнением социально-политической проблематики, постепенной выработкой и формулировкой теоретических положений, которые впоследствии легли в основу целостной концепции национального Возрождения.

¹ Дорошевич Э.К., Конон В.М. Очерк истории эстетической мысли Белоруссии. М., 1972. С.111.

² Мицкевич А. Стихотворения. Поэмы / Перевод с польского. М., 1968. С.676.

³ Снядецкий Я. // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. М., 1956. Т.1. С.654.

⁴ Полежаев А.И. Сочинения. М., 1988. С.182.

⁵ См.: Адраджэне: Гістарычны альманах. Вып. 1 / Склад і навук. рэд. А.П.Грыцкевіч. Мн., 1995.

⁶ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т.3. С.368.

⁷ Калиновский К.С. Из печатного и рукописного наследия. Мн., 1988. С. 47, 61 и др.

⁸ См.: Szalkiewicz W. // Ze skarbyca kultury. 1988. Zeszyt 47.

⁹ Ibid. S.140.



О.В. БРИГАДИНА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ (1917–1922 гг.)

Советская история первых послереволюционных лет является объектом пристального внимания многих исследователей. Опубликовано немало работ, где "главное событие XX века", "революция, которая потрясла мир", освещалось с прямо противоположных позиций: от вульгарной идеализации до явного очернительства. Однако было бы упрощением искать истину между этими полярными взглядами. Научное исследование прошлого требует накопления знаний, отхода историков от системы заданных координат.

К сожалению, и в многочисленных публикациях последних лет не удалось избежать конъюнктурной подачи материала. Под предлогом поиска исторической правды ряд авторов обвиняет большевиков в эскалации насилия, в превращении страны в своеобразную "лабораторию" социальных экспериментов.

Можно не принимать революцию (это в конце концов дело личных убеждений), можно и нужно говорить о страданиях и бедах, перенесенных народом нашей страны. Однако нельзя не признать, что большевики, став сражающейся партией, смогли в тех реальных условиях удержать власть. Сила сопротивления революции вызвала ее ответные действия. "Возможна ли гуманность в такой небывало свирепой драке", – отвечал Ленин Горькому. – Где тут место мягкосердечию и великодушью?"¹

Как бы то ни было, однако революции в России избежать было нельзя. И именно революция, такая желанная для многих представителей российской интеллигенции, самым трагическим образом отразилась на судьбах большинства из них. Парадокс – в феномене российской интеллигенции, которая, являясь эталоном нравственной культуры и духовности нации, оказалась на рубеже веков оторванной от реального дела. Гипертрофированная социальная мечтательность, защита не насущных интересов народа, а своих представлений о нем, императив "служить не власти, а идее", – все это обернулось трагедией в октябре 1917 г. Значительная часть интеллектуальной элиты отвергла большевизм как теорию и практику движения общества к цивилизации и прогрессу. Тревогу за судьбу страны, страх за культуру и будущее перед возможным варварством как следствием необузданной революционной стихии высказывали В.Г.Короленко, А.М.Горький, И.П.Павлов и другие деятели науки и культуры. Так, Короленко в письмах к Луначарскому оспаривал стремление большевиков к авангардной роли в мировом развитии: "...народ, который начинает царство справедливости допущением массовых бессудных расстрелов, такой народ еще далек от того, чтобы стать во главе лучших стремлений человечества"².

Насилие, жестокость, террор отпугнули многих образованных людей, значительная часть которых не только не приняла революцию, но и начала активную борьбу с новой властью. Как вспоминал позднее известный философ И.А.Ильин, "интеллигенты... не признавали диктатуру пролетариата как способ справедливого государственного устройства, классовый подход в политике, экономике..."³

События, последовавшие после 1917 г., заставили многих представителей российской интеллигенции не только иначе взглянуть на те ценности, которым они прежде поклонялись, но и вступить в активную конфронтацию с большевиками. Так, по призыву Всероссийского учительского союза 2 декабря 1917 г. около 4 тыс. учителей Москвы присоединились к трехмесячной забастовке служащих городской управы. Бастовали учителя в Петрограде, Уфе, Екатеринбурге, Астрахани и других городах России, требуя передачи власти Учредительному собранию. Резолюцией от 22 ноября 1917 г. осудило диктатуру большевиков и правление Пироговского общества врачей, призвав медицинских работников саботировать мероприятия Советской власти в области здравоохранения.

Резко негативным было отношение к пролетарской революции 1917 г. большинства представителей научных учреждений и вузов страны. Экстраординарное Общее собрание Российской Академии наук было специально созвано 18 ноября 1917 г. «ввиду того, что происходящие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала в такое исключительное время»⁴. Обращение РАН, осуждающее Октябрьский переворот, было в дальнейшем поддержано Советом научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда.

Не приняла Советскую власть и значительная часть технической интеллигенции, выразителем настроений и взглядов которой являлся Всероссийский союз инженеров.

Таким образом, советская действительность утверждалась в результате взаимодействия и противоборства различных сил. Большевистская власть не была абсолютно последовательна в своих действиях, налицо были явные противоречия в экономической, культурной политике Советов. Ситуацию можно определить словами Сен-Жюста, одного из деятелей Великой Французской революции: «...сила вещей ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову». Ленин в своих работах после Октября неоднократно подчеркивал этот парадокс: нам бы хотелось одного, но мы были вынуждены делать совершенно другое. Поэтому ряд конкретных шагов Советской власти, детерминированных логикой революции, реальной ситуацией, зачастую не способствовал росту симпатий к большевикам у образованных слоев населения, представлялся им в лучшем случае непоследовательным и противоречивым.

С одной стороны, налицо было стремление к общечеловеческой культуре, невиданная по массовости и активности работа по ликвидации неграмотности, с другой, четко выраженный классовый подход к носителям этой культуры – интеллигенции. В журнале «Красный террор» член комиссии ВЧК М.Лацис в ноябре 1918 г. писал: «Мы не ведем войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс... Первый вопрос, который мы ему (обвиняемому – О.Б.) должны предложить, – к какому классу он принадлежит, какого происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого»⁶. Естественно, что подобные откровения не могли не вызвать протест у потенциальных «обвиняемых».

Положительно расценивая широкомасштабную государственную кампанию по изданию и распространению книг для народа, российская интеллектуальная общественность негативно встретила так называемые чистки библиотек от «антисоветской и антихудожественной литературы». В числе опальных оказались Кант, Платон, Л.Толстой, С.Есенин и др. Как ограничение свободы и демократии был расценен Декрет СНК о печати (октябрь 1917 г.), согласно которому закрывались многие оппозиционные газеты («Речь», «Новое время», «Биржевые новости» и др.). Негативную реакцию у интеллигенции вызвал Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (январь 1918 г.), во исполнение которого началось варварское разрушение культовых памятников, проводились репрессии против служителей церкви. Эти и другие непопулярные меры властей, продиктованные требованиями дня, вызывали протест и рост оппозиционных настроений у интеллигенции.

С особой враждебностью была воспринята революция и последующая политика большевистской власти в кругах художественной интеллигенции. Объясвила саботаж значительная часть труппы Александринского театра, разыграв в

ноябре 1917 г. на сцене фарс "Апофеоз Учредительного собрания". На общем собрании коллектива театра было принято решение о прекращении театральной деятельности "вплоть до выяснения общего положения дел в государстве". Идейними врагами большевизма объявили себя многие представители литературы и искусства: Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус, Ф.К.Сологуб, В.И.Иванов, Б.К.Зайцев, А.Т.Аверченко и др. По мнению И.Бунина (первого русского писателя, удостоенного в 1933 г. звания лауреата Нобелевской премии), "русская вахханалия превзошла все до нее бывшие". З.Н.Гиппиус охарактеризовала события тех лет, как "месиво жестокостей, невежества... возмездие и болтунам, и "обломовцам" от культуры".

Российская интеллигенция в большинстве своем выступила вдохновительницей контрреволюции, а монархически настроенное офицерство стало ударной силой белого движения. В 1918–1920 гг. на юге России в Добровольческой армии оказались многие представители либеральной буржуазии. Годы гражданской войны стали тяжелейшим испытанием для многих из них. В конце концов даже самые ярые сторонники активной борьбы с большевиками осознали бесполезность приносимых жертв, понимая, что ожесточение войны уже не сможет пройти бесследно для страны, что ярость классового противостояния наложила отпечаток на нравственный облик всего народа⁸.

Судьбы многих видных российских интеллигентов были исковерканы: одни погибли на фронтах гражданской войны, другие оказались в изгнании. Разочарование в революции вынудило эмигрировать лучших представителей отечественной интеллектуальной элиты, а также наиболее активных деятелей практически всех дореволюционных российских партий: от монархистов до социал-демократов. На долгие годы растянулся в эмигрантской среде процесс идейно-политического размежевания, пересмотр прежних верований и представлений, переоценка духовного прошлого. Большинство из эмигрировавших завершили свой жизненный путь на чужбине, некоторые вернулись на родину. Таким образом, пролетарская революция 1917 г. стимулировала процесс расслоения интеллигенции, сложный и растянутый во времени, со своими приобретениями и потерями.

Российская интеллигенция не была однородной ни по социальному происхождению, ни по своим убеждениям. Для многих даже мысль о бегстве из страны представлялась унижительной и аморальной. Идея служения народу, создание новой культуры являлись смыслом жизни для значительной части образованных людей и тем сильнейшим побудительным мотивом, который и определил их дальнейший жизненный выбор.

С энтузиазмом и надеждой встретили октябрьские события известные скульпторы С.Эрзя, С.Коненков, художники И.Габарь, А.Лентулов, П.Кузнецов. В числе первых, кто восторженно принял революцию, были поэты А.Блок, В.Брюсов, В.Маяковский. Продолжали свою научную деятельность ученые А.П.Карпинский, А.Н.Бах, К.Э.Циолковский, И.М.Губкин. Многие известные деятели науки и культуры вступили в ряды ВКП(б).

Пролетарская революция расколола российский офицерский корпус, часть которого поддержала большевиков (будущие Главнокомандующие Вооруженными Силами республики И.И.Вацетис и С.С.Каменев, полковники Б.М.Шапошников и А.И.Егоров, подполковники А.М.Василевский и Л.А.Говоров).

Советская власть стремилась использовать опыт и знания "буржуазных специалистов" в своих интересах. Объединению интеллектуальных сил страны способствовала деятельность научно-технического отдела ВСНХ РСФСР. В 1919 г. в качестве постоянных сотрудников, консультантов и экспертов там работало свыше 250 профессоров, 300 инженеров. Более 200 ученых и служащих приняли участие в разработке плана ГОЭЛРО⁹. В Институте физико-химического анализа АН под руководством академика Н.С.Курнакова велись исследования для электротехнической промышленности, в отделе редких элементов АН под руководством академика В.И.Вернадского – работы по изучению радиоактивных веществ. Исследования по рентгенографии кристаллов и полупроводников были выполнены коллективом Рентгенологического института (академик А.Ф.Иоффе).

Однако согласие на сотрудничество с большевиками давалось нелегко. Одних не покидали сомнения в правильности сделанного выбора, другие прошли

мучительный путь раздумий и компромиссов. Отношения между интеллигенцией и Советской властью нередко отличались острыми противоречиями: власть пыталась поставить образованные слои общества на службу системе, интеллигенция, со своей стороны, отстаивала право на интеллектуальную свободу, выступая против тотального контроля за умонастроениями в обществе. Одним из первых своеобразную двусмысленность советской действительности отметил ученый и мыслитель, лауреат Нобелевской премии И. Павлов: с одной стороны, просматривались многообещающие признаки «социального рая» – равенство, единение масс, воодушевление большинства общими идеями, впечатляющие результаты индустриализации и т.д., с другой стороны, отмечал известный ученый, «мы находимся в сущем аду, где насилие и бесчеловечность стали обыденным и всеобщим делом»¹⁰.

Для укрепления своих позиций, нейтрализации потенциальных оппонентов власть предприняла упреждающие шаги, выработав программу мер по привлечению на свою сторону колеблющихся. В Программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии, была поставлена задача активного использования старых специалистов, причем эта тактика рассматривалась как своеобразная форма классовой борьбы, призванная преобразовать классовую природу интеллигенции.

Результатом целенаправленной политики Советской власти по формированию качественно нового социума – советской интеллигенции – явилась пролетаризация образованного слоя страны, снижение общего интеллектуального уровня людей с высшим образованием, усиленная технократизация вузов. Был сформирован новый, лояльный государству социальный слой, гарантирующий успех в борьбе с возможными рецидивами инакомыслия и вольнодумства в обществе.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1989. Т.3. С.240.

² Короленко В. // Новый мир. 1988. №10. С.216.

³ Ильин И. А. // Новый мир. 1991. №1. С.218.

⁴ Есаков В. Д. // Отечественная история. 1994. №6. С.129.

⁵ Пантин И., Плимак Е. А. // Коммунист. 1981. №15. С.104.

⁶ История и теория мировой и отечественной культуры. Пенза, 1993. С.123.

⁷ См.: Гиппиус З. Н. // Под созвездием топора. М., 1991. С.327.

⁸ См.: Струве П. Б. // Новый мир. 1991. №4. С.217; Трубецкой Е. Н. // Новый мир. 1990. №7. С.198.

⁹ Федюкин С. Л. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М., 1984. С.28.

¹⁰ Якимович А. // Погружение в трясину. М., 1991. С.371.

А.А.ЗАГОРНОВ

БРЕСТСКАЯ ТАМОЖНЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Система контроля – одна из основных внутренних функций государства. Так, его система пограничного контроля позволяет сохранять экономическую независимость и, более того, политическую самостоятельность. Стремление государств упорядочить все возрастающий поток товаров, пересекающих границы (экспорт и импорт), с течением времени привело к созданию таможенного контроля и его органов – таможен.

Первые таможи в России появились уже в XIII в. А с введением в XVII в. таможенного тарифа в Европе таможи окончательно оформились как государственная система пограничного контроля.

Таможи имеют большое и интересное прошлое. К сожалению, у нас почти нет литературы по истории белорусских таможен. Поэтому нам кажется небезполезным дать хотя бы краткий обзор деятельности Брестской таможни в первой половине XIX в. В это время таможня играла заметную роль на западной границе Российской империи. Сразу после второго раздела Речи Посполитой Брест получил российский пограничный статус. Находясь на магистральном Московско-Варшавском тракте и на судоходных реках Буг и Мухавец, город на протяжении всего XIX в. был важным торговым и перевалочным грузовым узлом. Таможню здесь вновь учредили в начале XIX в., и она активно действовала до 50-х гг.

После разделов Речи Посполитой изменилась линия государственной границы. Возникла проблема создания новых таможен и в результате были открыты в разное время четыре крупные таможни: Дубоссарская, Радзивиловская, Ковенская и Брестская.

После войны 1812 г. и создания Царства Польского российские власти задумались об усилении западной сухопутной границы империи. В первую очередь это диктовалось особыми отношениями с Царством Польским, которое, хотя и входило в состав Российской империи, но имело свои государственные границы с таможнями как на западе, так и на востоке. Грузы, поступающие из Царства Польского, как и другие иностранные, облагались пошлиной. Взимание пошлин в это время стало основной функцией таможен новых округов.

31 марта 1816 г. Александр I подписал указ об образовании еще двух новых таможенных округов – Ковенского и Брест-Литовского¹. Брест-Литовский таможенный округ (с начала 20-х гг. его центр был перенесен в Гродно, и он стал именоваться Гродненским) имел границу от р.Лососны до с.Преборова и кроме Брестской таможни первоначально располагал еще Гондиондской, Хорошенской, Цехановецкой, Нурецкой и Преборовской заставами. В штате таможни в 1816 г. насчитывалось 24 человека: управляющий, секретарь, переводчик, казначей, бухгалтер (он же «выкладчик» пошлин), пять писцов, смотритель для аптекарских материалов и красок, шесть досмотрщиков, сторожа и др. Позднее штат таможни в Бресте был сокращен, и уже в 1825 г. ее обслуживало всего семь человек: управляющий, помощник, два писца, пакаузный надзиратель и два досмотрщика². Сокращение штатов в старых таможнях было вызвано тем, что в империи открывались новые таможни, для которых не хватало опытных работников (так, на территории Гродненской губернии до 1838 г. действовало три таможни, а в 1849 – уже восемь), а также и тем, что значительно возросло количество стражников, которые не входили в штаты таможен. Примечательно, что в первой половине XIX в. таможенный контроль и пограничная охрана относились к ведомству министерства финансов. Пограничники тогда именовались «таможенным присмотром» и состояли из команд таможенной стражи, обязанных наблюдать за границами государства, контролировать перемещение людей и грузов через таможенные пункты и бороться с контрабандой.

Прохождение границы через некогда единые в административном отношении территории усложняло работу таможни, ибо нередко жители пограничной полосы по старой памяти стремились попасть на теперь уже заграничную территорию и вернуться, конечно, не с пустыми руками. Поскольку в сопредельных землях существовала разница в ценах, то в результате такого перемещения можно было заработать (естественно, если удавалось обойти таможню или таможенники не находили запретный груз). И по сей день провоз контрабанды является одной из статей дохода многих брестовчан и жителей польского Тересполя. Невозможно учесть, сколько товара обращалось таким путем, но кое-что попадало в руки таможенников.

28 января 1829 г. надзиратель Алферов привел в Брестскую таможню «крестьянина Царства Польского Халюка с тремя мешочками соли и табака». Нарушителя задержал уже при возвращении объездчик Фадеев. На допросе в таможне нарушитель показал, что «тайно перешел границу, купил для своей надобности соли 26 фунтов и табаку листового курительного один фунт» и попытался вернуться, но был задержан. Общее присутствие (собрание членов таможни) решило: во-первых, «соль и табак как запрещенные к продаже в Царстве Польском конфисковать и продать с аукциона»; во-вторых, «с крестьянина Халюка взъясать пеню – двойную продажную цену соли и табака», в-третьих, передать нарушителя брестской полиции для высылки его в Царство Польское. Для подтверждения своей финансовой дееспособности, т.е. возможности уплатить штраф, нарушители должны были получить поручительство брестских купцов. За Халюка поручился купец Адам Миллер³.

Объектами крестьянского «бизнеса» были не только соль и табак. Например, летом 1824 г. при «тайном прогоне» двух волов на польскую территорию был задержан крестьянин Жуковский⁴.

Задерживалась и контрабанда, шедшая из польских земель, в том числе жемчуг, зеркала и различные предметы обихода.

Перевоз или перенос контрабанды стал промыслом значительного количества жителей Бреста. Эта тема порождала у наиболее «патриотически» настроенных горожан чувства сверхбдительности. Так, однажды появился донос «брестского жителя шляхтича Завадского на командира городской инвалидной команды майора князя Глинского». Суть дела заключалась в том, что 24 декабря 1819 г., выйдя из своего дома, бдительный горожанин заметил «следовавших от Буга через его огород двух солдат инвалидной команды и брестского мещанина Ивана Янковского с работником, несущих на себе по одному мешку». Шляхтич принял их за контрабанду, о чем и написал в своих доносах гродненскому гражданскому губернатору и начальнику таможенных и торговых дел в Царстве Польском. Брестская городская полиция провела расследование, потом прибыла еще следственная комиссия. В итоге губернское правление посчитало донос Завадского ложным и предписало брестской полиции взыскать с него деньги, отпущенные из казны следователям (212 руб. ассигнациями) и оштрафовать его еще на 200 руб.⁵

Борьба с контрабандой велась не только на самой границе. Пограничная полоса шириной в семь верст тоже была зоной действия таможенной стражи. Здесь могли проводиться обыски и преследование контрабандных грузов, а жители этой полосы находились под особым контролем.

Осенью 1834 г. «у помещицы Брестского уезда графини Бнинской» были обнаружены контрабандные товары. Приехавшие, видимо, по наводке в имение Труново чиновник для особых поручений при Гродненском таможенном округе Ребиндер, заседатель брестского нижнего земского суда Богданович и несколько объездчиков нашли в доме помещицы товары, «состоящие из цельных кусков разных тканей». Графиня не смогла доказать законность приобретения этих иностранных товаров, оцененных в 611 руб. 80 коп. Ткани конфисковали и передали Брестской таможене, которой надлежало оприходовать их, а потом реализовать на аукционе⁶.

В основном таможня в Бресте занималась «очищением пошლიной» польских товаров. После взимания пошлины на товары специальным, ежегодно обновлявшимся штемпелем ставилось клеймо. Кроме того, товары, провозимые через границу, должны были иметь собственные фирменные знаки, поэтому таможня получала специальные ведомости-каталоги новых фабрик и мануфактур с образцами их клейм. Ей предписывалось сличать эти клейма с реальными знаками на товарах.

Брестская таможня в первой половине XIX в. по доходности сохраняла явное лидерство среди таможен Гродненской губернии. Например, в 1837 г. из 440 тыс. руб. пошлинного дохода по Гродненскому таможенному округу 320 тыс. руб., или 72%, взималось Брестской таможней и только 220 руб. (0,06%) — Гродненской. Большая часть таможенной стражи тоже сосредоточивалась в Брестском уезде⁷.

Царское правительство придавало важное значение таможням вообще и особенно на западной границе, где они служили своеобразным кордоном по сдерживанию проникновения революционных идей Франции и национально-освободительных идей стремящейся к независимости Польши. Поэтому таможня, всегда имевшая твердое финансовое обеспечение, осуществляла жесткий контроль над умами посредством фильтрации печатной продукции, поступающей извне.

На 1825 г. из гродненской казенной палаты на таможню в Брест было отпущено 35150 руб. Свыше 80% этой суммы предназначалось для жалования «таможенному присмотру». В 1829 г. таможне ассигновалось уже 60117 руб.⁸

Стремясь сохранить незыблемость существующего строя, правительство пыталось не допускать распространения идей французской революции и мятежных поляков, а также влияния их на «умонастроения» жителей западных губерний. Через них новые, свежие идеи по-иному устройству и функционированию государства могли проникнуть в глубь империи. 14 февраля 1825 г. Брестская таможня получила от департамента внешней торговли подробную инструкцию, как поступать с книгами. Привозимые иностранные книги «по учинении надлежащего оным досмотра и очистки (т.е. взимания пошлины — А.З.), по запломбировании в ящиках, тюках или ином виде» надлежало вернуть владель-

цам с обязательной распиской последних о том, что в шестимесячный (с середины 40-х гг. – трехмесячный) срок они предоставят досмотренные книги без повреждения пломб местному губернатору, который примет решение о их судьбе. Губернатор, в свою очередь, обращался в цензурный комитет, где каждую книгу проверяли и давали заключение. Таким образом, деятельность таможи по задержанию книг в определенной мере инициировала цензурирование. Таможенникам, кроме того, вменялось в обязанность каждый месяц уведомлять особую канцелярию МВД «сколько именно провезено мест с книгами, под какими знаками, куда и на чье имя оныя были адресованы»⁹.

Книги таможенным чиновникам Бреста приходилось задерживать часто: они были в багаже или на руках почти у каждого возвращавшегося из-за границы. В июне 1830 г. комиссионер Рубин заявил таможенникам, что везет с собой из Варшавы пачку книг на разных языках. Таможенники, «учинив книгам досмотр» и приложив две свинцовые пломбы, обязали владельца доставить литературу губернатору в Гродно «без повреждения и нарушения пломб для освидетельствования». По тому же сценарию в сентябре этого года были задержаны и отправлены по инстанции 21 книга на польском и французском языках, принадлежавшие польскому купцу Юрию Добричу¹⁰.

Итак, Брестская таможня в первой половине XIX в. была одной из самых значимых на западной сухопутной границе Российской империи. Основную ее функцию составляло взимание пошлин с грузов, ввозимых из Царства Польского. В своей деятельности таможня руководствовалась утвержденным для нее тарифом, положениями таможенного устава и предписаниями департамента внешней торговли.

В начале 50-х гг. XIX в. отношения между Царством Польским и остальной частью Российской империи в значительной степени упростились. В частности, отменялись таможенные пошлины и внутренняя таможенная граница между ними была ликвидирована. Надо полагать, поэтому брестская таможня, как и ряд других на бывшей российско-польской границе, прекратила свое существование.

¹ Полн. собр. законов Рос. империи (далее ПЗС). 1-е собр. Т.33. №26217.

² Там же. Т.44. Ч.2. № 28030, 30446.

³ БГИА в Гродно. Ф.1692, оп.1, д.5, л.85.

⁴ Там же. Д.2, л.15–16.

⁵ Там же. Ф.1, оп.1, д.1928, л.39–43.

⁶ Там же. Оп.10, д.1105, л.1–6.

⁷ Там же. Ф.14, оп.1, д.639, л. 189, 190, 194–196 об.

⁸ Там же. Ф.1692, оп.1, д.3, л. 108–110; д.5, л.95.

⁹ Там же. Ф.1692, оп.1, д.3, л.71.

¹⁰ Там же. Ф.1, оп.3, д.421, л. 10, 21–22.

КАТЯ БЕНЧЕВА (БОЛГАРИЯ)

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПРАВА МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН В СОВРЕМЕННЫХ ГРЕЦИИ И БОЛГАРИИ

На Балканском полуострове исторически сформировались многие нации, процесс консолидации которых происходил в условиях иноземного господства Османской и Габсбургской империй. Население полуострова, в большинстве своем православные христиане, до возникновения современных национальных государств подвергалось усиленному нажиму двух сил – ислама как официальной религии Османской империи и католицизма как господствующего вероисповедания Австрийской империи.

Формирование мусульманских этнорелигиозных общин на Балканах началось после колонизации полуострова турками-османами, сопровождавшейся проведением политики исламизации и ассимиляции местного населения. Как известно, ислам, в соответствии с требованиями пророка Мохаммеда, всегда ставил религиозные связи и отношения выше племенных, национальных. "В лоне ислама нет народностей" – говорится в одном из хадисов. Отождествление этнической принадлежности с религиозной привело к ассимиляции больших масс поработанного балканского населения турками. Религия превраща-

ется в важный показатель этнической характеристики и играет роль дифференцирующего фактора. Исламизация привела не только к неблагоприятным демографическим и религиозным изменениям, но и к значительному растворению этнического самосознания коренного населения.

После ликвидации Османской империи на Балканах осталось многочисленное мусульманское население, которое обычно мирно уживалось с различными этноконфессиональными группами. Однако в конце 80-х годов нашего столетия резко возрос интерес к вопросу о положении и правах мусульман в этом регионе. Инспирирован такой интерес главным образом проблемами, возникшими в Восточной Европе и на Балканах после крушения коммунистических режимов, что привело к заметной активизации националистических сил и политических движений мусульман в большинстве балканских стран.

Так, в современной Греции насчитывается около 120 тыс. мусульман, или 1,17 % населения страны. Греческие мусульмане пользуются всеми гарантированными конституцией правами и свободами. В г. Кавале создан Высший совет по делам меньшинств, а в Комотини, Ксанти и Александруполисе действуют специальные службы, которые занимаются проблемами мусульманского населения¹. В Западной Фракии функционируют 279 базовых мусульманских школ, две гимназии, техникум и два средних духовных заведения. В этих учебных заведениях, кроме общеобразовательных предметов, изучаются турецкий язык, грамматика, основы мусульманского вероисповедания. Но большая часть молодых мусульман после получения среднего образования с помощью местного муфтийства и турецкого консульства направляется для продолжения образования в вузы Стамбула и Анкары. Выпускники турецких вузов, возвращаясь на родину, как правило, начинают вести антигреческую пропаганду, что дает основания греческим властям для серьезного беспокойства. Что это беспокойство не беспочвенно, подтвердила кампания по проведению парламентских выборов в 1989–1990 гг. Тогда руководители мусульманского меньшинства под нажимом турецкого консульства отказались от голосования по избирательным спискам партии Новой демократии и ПАСОК, выдвинув своих мусульманских кандидатов и развернув яркую антигреческую пропаганду². Все это отразило возросшее влияние представителей мусульманского меньшинства на формирование политики местного самоуправления.

Иное положение сложилось в Болгарии. Здесь влияние протурецкой пропаганды на болгарских мусульман ощущается гораздо сильнее. Отношения между христианами и мусульманами в Болгарии в конце 80 – начале 90-х годов подверглись настоящему испытанию. В стране еще свежи воспоминания о последствиях так называемого "процесса возрождения". В 1983–1984 гг. правительство Тодора Живкова издало ряд распоряжений о замене всех турецко-мусульманских имен болгарско-христианскими, что вызвало возмущение мусульманского населения. Именно этот "процесс возрождения" оказался катализатором этнического и внутривнутриполитического взрыва 1989 г., который еще более обособил этнорелигиозные группы. Проблема взаимоотношений двух основных религиозных общин в Болгарии усугубляется еще и заметным увеличением мусульманского населения. Так, согласно переписи населения 1992 г., мусульманская община Болгарии составляет 1 078 326 человек. В этническом отношении она неоднородна. Так, ислам здесь исповедуют турки (98 %), цыгане (39,2 %) и некоторые болгары (2%)³. В последние годы в Болгарии процесс туркизации болгарских мусульман в ряде регионов резко усилился. Эта деятельность поощряется и осуществляется теми силами, которые, по мнению Н.Йорданова, связаны с турецко-исламской идеей⁴. Особенно заметна насильственная туркизация в Западных Родобах. Здесь часть болгароязычных мусульман объявила себя турками, вопреки многочисленным историческим и этническим доказательствам их болгарского и христианского происхождения. Так, например, в Родобах (община Доспат, местность Долная Бартина) найдены языческий фракийский культовый некрополь, раннехристианская церковь и некрополь XII–XVII вв. Они свидетельствуют о преемственности материальной культуры и религии в Родобах⁵. К сожалению, многое из этого культурного наследия уничтожается.

Протурецкому движению в Болгарии, как и реакционным кругам Турции, не выгодна историческая правда о болгарско-христианском происхождении родоп-

ских болгар-мусульман. В Родопах особенно активную деятельность развивает Движение за права и свободы (ДПС), которое вопреки своему наименованию имеет протурецкую ориентацию. Это движение, используя бездействие болгарских властей и политических деятелей, активно проводит "второе отуречивание" в районе Якоруды (Родопы). Сегодня во всех деревнях Якорудской общины, где раньше никогда не было мечетей, но еще сохранились остатки разрушенных церквей, на средства, поступающие из исламских стран, развернуто строительство семи мечетей. По инициативе и под давлением ДПС исконные болгарские фамилии мусульманских родов сегодня заменяются турецкими. Таким образом насильственно искореняется болгарская родословная многих граждан страны⁶. В Якорудской общине развернулась кампания по введению изучения турецкого языка. По существу, это последний шаг на пути к окончательной туркизации болгароязычного населения, исповедующего ислам, и его полного отрыва от болгарского народа. Это население цинично используется религиозными организациями как средство манипуляции. Деятельность разного рода националистических партий, религиозно окрашенных движений и организаций угрожает единству нации и целостности болгарского государства. Особую тревогу у болгарской общественности вызывают амбиции Турецкой демократической партии (ТДП) во главе с Адем Кенаном. Программа этой партии проецирует создание болгарского государства в виде федеративной системы, состоящей из республик и автономий с отдельными столицами и конституциями. Одновременно выдвигается требование о предоставлении коллективных прав для "турецкого национального меньшинства"

Законодательная практика Болгарии по отношению к регламентации индивидуальных и коллективных политических прав лиц разных религиозных, языковых и этнических общностей придерживается принципа суверенного равенства в соответствии с Уставом ООН⁸. Права лиц, принадлежащих к разным языковым, религиозным и этническим группам, гарантируются ст.44 /2/ болгарской конституции⁹. Граждане Болгарии, для которых болгарский язык не является родным, имеют право, кроме его обязательного изучения, изучать свой родной язык и пользоваться им. Кроме того, болгарское правительство с 1961 г. субсидирует расходы на покрытие издержек функционирования мусульманского культа.

Однако беспрепятственно действующие в стране протурецкие партии и организации, а также отдельные миссионеры-фанатики искусственно обостряют межконфессиональные проблемы. Сегодня на территории страны действуют 14 таких происламских организаций, как "Ал Вакеф", "Ислями", "Менар" и др.¹⁰. Турция использует мусульманское население Балкан для реализации своих экспансионистских стратегических целей. Об этом красноречиво свидетельствует ее активная раскольническая политика в бывшей Югославии, в частности в Боснии и Герцеговине, а также в иных балканских областях, где компактно проживают различные этнические группы, исповедующие ислам.

¹ См.: Иванова М. // Дума. 1993. 7 авг.

² См.: Христукидис А. // Аспекти на етнокултурната ситуация в България. София, 1992. С.55.

³ См.: Георгиева Цв. // Връзки на съвместимост и несъвместимост между християни и мюсюлмани в България. София, 1994. С.140.

⁴ Йорданов Н. Пантюризъмът и европейската идея. София, 1995. С.71.

⁵ См.: 24 часа. 1996. 29 март.

⁶ См.: Сахатчиев Ж. Второто потурчване на Якоруда 1990–1995. Пловдив, 1996. С.32.

⁷ См.: Кенан А. 24 часа. 1992. 12–13 декември.

⁸ См.: Права человека. М., 1989. С.36.

⁹ См.: Константинов Е. // Аспекти на етнокултурната ситуация в България и на Балканите. София, 1992. С.12.

¹⁰ См.: Йорданов Н. Пантюризъмът и европейската идея. С.70.



Ф.В. ПЕКАРСКИЙ

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ИДЕИ "СВЕРХЧЕЛОВЕКА" В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ФУТУРИЗМА

Понятие "сверхчеловек" имеет глубокие корни в европейской культурной традиции. К наиболее ранним из них можно отнести архаические мистерии, сакрализовавшие в акте инициации духовную сущность посвященного, а также античные мифы о "героях", сочетавших в себе божественную и человеческую природу и в силу этого обладавших сверхчеловеческими способностями и качествами.

Важную роль в становлении этого понятия сыграл и этический идеал стоиков – идеализированный образ мудреца, чуждого любых человеческих слабостей и персонифицировавшего всевозможные совершенства. Христианская ортодоксия также признавала за аскетом возможность стать "сверхчеловеком", т.е. придти через истовость веры и смирение к богоподобию.

"Сверхчеловек", таким образом, понимался как человек, превзошедший физические и духовные возможности человеческой природы и потому являющийся собою особое, высшее существо, субъект истинного знания и морали, – шаг на пути к Абсолюту.

Начиная с XVI в. семантика понятия "сверхчеловек" дифференцируется. С одной стороны, может быть зафиксирован связанный с известными тенденциями политической жизни Ренессанса вектор интерпретации "сверхчеловека" как государственного деятеля, чьи полномочия не знают ограничений ни извне (со стороны правовых норм), ни изнутри (со стороны сознания, отягощенного моральными догмами). Классическими примерами философских произведений этого направления являются "Тамерлан Великий" К.Марло и "Государь" Н.Макиавелли.

Становление и развитие естествознания обусловило второй вектор в трактовке "сверхчеловека", который теперь представлялся субъектом, которому открыты не только все тайны природы, но и пути преодоления ее извечных законов (сверхестественные возможности "философского камня", взаимопревращения элементов природы в алхимии и т.п.). Классическим героем такого типа является гётевский Фауст.

Едва ли можно говорить о том, что в эпоху Возрождения оформляется вектор интерпретации "сверхчеловека" как гениального творца-художника: такое утверждение было бы неправомерной модернизацией. Вместе с тем нельзя не отметить, что утверждавшееся тогда понимание художественного творчества как "бог вдохновенного" процесса не могло не задать культуре соответствующей интенции. Последняя фундаментально развивается позднее романтизмом, эстетическая концепция которого была центрирована вокруг понятия "гений", несоместимого со стандартами человеческого бытия. Именно эта традиция явилась той ветвью, на которой и вырела идея "сверхчеловека" в европейской культуре, получившая классическое выражение в творчестве Ф.Ницше.

Целью данной статьи является анализ содержательного влияния ницшеанства на философские основы концепции футуризма.

Возникнув почти одновременно (в 10-х годах нашего столетия), итальянский и русский футуризм избрали стержневой темой своего творчества будущее, но

по-разному подходили к проблеме его осмысления. Представители первого рьяно следовали ницшеанскому лозунгу: "Разбейте, разбейте, вы, познающие, старые скрижали!"¹ Созвучна этому позиция итальянского футуризма, четко выраженная его идеологом Ф.Т.Маринетти: "Культе прошлого и артистический меркантилизм: вот две страшные холеры, которые свирепствуют среди нас. Мы презираем — как гигиену и систему боя — все формы повиновения, послушания, подражания, застарелые вкусы и всякую благоразумную медлительность. Мы ратуем против большинства, развращенного властью, и плюем на ходячее и традиционное мнение. Наша поэзия абсолютно вне всяких пут, свободна и самопроизвольна, как огонь вулкана. Нужно, нужно, поймите, убрать рельсы стихов, взорвать мосты *Уже сказанного*, и пустить локомотивы вдохновения по неизведанным степям *Нового!*"²

Ф.Ницше пытался пересмотреть устоявшееся положение метафизики относительно единого, истинного "бытия". На его место немецкий философ ставит "жизнь" как вечное движение, становление, перманентное течение, лишенное атрибутов, приписываемых "бытию". Процесс становления, согласно Ф.Ницше, лишен цели, единства, его нельзя оценивать через категории "добро" и "зло", либо "истина" и "ложь". "Жизнь" проявляет свою самость через всевозможные модификации "воли к власти" на уровне как физической, так и духовной реальности; она — и само бытие в его динамичности, и страсть, и движущая социумом энергия... Она "всегда должна преодолевать самое себя"³.

Ф.Т.Маринетти, убежденный в том, что именно поэт-художник должен быть властителем мира, пытается ввести в ткань своей поэтической речи энергию вселенского вещества, тем самым устраняя по возможности из творчества довлеющее Я автора, и таким образом "проникнуть в сущность материи". Уничтожая Я в литературе, необходимо, по его мнению, заменить психологию человека "лирическим наваждением материи", сущность которой составляют "мужество, воля и абсолютная сила"⁴. Но это еще не все. "Я хочу, кроме того, — уточняет свою позицию футурист, — выразить окружающее нас бесконечно малое, неуловимое, невидимое, движение атомов, броуновское движение, все волнующие гипотезы и все исследованное в области ультрамикроскопии. Объяснюсь: не научно, а интуитивно хочу я ввести в поэзию эту неизмеримо малую молекулярную жизнь. Этот неисследованный мир смешается с произведениями искусства, со зрелищами и драмами бесконечно большого, образуя интегральный синтез жизни"⁵. Поэтическое вдохновение может не иметь респондента. Оно самодостаточно. Ф.Т.Маринетти подчеркивает, что для футуриста "быть понятным вовсе не необходимо"⁶. Жизненная энергия должна восприниматься читателем, слушателем или зрителем через "скорость", "борьбу" и "натиск".

Ф.Ницше, называя себя "первым имморалистом", пытался совершить "переоценку всех ценностей". Стремясь преодолеть "протоистинность" христианской морали, он создает образ "сверхчеловека", ожидаемый приход которого, по мысли философа, ознаменует возвращение миру его изначального смысла, установление "царства человека на земле", ведь он сам, "сверхчеловек", телеологичен по своей сути. Ницшеанское понятие абсолютно и в то же время освобождено от конкретного содержания. Смысл бытия — "сверхчеловек", и он же — новая ступень эволюции, поскольку "человек есть то, что должно превзойти <...>

Все существа до сих пор создавали что-нибудь выше себя, а вы хотите быть отливом этой великой волны и скорее вернуться к состоянию зверя, чем превзойти человека?

Что такое обезьяна в отношении человека? Посмешище или мучительный позор. И тем же самым должен быть человек для сверхчеловека"⁷.

В противоположность "последнему человеку" "сверхчеловек" не может быть продуктом устоявшейся христианской культуры. Он будет рожден и воспитан "высшими людьми", теми, кто уже совершил "превращение своего духа", обретя "львиную" природу, создающими себе свободу творить новые ценности. Утверждать эти новые ценности суждено уже "сверхчеловеку", обустроивающему свой мир. "Сверхчеловек" не может быть по своей природе добр, "ибо добрые — не могут *созидать*... — они распинают того, кто пишет новые ценности на новых скрижалях, они приносят себе в жертву будущее — они распинают все человеческое будущее! Добрые — были всегда началом конца"⁸. Ф.Ницше убежден: "Кто должен быть творцом в добре и зле... тот должен быть сперва разрушителем, разбивающим ценности.

Так принадлежит высшее зло к высшему благу, а это благо есть творческое»⁹.

Провозглашая превосходство совершенной машины над человеком, Ф.Т.Маринетти убежден, что необходимо развенчать миф о Homo sapiens как венце природы. Его идеал – это “умноженный человек”, в котором не осталось ничего человеческого. Ф.Т.Маринетти больше не устраивают фантазии о гуманистическом прогрессе, это уже пройденный этап: “Мы мечтаем о создании нечеловеческого типа, у которого будут уничтожены моральные страдания, доброта, нежность и любовь, единственные яды, отравляющие неистощимую жизненную энергию, единственные прерыватели нашего могучего физиологического электричества... В тот день, когда человеку станет возможно экстериоризовать свою волю, так что она будет продолжаться вне его как огромная невидимая рука, Мечта и желание, ныне пустые слова, приобретут верховную власть над укрощенным пространством и временем.

Нечеловеческий и механический тип, построенный для вездесущей скорости, естественно, будет жестоким, всеведущим и воинственным. Он будет наделен неожиданными органами, приспособленными к потребностям окружающей среды, состоящей из непрерывных столкновений”¹⁰.

Русский футуризм, как и итальянский, начался в истинно ницшеанском стиле – с нигилизма. Вслед за ним последовал период “избирательного умалчивания” наследия, доставшегося новым поэтам от предшественников. Указывая на несостоятельность большинства из предлагавшихся ранее подходов к слову и творчеству вообще, русские кубофутуристы пытались, зачастую без особого успеха, разработать собственные самобытные идеи. Однако среди них заметно выделяется фигура В.Хлебникова, поэта-новатора, создавшего неординарную поэтическую систему, фундированную глубинными философскими основаниями.

Поэт-“будетлянин” высказывает идеи, созвучные ницшеанской концепции “вечного возвращения”. И тот и другой указывают на неизбежность воспроизводства одних и тех же форм жизни и опыта. Согласно Ф.Ницше, “все вещи вечно возвращаются и мы сами вместе с ними... Мы существовали бесконечное число раз и все вещи вместе с нами... Существует великий год становления, чудовищно великий год: он должен, подобно песочным часам, вечно сызнова поворачиваться, чтобы течь сызнова... Все эти годы похожи сами на себя, в большом и малом, – так что и мы сами, в каждый великий год, похожи сами на себя, в большом и малом”¹¹. В.Хлебников идет дальше: “Не события управляют временем, а время ими”¹². Это означает, что события, мысли, настроения и желания подчинены определенным законам исторического времени, повторяясь в судьбах людей, народов или государств строго через определенные интервалы. И тогда: “Мы часто ощущаем, проходя тот или иной шаг по мостовой судьбы, что сейчас мы все, всем народом спускаемся в какой-то овраг, идем книзу, а сейчас взлетаем кверху, точно на качелях, и какая-то рука без усилия перенесет нас на гору. <...> В пору подъема народам свойственно свое настоящее продолжать по касательной к кривой рока в будущее. Это источник самообманов и разочарований, смешных до жестокого. Время упадка напоминает, что касательная не передает своенравной природы кривой”¹³. Каждую конкретную судьбу одновременно определяют несколько законов исторического времени, так что ситуация может вообще оказаться не поддающейся никакому анализу, а выход из нее – непредсказуемым.

“Сверхчеловек” для В.Хлебникова – это прежде всего универсальный субъект познания, “зачеловек” (от слова “заумь”, “запредельное”). Этот образ часто используется поэтом для опробирования своих наукообразных гипотез. “Сверхчеловек” есть абстрактная модель абсолютного существа: “Назовем существом А то, которое к прошлым и будущим векам человечества относится как к пространству и шагает по нашим столетьям, как по мостовой.

Его душа будет мнимой по отношению к нашей и его время дает прямой угол по отношению к нашему.

Существо В то, которому наше малое кажется большим и великое – малым: в главном уравнении мира у него будет отрицательным показатель степени, если у нас положительный.

Вселенная будет казаться ему пылинкой водорода, а пылинка – вселенной... Ему будут присущи те начала, которыми сделана вселенная”¹⁴. Этот “зачеловек” а priori воспринимает мир таковым, как он есть, а не через язык и установленные в нем “гештальты”.

Ф.Ницше полагал, что язык с необходимостью искажает реальность, поскольку он исторически складывался из слов-метафор, первоначальный смысл которых в скором времени заслонялся вторым, коммуникативным смыслом, а сами слова-метафоры обретали противоположные им значения. Человеческое мышление а posteriori не способно пробиться сквозь их завесу.

Схоже размышляет и В.Хлебников, обнаруживая тем не менее в процессе исследования, что первосмыслы, скрытые в языке, можно частично реконструировать, изучая телеологические функции согласных фонем, калькирующие объективную действительность.

Современное человечество, по мысли поэта, может постепенно стать неким подобием "зачеловека". Для этого ему необходимо превратиться в "божественное человечество". Первые шаги в этом направлении обществом уже сделаны: "Точное изучение времени приводит к раздвоению человечества, так как собрание свойств, приписывавшихся ранее божествам, допускается изучением самого себя, а такое изучение и есть не что иное, как человечество, верующее в человечество"¹⁵.

Если для Ф.Ницше "Бог мертв; из-за сострадания своего к людям умер Бог"¹⁶, то для В.Хлебникова соответственно "Бог умер, когда люди научились сами быть богами". Знание законов исторического времени раскроет перед человечеством смысл истории, знание скрытых языковых смыслов позволит "вслушаться" в "Голос Вселенной"... Поскольку законы исторического времени едины как для отдельного человека, так и для конкретного государства, ученый будущего сможет легко предсказывать собственную судьбу; а если каждый человек будущего станет ученым и скоординирует свои усилия с другими, то, возможно, полагает В.Хлебников, не только окончательное освоение времени, но и полная победа над ним, подчинение его единой воле "божественного человечества". Поскольку в будущем законотворчество будет носить обязательный характер, "будетлянин" пытается предсказать пути становления общества будущего параллельно процессу формирования новой по типу нравственности "божественного человечества", достигшего неизмеримо высокой ступени развития.

Естественно, проблема "сверхчеловека" не была и не могла быть полностью исчерпана в традициях итальянского и русского футуризма. Некоторые из концептуальных рассуждений футуристов были развиты впоследствии в литературной практике 1970–1990 гг. на основе нового, постмодернистского истолкования данного понятия.

¹ Ницше Ф. Соч. В 2 т. М., 1990. Т.2. С.144.

² Маринетти Ф. Т. Футуризм. СПб., 1914. С.22.

³ Ницше Ф. Указ. соч. С.82.

⁴ Маринетти Ф. Т. Футуризм. С.156.

⁵ Там же. С.175.

⁶ Там же. С.157.

⁷ Ницше Ф. Указ. соч. С.8.

⁸ Там же. С.765.

⁹ Там же. С.763.

¹⁰ Маринетти Ф. Т. Футуризм. С.74.

¹¹ Ницше Ф. Указ. соч. С.160.

¹² Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.527, оп.1, ед.хр.73, л.6.

¹³ Хлебников В. Отрывок из "Досок судьбы". М., 1922. С.22.

¹⁴ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф.527, оп.1, ед.хр.70, л.25 об.

¹⁵ Хлебников В. Творения. М., 1986. С.604.

¹⁶ Ницше Ф. Указ. соч. С.64.

С.Л. ЛОГВИНОВ

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ АЛЬФРЕДА ШЮЦА

Проблема рациональности давно является предметом философских исследований и обсуждений. Латинское происхождение этого термина (от ratio — разум) указывает на его существенную связь с тем, что понималось в истории философии под разумом, и, следовательно, эксплицирует возможные его содержания. В зависимости от интерпретации онтологического статуса разума (разум — в вещах; в мире; разум — в существах, наделенных сознанием) рациональность могла совпадать со сферой природной упорядоченности или со сферой концептуально-дискурсивного мышления. В качестве примера, иллюст-

рирующего вторую возможность понимания, выступает научная рациональность, которая представляет собой совокупность норм и методов, характеризующих научное исследование. И если понятие разума является обобщающим, включающим в себя интуицию, различные степени уверенности или сомнения в достоверности полученных знаний, то рациональность прежде всего связана с определением формальных признаков человеческого опыта. Речь идет об его упорядочивании, структуризации или, используя феноменологическую терминологию, о конституировании принципиально различных видов опыта.

Поскольку позиция феноменологического направления в решении вопроса об онтологическом статусе разума очевидна (разум совпадает с полем сознания в широком смысле слова), то под рациональностью следует понимать совокупность принципов, фундаментальных установок, конституирующих, организующих тот или иной вид опыта.

Серьезный вклад в развитие современной модели рациональности внес австрийский философ и социолог Альфред Шюц, разработавший оригинальную теорию различных реальностей. Вслед за американским психологом и социологом Уильямом Джемсом Шюц считает, что корнем любой реальности, действительности является отношение этой действительности к нашей эмоциональной и активной жизни. Признать вещь в качестве действительной можно в том случае, если она находится в некотором отношении к нам. Для Джемса очевидным был также тот факт, что "...существует много, может быть даже бесконечно много областей реальности, каждая из которых обладает своим оригинальным способом бытия"¹. Он называл их субуниверсумами и выделял следующие из них: мир физических вещей (исключительная реальность), мир науки, мир "идеальных отношений" (любовь), различные сверхъестественные миры мифологии и религии, различные миры индивидуального мнения, а также миры сумасшествия. Считается, что эти миры существуют относительно независимо друг от друга, и что, будучи связанным с одним из них, индивидуум теряет на момент связи контакт с другими.

Шюц соглашается с фактом существования этих независимых миров (реальностей), хотя и предпочитает вести речь не о субуниверсумах, а о закрытых смысловых областях, так как "...не онтологическая структура предметов, а смысл нашего опыта конституирует действительность"².

Закрытая смысловая область представляет собой комплекс наших познаний, которые демонстрируют определенный познавательный стиль и являются вследствие этого согласованными и не противоречащими друг другу. К ним он относит, например, мир повседневности, различные миры фантазии, мир сна, мир научной теории и т.д.

Познавательный стиль у Шюца есть не что иное как совокупность формальных условий, признаков, которые конституируют тот или иной вид опыта, ту или иную реальность. Упорядочивая, организуя опыт в согласованную картину реальности, познавательный стиль выполняет те же функции, что и рациональность.

Каковы же эти формальные признаки, которые конституируют определенный вид опыта, ту или иную реальность? Собственно, эти признаки раскрывают содержание понятия "рациональность".

Первым из них следует назвать специфическую степень напряженности сознания. Шюц здесь апеллирует к учению А. Бергсона о различных плоскостях развертывания сознательной деятельности. Эти плоскости характеризуются различной степенью интереса, внимания к жизни (*attention à la vie*), от максимальной, в процессе практической деятельности, до минимальной, во время сна. Согласно Шюцу, определенная степень напряженности сознания актуализирует определенный тип реальности, "...делает значимой для нас ту или иную область мира"³.

Вторым признаком является специфическое *Erosché*. Термин этот введен Гуссерлем для описания процедуры феноменологической редукции и представляет собой организованное воздержание от экзистенциальных суждений, т.е. заключение в скобки наличия мира, наличия знаний о мире и факта моего психофизиологического существования в мире. Путем такой искусственной процедуры совершается смена естественной установки на теоретическую, и феноменолог открывает для исследования поле чистого сознания. Шюц же считает, что помимо используемого Гуссерлем известного *Erosché* существуют и другие его виды, которые конституируют "нетеоретические", закрытые смысловые области.

В качестве третьего признака выступает господствующая форма спонтанности. Она может быть разнообразной. Это и предметно-практическая деятельность в мире повседневности, и рефлексивная активность в процессе научного анализа, и реализация способностей воображения в ходе фантазирования.

Четвертым признаком может быть обозначена специфическая форма самосознания. Для мира повседневности результатом самопознания является действующее Я как Я-всеобщее. Дело в том, что практическая деятельность предполагает, например, воображение будущего положения дел (разработку проекта), рефлексивный анализ имеющихся для его реализации средств и оценку возможных побочных последствий деятельности. Познающее Я в мире науки определяет себя как Я рефлексивное. Однако наиболее сложным и запутанным процесс самопознания оказывается в закрытой смысловой области сна. Точнее выражаясь, во время сна он фактически невозможен, хотя спящий и может представить себя как человека действующего, думающего, фантазирующего и т.д. Я в процессе сна выступает скорее как Я-перцептивное, а не как апперцептивное Я. В отличие от фантазирования, Я в состоянии сна не может наполнять произвольным содержанием конституирующие смысл точки протекции, т.е. формировать образы в соответствии со своими желаниями. Переживаемое же иногда во время сна острое чувство страха опять-таки связано с перцептивным характером Я и синкретичным (нечто среднее между миром повседневности и миром фантазии, с нечетко выраженным прагматическим интересом) полем разрывания сна.

Специфическая форма социальности является следующим признаком, конституирующим ту или иную закрытую смысловую область. Например, мир повседневности может быть охарактеризован как мир intersубъективной коммуникации и социальных действий. Intersубъективный характер может носить и сфантазированное игровое пространство. Любые формы социальности невозможны, однако, в состоянии сна.

Особую временную перспективу можно выделить в качестве заключительного формального признака рациональности. В мире повседневности царит стандартное время, которое возникает на пересечении внутреннего времени сознания *durée* и космического времени. Стандартное время можно считать универсальной временной структурой intersубъективного мира. Для закрытой же смысловой области сна характерно внутреннее время сознания *durée*. Хотя здесь следует отметить, что в содержании сна прошедшие события могут быть представлены в качестве грядущих и наоборот, т.е. континуальность космического времени нарушается, континуальность же внутреннего времени сознания *durée* сохраняется.

После характеристики формальных признаков, конституирующих определенный вид опыта, определенную закрытую смысловую область и раскрывающих содержание термина рациональность, имеет смысл кратко остановиться на некоторых из этих закрытых смысловых областей.

Для мира повседневности основной формой напряженности сознания выступает бодрствование, которое основывается на абсолютном внимании к жизни. Специфической формой *Erosché* является заключение в скобки любого сомнения, ставящего под вопрос существование мира здесь и теперь. Господствующая форма спонтанности — действие, форма самопознания — познание себя как всеобщего Я: специфическая форма социальности — intersубъективное “мы-отношение” (практическая коммуникация между индивидами); особая форма времени — стандартное время.

Различные миры фантазии характеризуются ослаблением напряженности сознания по сравнению с миром повседневности. Характерной формой *Erosché* является воздержание от предметной деятельности, т.е. прагматический мотив отсутствует. Вообще, фантазирование отличается значительной степенью свободы. Сознание в состоянии конструировать любые возможные объекты. Единственное ограничение — логическая непротиворечивость. Нельзя, например, выдумать круглый квадрат. Господствующая форма спонтанности — воображение; фантазирующее Я познает себя как Я воображающее, творческое. Фантазировать субъект может как изолированно, так и вместе с другими субъектами (“мы-отношение”); специфической формой времени выступает конституирующее внутреннее время сознания *durée* или стандартное время в intersубъективном игровом процессе.

Мир науки также выделяется снижением напряженности сознания по сравнению с практической деятельностью. Прагматический интерес опосредован. Ероще решает задачи по заключению в скобки мира повседневности и непроверенных или неподтвержденных знаний о нем. Господствующая форма спонтанности — рефлексия; самопознание эксплицирует Я как Я рефлекслирующее; научная деятельность может осуществляться как индивидуально, так и в научных сообществах; специфическая форма времени — как внутреннее время сознания *durée*, так и стандартное время процесса научной коммуникации.

Итак, все эти миры — мир снов, вымыслов и фантазии, мир искусства, мир религиозного опыта, мир науки, игровой мир ребенка и мир сумасшествия, представляют собой закрытые смысловые области. Это означает: а) что они обладают особым познавательным стилем, т.е. сформированы определенным типом рациональности как некоторой совокупностью формальных конституирующих признаков; б) что все познания внутри каждого из этих миров согласованы между собой и непротиворечивы; в) что каждая из этих закрытых смысловых областей может стать реальной, получить "акцент действительности".

Закрытость смысловой области можно проиллюстрировать также тем фактом, что допустимое в мире фантазии (например, представление о сражающихся друг с другом кентаврах), совершенно недопустимо в мире науки. Это означает, что различные закрытые смысловые области не имеют механизмов трансформации, позволяющих переводить смыслы одной области в другую. Переход этот, по утверждению Кьеркегора, может быть осуществлен в виде "прыжка", который субъективно переживается как шок.

Шюц считает, что шок "...представляет собой не что иное, как радикальное изменение напряженности сознания, которое базируется уже на другом внимании к жизни (*attention á la vie*)"⁴.

До сих пор анализ различных типов рациональности осуществлялся в чистом виде, т.е. в некотором смысле в лабораторных условиях. Рациональность выступала в качестве своеобразных внутренних фильтров сознания, просеивающих опыт и отливающих из различных познаний более-менее завершенные картины-миры.

В действительности же не существует "чистых" миров, не содержащих чужеродных "анклавов". Показательна в этом смысле история с сервантесовским Дон Кихотом, который в своем фантастическом рыцарском мире, подверженном вмешательству злых и добрых волшебников, активно использует знания медицины, астрономии. Так для определения факта пересечения экватора в волшебной лодке отважный рыцарь ссылается на положение светил, на различные приборы и научные методы ориентирования.

Кроме того, в течение дня, иногда часа и даже минуты, мы достаточно свободно перемещаемся из одного мира в другой. Например, из мира повседневности в мир научной реальности, из мира сна в мир повседневности и из него в мир театральной постановки.

В итоге можно сказать, что предложенная Шюцем теория многих реальностей, многих видов опыта описывает через свойственный каждой реальности познавательный стиль различные типы рациональности и вносит серьезный вклад в современное понимание проблемы рациональности. Не существует более универсальной рациональности, она оказалась фантомом. Речь следует вести о разных рациональностях, несовместимых друг с другом. Рациональное поле принципиально гетерогенно, линии демаркации между различными типами рациональности подвижны, идет постоянная борьба идеологий за право "истинного истолкования" реальности.

¹ James W. Principles of Psychology. New York, 1893. Bd.2. S.291.

² Schuetz A. Gesammelte Aufsätze. Haag, 1971. Bd.1. S.264.

³ Ibid. S.243.

⁴ Ibid. S.267.

Ю.В. БАРАНЧИК

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЯЗЫКА Г.ГИЙОМА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

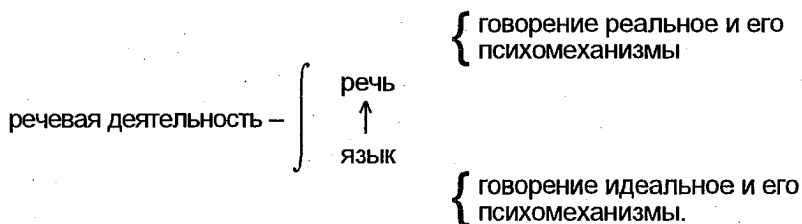
Несколько лет назад была издана на русском языке книга французского исследователя Гюстава Гийома "Принципы теоретической лингвистики", которая представляет собой специально подобранные тексты из лекций и других работ

автора. Как пишет в предисловии к книге профессор Л.М. Скредина: "Гюстав Гийом принадлежит к числу наиболее оригинальных и глубоких языковедов нашего времени. Он основал школу психосистематики и стал создателем теории лингвистического ментализма, которую по праву называют антропологической лингвистикой или феноменологией языка".

Свои очертания теория Гийома стала обретать в то время, когда в лингвистике утверждался структурализм как теория и метод анализа языковых явлений. Из школ структурализма (пражской, французской), а также русского формализма Гийому ближе всего была версия Ф. де Соссюра, основополагающий труд которого "Курс общей лингвистики" вышел в 1916 г. Однако вариант структурализма, предложенный Гийомом в 1919 г. в работе, посвященной проблеме артикля во французском языке, далеко выходит за рамки структурализма двадцатых годов и может быть признан одной из первых попыток создания постструктуралистской концепции языка и сознания.

Основанием для подобной трактовки идей Гийома может служить как то, что он достаточно строго различал понятия структуры и системы (системы и несистемы), так и то, что он стал вводить в лингвистику на целых тридцать лет раньше, чем постструктуралисты Лакан и Делёз, понятия из области психологии, обозначающие те элементы системы, которые выходят за пределы структуры языка – подсознание, ясновидение (рефлексия) и др. В самой речевой деятельности Гийом различал структуру – язык, и то, что из этой структуры выпадает – речь, которая, по его мнению, является внеструктурным элементом: "Применение методики ("метафоры" – Ю.Б.) поперечных срезов привело нас к разделению отношения *мышление – речевая деятельность*, составляющего объект науки о речевой деятельности, на две части: устоявшееся, каковым является язык, и неустоявшееся, каковым является речь".

Так же, как и Ф. де Соссюр, Гийом различает речевую деятельность, язык и речь. Однако в уравнение Соссюра "Речевая деятельность = язык + речь" Гийом вносит существенное дополнение – фактор времени, который принципиально меняет не только структуру уравнения, но и представления о том, что есть речевая деятельность. Уравнение Гийома выглядит следующим образом:



Что объединяет эти уравнения? Во-первых, и у Гийома, и у Соссюра содержится идея целостности рассматриваемого феномена: язык и речь рассматриваются не отдельно, а представляют собой целое – речевую деятельность. Во-вторых, речевая деятельность есть не просто целое, а последовательность, а также параллельность языка и речи: языка, присутствующего в нас постоянно в состоянии возможности, и речи, присутствующей в нас время от времени в состоянии действительности.

В этих уравнениях имеются и существенные отличия. Во-первых, основное отличие – в соссюровской формуле отсутствует фактор времени. Во-вторых, Гийом, в отличие от структуралистского понимания языка как замкнутой на самое себя системы (что впоследствии в постструктурализме выразилось в таких понятиях, как контекстуализм и универсальная текстуальность), обосновывает гипотезу, что в основе языка и речи лежат психомеханизмы. Это означает, что Гийом соединяет в одной "языковой игре" семиотические коды психологии и лингвистики.

На первый взгляд кажется, что между введением временности в исходную для понимания речевой деятельности формулу и соединением психологических и лингвистических семиотических кодов нет ничего общего. Однако именно понятие времени позволяет снять лингвоцентризм и осуществить выход к феноменологической проблематике: миру "психических сущностей" в первом приближении. Есть еще одна важная деталь, тесно связанная со сказанным: "среди ошибок своего времени я оставлю в стороне ту, которая заключалась в смешивании и в нерассмотрении как разных и гетерогенных тех мыслительных

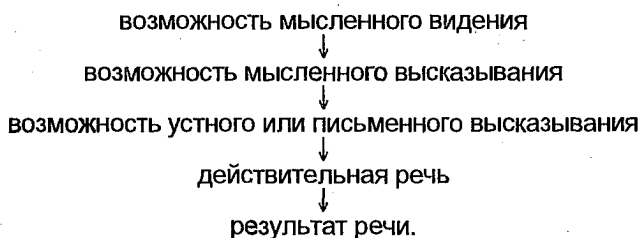
операций, из которых следует мгновенное построение речи, и тех, из которых следует построение языка¹². Данное замечание Гийома свидетельствует, что психика понимается им не как некая абстрактная сущность или субстанция, а как система со многими центрами активности, действующими не только последовательно, но и параллельно друг другу.

Далее Гийом делает еще один очень интересный ход, соединив в одной языковой игре два разных семиотических кода. По аналогии с различием речи и языка Гийом различает "факт речи" и "факт языка". И если с первым проблем не возникает – "факт речи" тождествен акту речи, который протекает в определенный момент и ограничен временными рамками, то "факт языка" – это совсем другое дело в силу его иного положения в сознании: он представляет собой "психический процесс, который произошел в нас в неопределенном прошлом, о чем в нас нет ни малейшего воспоминания"¹³.

Отношение Гийома к проблеме соотношения языка и мышления четко проявилось в его толковании различий между психосистематикой и психомеханикой языка. Гийом отходит от традиционной постановки вопроса, которая проявляется повсеместно, – тождественны или нет мышление и язык, и если нет, то где и как они пересекаются? Ученый прибегает к совершенно иной постановке вопроса: он различает собственно мышление и возможность мысленного самослежения. По Гийому, язык есть механизм мышления для перехвата своей собственной деятельности. Поэтому то, что мы открываем, изучая язык, – это и есть "механизмы перехвата", схватывания мышлением самого себя: "Психосистематика исследует не отношение языка и мышления, а определенные и готовые механизмы, которыми располагает мышление для перехвата самого себя, механизмы, которым язык дает точное отображение"¹⁴. И если язык представляет собой систему средств, которые "порождены" мышлением для мгновенного перехвата своей собственной деятельности, то изучение языка опосредованно приводит нас к познанию мышления, конечно, мышления вербального. Данная оговорка необходима, поскольку это определение (вербальное мышление) не исчерпывает мышления как психической реальности.

Гийом называет средства перехвата психомеханизмами, поскольку, на его взгляд, они имеют механический характер. Что означает в контексте теории Гийома понятие "механический"? Оно означает, что речевая деятельность в своей основе имеет реально протекающие психические процессы. Психосистематикой Гийом называет науку, изучающую психомеханизмы мышления, которая в то же время представляет собой новую область лингвистики.

То, что вербальное мышление не исчерпывает мышления не только как психической, но и как лингвистической реальности, Гийом показывает следующей схемой:



Данную схему автор поясняет так: "Лингвист-структуралист должен уметь преобразовывать возможность физического словесного высказывания в возможность мысленного словесного высказывания, а возможность мысленного словесного высказывания – в начальную возможность мысленного видения"¹⁵.

Говорить об обоснованности данной схемы, так же как и опровергать ее – довольно скользкое дело в рамках принятых в современной философии парадигм. Скорее наоборот – интерпретация данной схемы Гийома ставит вопрос о существовании современных парадигм философствования. Интерпретация касается не только одной из базовых для философии XX столетия бинарных оппозиций – гуманитарного и научного методов познания в духе дильтеевского разграничения "наук о духе" и "наук о природе", но и менее фундаментальных проблем, например демаркации между методами аналитической философии и феноменологии. Именно в рассмотрении этих вопросов мы и видим значимость концепции Гийома для современной философии.

На всем протяжении XX в. среди философов не прекращается спор о методе познания. Суть его можно свести к следующему: метод "наук о природе" –

экспериментальный, метод "наук о духе" – интроспективный, или, рискнем утверждать, феноменологический. Различие между ними поклонники подобного взгляда на мир видят в разной направленности этих методов: один направлен на "внешний" мир, другой на "внутренний". Между тем подобное разделение на "внешний" и "внутренний" мир всегда вызывало вопросы, один из которых: "На каком основании мы разделяем мир на "внешний" и "внутренний"?" Противниками подобного подхода, несмотря на все их различия, являются, например, направление бихевиоризма в психологии и аналитическое направление в философии. Схема Гийома также доказывает несостоятельность подобного разграничения и обращает наше внимание на структуру любого "усмотрения" – экспериментального или интроспективного: в какую бы сторону они не были "направлены", они формируются прежде всего в "возможности мысленного видения" и заканчиваются "действительной речью". Такой подход позволяет снять "разнонаправленность" методов и осознать, что любой экспериментальный метод в своей основе является глубоко феноменологическим, или интроспективным.

¹ Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С.107.

² Там же. С.26.

³ Там же. С.20.

⁴ Там же. С.54.

⁵ Там же. С.23.

И.М. НАЛИВАЙКО

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ ЗАПАДА И РОССИИ

В последнее время стало своего рода "общим местом" ссылаться на нравственную ориентированность русской философии, видеть в ней противовес западному метафизическому философствованию и почти панацею от недугов излишне логизированного западного сознания. Особенность духовного пути России, его неповторимость были зафиксированы и в теоретических концепциях о мессианском предназначении "Третьего Рима", и в поэтических откровениях: "Умом Россию не понять..." Но далеко не всегда отмечается, что русская философская мысль решала те же проблемы, что и европейская философия, что наше сознание сформировано в русле единой европейской христианской культуры, опирается на единую систему ценностей, на единую логику мышления, языка, уходящую своими корнями в античность. По поводу судеб русской и западной философии можно повторить знаменитые слова Герцена о споре славянофилов и западников: "И мы, как Янус или двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно".

Данная статья не претендует на воссоздание полной картины взаимоотношений между этими двумя ветвями европейского философствования (такая задача вообще, вероятно, не может быть выполнена в рамках одной, даже самой серьезной работы). Наша цель – уяснить их родство и специфику русского философского мышления через рассмотрение проблемы морального должнствования (или – проблемы обоснования морали).

Западная культура в противовес традиционным культурам Востока основана на принципах активно преобразующего поведения человека в мире. Европейское самосознание созидает образ человека как неповторимой, уникальной творящей личности. Буддистскому идеалу недеяния западный человек противопоставляет абсолютную ценность свободы как реализации своей индивидуальности; он может отречься от чего угодно (от претензий на бессмертие своего тела, например), но не может расстаться с неповторимостью своего духа, своего "я". Слова "я" и "есть" ("я есть", "я существую") являются фундаментальными словами всякого европейского языка. Эта уверенность в собственном бытии – не только ядро самосознания европейского индивида, но и первоисточник его деяния, из нее вырастает вся многообразная активность человека западной культуры. М.Мамардашвили именно в этом духе интерпретирует знаменитый принцип "cogito" Р.Декарта: "Это картезианская очевидность: я мыслю – я существую – я могу... Вся европейская культура построена на жизненном усилии"². Это жизненное усилие реализуется как становление человеческой самости, его единственности, оно всегда осуществляется в акте выбора. Ситуация выбора, реализации своего "я", поступка является необходимой в евро-

пейской культуре. Выбор и оценка (самооценка) его последствий – моральные феномены. В самом общем плане можно констатировать, что все европейское сознание морально ориентировано (любой акт сознания – акт выбора, свободного самоосуществления), что косвенно подтверждается и тем фактом, что слова “сознание” и “совесть” почти во всех европейских языках однокоренные. Но здесь возникает вопрос о понимании природы морали и морального должествования. Что лежит в основании нашего выбора и существуют ли эти основания, или иначе – почему я должен быть моральным? Именно здесь проходит водораздел между западным и русским стилями мышления. В любом случае точкой отсчета является человеческая личность, но по-разному мыслятся ее взаимоотношения с миром.

Доминирующая в философии Нового времени рационалистическая традиция как бы сконцентрировалась на первой части картезианского силлогизма – “Я мыслю”*. Человек рассматривается прежде всего как выделенное из мира и противопоставленное ему изучающее сознание. Вместо античной гармонии “макрокосма” и “микрокосма” возникла дихотомия, зафиксированная в классической гносеологической формуле “субъект–объект”. Объектному миру, понятому как набор вещей – объектов изучения и преобразования, противопоставлен человек как познающий субъект, *ratio* в чистом виде. Познание становится доминантой человеческого существа, заслоняя его эмоционально-волевою сферу. Такой подход предопределил интенсивный путь развития европейской цивилизации, ибо культивировал активизм человеческого существа, но одновременно он породил и особый тип мышления, ориентированный на “схватывание” сущностей предметов, зафиксированное в определенной причинно-следственной логике. Мир (в пределе) становится набором готовых сущностей, определенных и предопределенных, с которыми можно “работать”, т.е. добиваться реального практического результата. Человеческое познание разворачивается через поиск истины как объективной, достоверной, доказуемой, т.е. через открытие этих самых сущностей – неизменного ядра вещей. Такого рода “истины” принципиально существуют не в универсальном, а в специальном виде. Это так называемые “научные истины”, истины определенных сфер познания и действительности, поскольку они ориентированы на познание вещного, ставшего мира, мира как набора сложившихся сущностей, в том числе и моральных. И парадокс этого стиля мышления заключается в том, что такая логика вторгается в мир внутрочеловеческий. Человек тоже предстает через свою “сущность” как уже в чем-то законченный, ставший. Под сущностью человека понимается его сознание, сводимое обычно к узкомыслительной деятельности; сознание принципиально однотипное, “прозрачное” для другого сознания и для самого себя. (На таком понимании, кстати, основаны все иллюзии просветенческой идеологии.) И в этом случае проблема морального выбора приобретает следующую вид: человек, опираясь на знание своей разумной сущности, систему сложившихся моральных требований и логику причинно-следственных взаимозависимостей, способен сделать разумный же выбор правильной линии поведения. (В своем крайнем выражении этот выбор склоняется к самой тривиальной пользе, простой калькуляции практических последствий.) Здесь и обнаруживается основной недостаток такой попытки определить сущность человека и предопределить моральный выбор: ускользает и суть человеческого бытия в мире (“...собственно человеческое, не то, **чем** он становится, а то, что он **становится**...”³), и специфика морального выбора. Самая тонкая логика рационального рассуждения не способна ни на йоту продвинуть человека по пути предпочтения морально должного. Различие между содержательной (натуралистической) и формальной философией морали в данном контексте оказывается несущественным. Если натуралистическая этика ищет обоснование должествования во внешних по отношению к морали феноменах, то формальная пытается отыскать их в автономном мире нравственности, столь же внешнем по отношению к индивидуальному человеческому поступку. Круг замыкается. “Чистота морали” требует обоснования морального поступка моральными же феноменами, но изнутри морали как автономно взятой области невозможен выход в должествование. Даже гений Канта лишь указал проблему, но не решил ее. Кант перевернул логику: вместо “я могу, значит, должен”, – “должен, значит, могу”, а точнее – “должен, потому что должен...” Эта дурная бесконеч-

* Мы не касаемся различий между рационалистической и эмпирической философией, так как можно согласиться с широко распространенным мнением, что эмпиризм есть лишь дополнение, “обратная сторона” рационализма.

ность не прерывается и допущением бытия Бога в сфере практического разума. Как правильно отмечает С. Аверинцев, “принцип абстрактного долженствования продемонстрировал пугающую превратность: не оказалось никакого препятствия в уме для того, чтобы помыслить долженствование отсутствия всякого долженствования”⁴. (В этом плане интересна переключка знаменитых изречений Достоевского и Ницше: “Если Бога нет, значит, все позволено” и “Бог умер” как указание на разрушение абсолютного авторитета, поддерживавшего обязательность моральных норм.) Стремление сохранить чистоту мотивации приводит к возможности появления человека вне долга, т.е. вне ответственности. Проблема кроется в понимании морали как автономной, замкнутой на себя сферы культуры, со своими себедовлеющими законами. Фактически, по словам М.М. Бахтина, в европейском обществе происходит кардинальный разрыв между культурой и жизнью, между собственно человеческим бытием и миром отчужденных продуктов его деятельности. Этот “мир культуры”, мир мертвых сущностей, стремится поработить человека. Именно протестом против этого порабощения обусловлено творчество Кьеркегора, Ницше, Шопенгауэра и других мыслителей, бунт первых представителей модернистского искусства, и в какой-то мере, социально-политические движения рубежа XIX–XX вв.

Творчество русских философов этого периода является отчасти реакцией на кризис основ европейской культуры. Распалась цельная картина бытия, “атомизм” во всех сферах жизни – вот, по словам В. Соловьева, основной порок западной цивилизации. Этой раздробленности западноевропейской культуры русская философская мысль, опирающаяся на греко-православную традицию, противопоставила цельность как основу мировосприятия и главную цель практического делания. Русская философия, основанная в отличие от абстрактного европейского ratio на конкретном Логосе, всегда была ориентирована не на знание как приращение информации, а на достижение мудрости, всеохватного взгляда на мир. Не знание, но понимание, т.е. интимное приобщение к тайнам бытия, было целью русской духовности. Понять – значит утвердить свое онтологическое не-одиночество, увидеть цельность бытия и себя в нем, а следовательно, почувствовать ответственность за свое бытие в мире. На этом чувстве сопричастности, включенности, “не-алиби в бытии” (Бахтин) основана специфика русского философского сознания. Отсюда и его вечная нравственная ориентированность, вечные поиски истинного пути. Даже понятие “истины” приобретает моральный оттенок и выступает как правда; ложь становится невозможной не в формально-логическом, а прежде всего в нравственном смысле (“Жить не по лжи”). Неспроста фундаментальный труд В. Соловьева по нравственной философии назван “Оправдание добра”. “Назначение этой книги – **показать добро как правду**, то есть единственный правый, верный себе путь во всем и до конца...”⁵ Оправдание не тождественно обоснованию как сведению к какой-то внешней основе. Правду нельзя обосновать с помощью логики, дискурса, ее можно только пережить. Оправдать – значит придать смысл, найти укорененность в бытии. В отличие от вневличностной рациональной истины, правда личностно насыщена и пронизана ответственностью. Именно это позволяет назвать русское мышление участным, т.е. снимающим дурную неслиянность субъекта и объекта, приводящую к отождествлению человека с объектно понятой сущностью. “Лишь там, где субъект и объект – *одно*, исчезает неправда”⁶. Этим устремлениям русской духовности более всего созвучно понимание “парадокса веры” у Кьеркегора как абсолютной ответственности перед Богом, но в русском сознании она опосредована ответственностью перед миром (в обеих транскрипциях этого русского слова), что придает ей универсальное космологическое звучание. Нравственная ориентация сознания вовсе не сводится к пустому морализаторству, что тонко зафиксировано в афоризме “русского до русопытства” В. Розанова: “Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали”⁷. Мораль в русском сознании пронизывает собой все сферы бытия, она становится космической, божественной силой, но совершенно неприемлема в качестве замкнутой, автономной сферы культуры, системы норм и запретов. Отсюда проистекает и особенность понимания морального долженствования. Долженствование невыводимо из сферы морали, но оно и не обосновывается внешними реалиями. “Уж, видно, так самим Богом устроено, что нет человеку внешней опоры, не дано успокоения для ума его и совести: пусть вечно бодрствует и стоит среди мира на собственных ногах”⁸. Долженствование возникает в акте встречи человека и мира, в акте бытия-события, т.е. свободного выбора-самоопределения в мире. Основания этого выбора принципиально нерациона-

лизируемы и неформализуемы, не могут быть описаны какой-то универсальной схемой, подведены под общий формальный закон. Этот выбор есть приближение к целиности, осуществление единства человека и мира, и потому всегда имеет эмоционально-волевую личностную окраску. Это значит, что "...долженствование впервые возможно там, где есть признание факта бытия единственной личности изнутри ее, где этот факт становится ответственным центром, где я принимаю ответственность за свою единственность..."⁹ Но эта единственность возможна и осмысленна только в причастности к миру, к единому, которое и обуславливает неповторимые роли участников.

Такое понимание морального долженствования выводит его из порочного круга натуралистической и формально-рационалистической этики Запада, дает надежду на преодоление разрыва между теорией и жизнью, но трудно выразимо в традиционных философских понятиях. Мир отвлеченного теоретического мышления выработал особый язык, далекий от проблем участного сознания. Этот "роковой теоретизм" еще предстоит преодолеть. Вероятно, мы сейчас живем в эпоху перехода к новому "постклассическому" типу рациональности, ломки старых стереотипов мышления и языка, рождения новой философии.

¹ Аверинцев С. С. Попытка объясниться. Беседы о культуре. М., 1988. С.22.

² Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990. С.37.

³ Соловьев В. С. Сочинения. В 2 т. М., 1988. Т.1. С.82.

⁴ Аверинцев С. С. // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-85. М., 1986. С.158.

⁵ Соловьев В. С. Указ. соч. С.79.

⁶ Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С.323.

⁷ Там же. С.238.

⁸ Соловьев В. С. Указ. соч. С.90.

⁹ Бахтин М. М. // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-85. С.113.

Н. С. ПОВАЛЯЕВА

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ ФРЕЙДИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Теория психоанализа уже на первых порах своего существования вышла за рамки психотерапии и медицинской психологии и стала дисциплиной, изучающей самые фундаментальные проблемы и ценности человеческого бытия и сознания: истину, добро, разум, любовь, совесть, свободу, и др. Стремление к познанию глубинного пласта человеческой психики – бессознательного – неизбежно привело к охвату практически всех сфер индивидуального и социального бытия человека.

В концепции Зигмунда Фрейда на первый план выходит проблема конфликта между индивидуальными устремлениями личности и требованиями культуры. Этот конфликт, по мнению З. Фрейда, рождает в человеке, с одной стороны, чувства страха и вины, а с другой, – непреодолимую агрессию, желание во что бы то ни стало защитить свои эгоистические интересы.

Такой подход к человеку не был воспринят в конце XIX века, но в XX веке новое искусство (модернизм) оказалось благоприятной почвой для специфической интерпретации психоаналитических идей.

Из всех течений модернизма особенно восприимчивым к теории и практике психоанализа оказался сюрреализм.

Как новое явление в искусстве сюрреализм стал логическим продолжением дадаизма, поисков особого метаязыка для анализа языка предметного. Сюрреализм наследует некоторые технические приемы своего предшественника. Транспозиция предметов и образов, перевод предмета в другую субстанцию путем изменения размера, формы, путем размножения; перенос предмета в несвойственный ему контекст или представление предмета в чистом виде, без контекста – все эти приемы использовались сюрреалистами применительно к "Ready made"^{*}.

Однако сюрреализм не замыкается в рамках формальных исканий. Фундаментом сюрреалистической программы становится концепция бессознательно-го как основы психической организации человека. З. Фрейд утверждал, что разум – ценнейшее и человечнейшее из качеств человека – испытывает постоянное искажающее воздействие страстей, и только понимание этих страстей спо-

^{*} Ready made (дословный перевод (с англ.) – готовое изделие) – направление модернистского искусства, представляющее свои произведения в виде различных композиций промышленных изделий.

собно освободить разум и обеспечить его нормальную работу. Основным принципом психоанализа — «истина сделает вас свободными»² — становится и основным принципом творческой программы сюрреализма. Этот принцип означает, что необходимо научить человека видеть, что скрывается в глубинах его психики, но не для того, чтобы избавиться от всего негативного, а для того, чтобы учитывать это в своей жизнедеятельности. Свобода заключается в способности беспристрастно заглянуть внутрь самого себя. Увидеть все хорошее и плохое, возвышенное и низменное, прекрасное и уродливое, совершенное и извращенное, что есть в человеческой сущности, — значит стать независимой и свободной личностью, способной отвечать за свои мысли и поступки. Для достижения такой подлинной свободы необходимо выйти за рамки обыденного, скованного стереотипами существования, отбросить покорное следование прописным истинам. Этот принцип как основополагающий в сюрреалистическом творчестве закреплен идеологом этого течения Андре Бретоном в «Манифесте сюрреализма» (1924 г.): «Единственное, что еще может меня вдохновить, так это слово «свобода»... Следует признать, что среди множества доставшихся нам в наследство невзгод нам была предоставлена и величайшая свобода духа. Мы недостаточно ею злоупотребляем. Принудить воображение к рабству... — значит уклониться от всего, что, в глубине нашего существа, причастно к идее высшей справедливости. Только в воображении я способен представить себе то, что может случиться, и этого довольно, чтобы хоть отчасти ослабить суровый запрет, довольно, чтобы ввериться воображению, не боясь обмануться»².

Придавая исключительное значение роли фантазии как незаменимому способу осуществления желаний, исправления неудовлетворяющей действительности, сюрреалисты следовали психоаналитической концепции художественного творчества. З.Фрейд считал, что человек фактически не способен отказаться от своих желаний, он лишь заменяет одно другим: «То, что кажется отречением, в самом деле есть образование замены, суррогата»³. Ребенок, играя, создает свой мир, в котором устанавливает свой порядок, и относится к игре очень серьезно, затрачивая большую долю энергии и страсти. Поэтому игре ребенка противоположна не серьезность, как полагают взрослые, а действительность. Взрослый же понимает, что от него ждут уже не игр и фантазий, а действий в реальном мире. Однако у взрослого есть неосуществимые желания, а потому он продолжает фантазировать. Поскольку же многие из этих желаний запретны по морально-нравственным установкам культуры, то взрослый скрывает свои фантазии, стыдится их как ребяческих, а порой и преступных.

Иначе представляется духовный мир человека, наделенного художественным даром. Облекая свои фантазии в художественные образы, художник добивается практически невозможного: многое, что, будучи реальным, не смогло бы доставить удовольствия, доставляет его в игре фантазии. Мучительные сами по себе переживания способны стать источником очищения для человека, являющегося зрителем или слушателем. Находя выход собственному душевному напряжению в произведении искусства, художник освобождает и зрителя от аналогичного душевного напряжения.

Следуя такому пониманию роли фантазии в искусстве, сюрреалисты возлагают на себя исполнение своего рода психотерапевтической миссии средствами живописи. Откровенность образной системы сюрреализма при обращении к темам эротики, агрессии, насилия, смерти — это не только акт эпатажа зрителя. Последний так же, как и художник, замкнут в мире своих фантазий, в которых запретное возможно. Искренность, с которой художник выплескивает свои эмоции и желания на холст, хотя первоначально и вызывает шоковую реакцию, в дальнейшем способствует формированию глубокого раскрепощенного взгляда человека внутрь самого себя, помогает ему узнать свои сокровенные желания и влечения с тем, чтобы научиться управлять ими. Рисуя страшные картины будущего, пугая чудовищными видениями, художники-сюрреалисты стремились вызвать реакцию потрясения, чтобы вернуть человеку человеческое.

Построение «реальности свободы», сюрреальности, где сольются в некоем абсолютном единстве сон и действительность, становится творческой целью сюрреализма. Построение такой сверхреальности необходимо начать, по мнению художников-сюрреалистов, с освобождения собственного бессознательно-го. А это значит — освобождение от пут общественного существования, выход за рамки социальных, политических, моральных, семейных и т.д. норм и связей. Мечты, сновидения, фантазии, открывающие дорогу бессознательному, приобретают в сюрреализме статус реально существующих. Художник должен

целиком погрузиться в область инстинктивного, природного, детского. Отсюда интерес к творчеству первобытных народов, обилие в произведениях сюрреалистов таких первосимволов, как вода, огонь, земля, яйцо, мировое древо и т.д. (Например, в таких работах Сальвадора Дали, как "Мадонна Порт-Лыгат", "Атомная Леда" и др.). Само творчество воспринимается как творение мира из первоэлементов, поиск чистых форм.

Для творчества сюрреалистов характерно пристальное внимание к образам и символике сновидений. В работе "О психоанализе" З.Фрейд писал: "Толкование сновидений есть *Via regia** к познанию бессознательного"⁴⁴. Согласно теории психоанализа, сновидения играют "компенсаторную" роль, восполняя вытесненные желания. Контроль со стороны разума за сновидениями практически отсутствует. Именно поэтому образы и символика сновидений становятся неотъемлемой частью произведений сюрреалистов. Сознание спящего человека, отмечает А.Бретон в "Манифесте сюрреализма", полностью удовлетворяется происходящим во сне. Мучительный вопрос: а возможно ли это? – больше не встает перед ним. Убивай, кради, сколько хочешь, люби в свое удовольствие. И даже если ты умрешь, то разве не с уверенностью, что восстанешь из царства мертвых? Отдайся течению событий – они не выносят, чтобы ты им противился. У тебя нет имени. Все можно совершить с необыкновенной легкостью"⁴⁵.

Сюрреалисты пользуются приемом натуралистической фиксации образов сновидений. Кроме того, такой феномен, как повторяемость одного и того же сновидения неизменным или с небольшими изменениями, слияние компонентов повторяющихся сновидений, также сказались на творчестве сюрреалистов. Работа Дали "Мечта Венеры" (1939 г.) представляет собой слияние двух видений, уже отраженных на холсте ранее, – в работах "Пылающая жирафа" (1936–1937 гг.) и "Постоянство памяти" (1939 г.).

Но, пожалуй, наибольшее влияние на формирование творческих принципов сюрреализма оказало открытие З.Фрейдом сексуальных корней восприятия прекрасного. Тема эротики занимает огромное место в творчестве художников-сюрреалистов, однако трактуется нетрадиционно. В отличие от искусства Возрождения, жизнь, природа и человеческое тело – не атрибуты счастливой и праздничной полноты бытия, а скорее "суть какие-то чудовищные галлюцинации, внушающие художнику, однако, не ужас и отвращение, а необъяснимый неистовый восторг, своего рода мистический экстаз"⁴⁶. Эротика поднимается до уровня важнейшего поэтического и философского принципа, используется как наиболее сильное средство превращения банального в необычное, чудесное. Эротические желания и влечения становятся основой той внутренней модели мира, на которую, по мнению сюрреалистов, должна ориентироваться настоящая живопись.

Согласно теории психоанализа, человеком движут два основных бессознательных влечения – эротическое (влечение к жизни) и разрушительное (влечение к смерти). Эти влечения всегда тесно связаны, переплетены, поэтому человеческие чувства амбивалентны: любовь граничит с ненавистью, радость – с отчаянием и т.д. Эротические образы в произведениях сюрреалистов часто связаны с образами насилия, смерти, разложения. (Характерны в этом отношении работы С.Дали "Окровавленные розы", "Первые дни юности", "Мед, сладкий, как кровь", "Пылающая жирафа" и др.).

Двуплановость человеческого бытия неизбежно ведет к конфликту между внутренним миром желаний и ограничивающим воздействием культурных и нравственных требований цивилизации. Поэтому сюрреалистическое творчество, обращенное к проблеме внутреннего конфликта, использует столкновение функционально несвязанных, несовместимых предметов. На уровне художественной техники это выражается в использовании приемов коллажа, произвольного сближения не на основе содержательной иерархии, а на основе эмоционального сходства.

Основным техническим приемом сюрреалистического творчества становится "психологический автоматизм", призванный фиксировать работу мысли (устно или письменно, или любым другим способом) вне цензурного влияния со стороны разума, вне каких бы то ни было эстетических или нравственных опосредований. "Психологическое письмо" сюрреалистов генетически восходит к методу свободных ассоциаций, разработанному З.Фрейдом для толкования сновидений и применявшемуся для лечения невротических больных.

* *Via Regia* (лат.) – в данном случае – основной путь.

Одним из основных выразительных средств сюрреалистического творчества являются ассоциативные метафоры. Черный юмор, зачастую служащий основой этих метафор, направлен не только на разрушение привычных связей вещей, стирание стереотипов сознания, но и "подготавливает к встрече с сюрреальностью"¹. Отметим, что З.Фрейд считал остроумие и художественное творчество тесно взаимосвязанными – как игру, доставляющую удовольствие свободной от ограничений психической деятельности. Остроумие, как и художественное творчество, способствует снятию конфликта между стремлениями к удовольствиям и требованиями реальности в человеческой психике. В работе "Остроумие и его отношение к бессознательному" З.Фрейд всесторонне охарактеризовал основные технические приемы остроты. Это: сгущение (образование смешанного слова, с модификацией), употребление одного и того же материала (целого и части, перестановка, столкновение полнозначных слов и утративших значение), двусмысленность (обозначение личности и вещи одним словом, игра с метафорическим и реальным значением, двусмысленность с намеком, двусмысленность как таковая).

Данная классификация позволяет увидеть, насколько техника образования остроты схожа с процессом создания художественного образа. Остроумие – неотъемлемая часть творчества сюрреалистов. Трагикомический фарс и ирония сопутствуют стремлению к высшей форме искусства – гротеску. Сфера интуитивного, мир сновидений, воспоминания детства – три стихии сюрреализма, где ничто не поддается объяснению средствами логики, где все беспричинно и случайно, а значит, наиболее близко к проявлению бессознательного.

Апеллируя к теории психоанализа, сюрреализм становится новым словом в понимании человека, типом мышления, способом взаимодействия с миром.

В заключение можно констатировать, что содержательное влияние психоаналитических идей прослеживается на всех уровнях формирования сюрреалистической программы: в концепции творчества, в художественном методе, в конкретных технических приемах.

¹ Фромм Э. Сумерки богов. М., 1989. С.147.

² Бретон А. Называть вещи своими именами. М., 1986. С.47.

³ Фрейд З. Художник и фантазирование. М., 1995. С.130.

⁴ Фрейд З. О психоанализе. М., 1990. С.21.

⁵ Бретон А. Указ. соч. С.47.

⁶ Дали С. Дневник одного гения. М., 1991. С.9.

⁷ Афанасьев М. Н. Западные концепции художественного творчества. М., 1990. С.138.

А.В. БАРКОВСКАЯ

ПРИРОДА КАК ТЕКСТ: ВАРИАНТЫ ПРОЧТЕНИЯ

Сегодня, как никогда прежде, необходим диалог, ибо "сознание есть там, где есть два сознания" (М.Бахтин), которые в диалогическом пространстве культуры смогут генерировать ценности человеческого выживания и бытия Планеты. Осознание неизбежности крушения обеих жизней – Человека и Планеты – приобретает форму манифеста: "необходимо качественно новое мировоззрение". Эта максима становится принципиально значимой в процессе современного поиска мировоззренческой и социокультурной программы, которая должна определить конкретные пути выхода из экологического тупика, ибо "Мир замкнулся. Земной шар стал единым. Все существенные проблемы стали мировыми проблемами, ситуация – ситуацией всего человечества"¹. Поэтому предварительная стратегия решения поставленной задачи центрирована на выявление имманентных причин кризиса западной культуры, долгое время санкционирующей дихотомию "наук о природе" и "наук о духе", и на снятие этого диссонанса целостным, синтетическим представлением о Мире и месте в нем Человека. Для этого предполагается проанализировать основные сценарии экоразвития: антропоцентристский, биоцентристский, техноцентристский, теоцентристский с целью получения знаний о законах совместимости общества и природы как целостной коэволюционирующей системы².

За этими сценариями скрывается достаточно много хрестоматийных истин, уже осмысленных и доказанных историческим и метафизическим опытом, так как каждый из названных подходов рассматривался в контексте разных времен и культур. Однако современное обращение к этим (можно сказать классическим) проблемам детерминировано апокалиптической перспективой, иницилирующей не просто их воспроизводство, а достаточно четко очерчивающей кон-

тур сложившегося эсхатологического видения экобудущего. Это не только обращение к каждому пассажиру “космического корабля” Земли, но и предупреждение профессионального сознания, сумевшего стать трансцендентным к цивилизации, которую сегодня называют не только фаустовской, но и “цивилизацией Марфы” (по библейскому сюжету Марфа видит свое бытие в мирской суете, заботится о многом и прежде всего о телесном в жизни), приведшей к тому, что “Растения – руки земли / дрожат, видя нас” (К.Любомирский). В результате специализированное мышление постигло не только то, что есть, но и концептуально представило будущий экомир на уровне должностования. Футурологический аспект модельной репрезентации экобытия содержит в себе призыв к восстановлению “цивилизации Марии” (избравшей, в отличие от сестры, стремление к Благу, к духовному единению с Богом и миром)³, призывающей помнить, что “Два мира есть у человека. / Один, который нас творил, / Другой, который мы от века / Творим, по мере наших сил” (Н.Заболоцкий).

Однако осуществление перехода от императива Марфы к системе ценностей Марии возможно, скорее всего, путем актуализации прежде всего тех смыслов, которые ранее составляли контекст социоантропологических отношений к природе. Их реконструкция позволяет репрезентировать образы природного мира, которые синтезируют в себе два начала – интеллектуальное и экзистенциальное: что человек думает и как он поступает. Это те уровни функционирования ментальных структур, через которые проявляются истинный характер отношений человека к природе, адекватное ее понимание и выявляется регулятивная система его ценностей. К тому же и само понимание природы рождается посредством образов: “Истина не пришла в мир обнаженной, она пришла в символах и образах” (Евангелие от Филиппа). Это один из способов, каким природа является нам, она как бы помогает человеку встроиться в ее мир, но для этого требует от него знаний о ее жизни, так как незнание дистанцирует, удерживает человека в ее лакейской. Поэтому знание о природе – постоянная забота прежде всего самого человека. К тому же потаенность бытия природы вынуждает нас осуществлять поиск всевозможных средств “разоблачения”, о чем свидетельствуют разные концептуальные схемы ее прочтения: мифологическая, философская, теологическая, научная и др. В этих пространствах мы пытаемся определить место встречи языков природы и человека, осмыслить другой, отличный от нашего мир в системе понятных нам образов и значений, чтобы достичь диалогического и “участного мышления”.

В этом собственно и состоит основной замысел подобной актуализации: сделать доминантными самые простейшие схемы социоприродных отношений, из которых можно “выткать” ковер многообразных образов, аккумуляции богатый опыт бытия человека в природном мире и тем самым попытаться “показать, как, в какой степени и с какой точки зрения прошлое сейчас все еще задействовано”. Ведь этот мир был для человека всем – учителем и экзаменатором, единым космосом и храмом, музеем и мастерской, библиотекой и “Единой книгой”. Он же может стать чем-то иным для “будетлянина” (В.Хлебников), должного все эти образы синтезировать в Великий Образ, в котором превалируют самоценность природы и ее права, восстанавливается ее наставничество. Видимо, только в такой системе нравственных отношений возможно откровение Природы, ее вечная жизнь, а не ожидание смерти от руки нашего “низменного я”.

Оценивая ту или иную социоантропологическую парадигму понимания природы, мы входим в поле герменевтической интерпретации, так как в качестве отправной точки берем исторический опыт, дабы в процессе его аккумуляции определиться в нашем собственном – жизненно важном как сейчас, так и в перспективе. В воображаемом гомогенном мире люди могли бы иметь практически один и тот же опыт и соответственно образ природы (ибо вариативность восприятия корректировалась бы изначальной однородностью мира), посредством которого они легко коммутировали бы друг с другом. Однако реальная гетерогенность мира и обилие моделей его познания, репрезентирующих структуры реальности, разрушают допущенную идеализацию. Через разнообразие видов познания формируется кросскультурный контекст миропонимания: конкуренция образов природы обнаруживается в культуре в виде ее различных форм. В результате возникает ситуация множественности миров, а значит – и их пониманий, каждое из которых претендует на статус фундаментальной социоантропологической парадигмы.

Поэтому когда мы занимаемся реконструкцией истории отношений людей к природе, тем самым воссоздаем лишь ту или иную конкретную социоантропо-

логическую парадигму, соответствующую некоторому хронотопу социальной истории. Однако это, прежде всего, сконструированное, а не пережитое знание, что в конечном счете означает невозможность эксплицировать подлинную историческую картину интересующих нас отношений.

В такой ситуации особенно важен поиск альтернатив – это реальная необходимость конституировать коммуникативный разум, видящий смыслоназначение человека в принятии им на себя ответственности за спасение природы. При решении столь глобальной задачи недостаточно придать принципам нового разума законодательный характер – куда важнее наделить их инструментальным статусом, что, несомненно, практичнее для “просветления” массового сознания. Такая постановка вопроса обязывает отказаться от традиционного взгляда на природу как систему объектов и представить ее в виде своеобразного текста, который может сказать нам о следах и знаках совсем иного рода – “далеких от человеческих, возникших без вмешательства воли и духа, но подающих душе весть о существовании великих и малых сил, которую мы способны “прочитать” и которая вновь и вновь волнует как науки, так и искусства”⁵. Причем этот текст, посылаемый нам Природой-Женщиной, как и всякий “женский текст”, бесконечен: «он не влезает ни в какие рамки, он не кончается. Мы ведь привыкли читать книжки, в конце которых стоит слово “конец”». Именно такие книги стремилась писать наука: она постоянно была охвачена заботой найти место окончательного смысла природы, знать “природу как таковую” в ее архе, логосе и софийности. “Но женский текст тянется беспрерывно, книга завершается, а письмо продолжается...”⁶, ибо природа не приемлет жестких требований нашего логицизма. В таких ипостасях природа проявит многообразие своих “ликов”, меняющих наши прежние каноны ее описания и объяснения.

Эта идея – представить природу как текст – не нова: как известно, впервые это метафорическое выражение использовали в Средневековье для оформления схоластической познавательной модели. С тех пор и появился поэтический образ Универсума, которым стали дорожить многие: теологи, ученые и представители так называемого “визионерского” сознания. Менялись модификации этой метафоры, но неизменным оставался статус “Книги природы”, так как она утвердилась в роли источника знаний, сравнимого по авторитетности лишь с Библией. Определенную лепту в ее возвышение внесла и наука, подчеркнув, что эта книга написана языком математики, и отметил важность его изучения для всякого, кто пожелает его прочитать и понять. Впоследствии культура оценила продуктивность этой вековой метафоры, обыграв ее в разных контекстах. В итоге текст как символ мира занял место даже более почетное, чем сам мир. В результате “Книга природы” утрачивает метафорический характер и приобретает статус важной познавательной модели в развивающемся естествознании.

Наука, постепенно освобождаясь от господства однозначных связей, которые жестко логицизировали мир, приходит к выводу, что воспринимаемый нами эволюционирующий мир можно рассматривать как множество текстов. В частности, в биосфере такими текстами становятся отдельные особи, виды и другие ее компоненты, а морфологические признаки рассматриваются как элементарные смыслы, порождающие тексты мира живого. Такая парадигма мышления низвергает редукционистскую методологию, которая утвердила физикализм в качестве господствующей объяснительной модели живого мира, лишив его тем самым смысла и целесообразности. Сегодня, постигая тайны этого мира, ученые пришли к выводу, что все живые системы – поликонтекстны, а низшие уровни живого можно объяснить, вопреки физикализму, функциями целостной системы. Это означает, что омникаузальность приобрела равноправный статус с партикаузальностью. Даже физики, обнаружившие эволюционную случайность, сравнили ее с игрой или творчеством, что позволило представить мир неформально упорядоченным разнообразием, свидетельствующим о бесконечно ветвящихся процессах природы.

Таким образом, физическая природа в научной картине мира представлена как бесконечный текст, построенный по принципу малых текстов, каждый из которых воспроизводит природу по-своему: либо как огромный механизм, либо видит ее системно, уподобляя организму, либо трактует как систему склонностей и предпочтений и т.д. Смыслы в этих частных картинах природы выявляются через те физические структуры, на которых возводится то или иное здание природы. При этом в современных модификациях плюралности миров вероятность становится своеобразным шифром этих природных текстов.

Радикальное изменение естественнонаучной картины природы не могло не найти адекватной реакции в литературе. Интересной в этом контексте пред-

ставляется, например, интерпретация В.Хлебникова, для которого мир тоже текст, но в его поэтическое оформление встраивается физический смысл: Универсум изображается им как бесконечный вариабельный дискретный текст. Аналогично трактуется и сущность мира, которая, с его точки зрения, обладает "энергичностью", является как бы "молнийной". В этом видится его "язык двух измерений": признание изначальной естественности природы и очеловеченности ее посредством поэзии, когда природа становится элементом культурно-исторической парадигмы, порождающая новые смыслы и значения. Мир как единая книга, как текст привлекает и Х.Л.Борхеса, который решает эту проблему средствами семиотической теории: Вселенная ассоциируется у него с вечной и бесконечной Библиотекой, книги которой содержат описание всех реализованных и возможных вариантов истории Мира. Такая Библиотека существует вечно и в этой истине не может усомниться ни один человек, обладающий здравым смыслом, полагает автор. Каждая книга этой библиотеки располагает полными гармонии буквами: четкими, изысканными, неподражаемо симметричными. Во всей огромной Библиотеке нет двух одинаковых книг, а Вселенная наполнена смыслами. У обоих авторов⁸ мы видим уже другие виды письма, чем в науке, тем не менее и они учат нас "различать следы, по которым читаем в мире, как в огромной книге"⁹.

Представление природы как текста относит ее к особому миру коммуникации, где субъект, чтобы понять текст, должен с любым явлением оперировать как с единицей коммуникации, знаковым образованием. Учитывая, что любой текст обладает нелинейным характером и многомерностью, можно изобразить природу-текст как такое пространство, в котором "сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма"¹⁰: уникальность и множественность, закономерность и случайность, обратимость и необратимость, однозначность и вариативность и т.д. В результате текст выступает как бесконечная игра природы и вырастает в итоге в гипертекст.

Уподобление природы тексту преследует цель ограничить самоуверенность нашего "Я", стремящегося абсолютизировать конечное, блокируя движение к основе нашего бытия и бытия мира. Постигание разнообразия миров – это выход к синтезирующим структурам мышления, когда каждому объекту природы, бесконечно меняющему свои состояния и порождающему все новые и новые тексты, предоставляется право на собственный выбор. При таком подходе не нарушается целостность культуры, ибо не объявляются доминантными одни смыслы за счет отправления на периферию других. Интересен в этом отношении опыт Востока: так, буддийских трактатов очень много, а их тантры (что означает буквально "основа", "нити на ткацком станке" или просто "текст") настолько обширны, – их тысячи и десятки тысяч свитков, – что их "до самой смерти будешь переписывать/ до самой смерти будешь читать,/ но разве сможешь достичь начала?"¹¹

Эти строки, конечно, – типично восточный подход, который интерпретирует и природный мир как свернутую потенцию собственного бытия, не имеющего определенного начала. Все это и удерживает человека в состоянии непреходящего удивления и восхищения и является источником вечного порождения все новых и новых смыслов. Подобная методология тем и ценна, что она ориентирует нас на бесконечное изучение текста природы, позволяя двигаться по ее книжным лабиринтам, узнавать, как читать эти книги и нести ответственность за их сохранность. И когда мы поймем смысл не окончательной, а лишь вероятностной расстановки томов, то сможем, наверное, судить о том, что содержит каждый из них: тайну, истину или ложь, закодированные в них неведомым Автором...

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С.141.

² Об этом, в частности, говорилось на конференции "Философия экологического образования" – см.: Вопросы философии. 1996. №8.

³ См.: Библия. ЛК. 10: 38–42.

⁴ Хейде Л. // Вопросы философии. 1996. №9. С.132.

⁵ Гессе Г. Избранное. М., 1984. С.573.

⁶ Sixons H. // Zes Cahiers du GRIF. 1976. 13. № P.14.

⁷ См.: Налимов В. В. // Общественные науки и современность. 1995. №3.

⁸ См.: Хлебников В. Творения. М., 1986; Борхес Х.Л. Проза разных лет. М., 1984.

⁹ Эко У. Имя розы. М., 1989. С.22.

¹⁰ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С.388.

¹¹ Вопросы философии. 1996. №9. С.145.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И КОНЦЕПЦИЯ “ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ”

Техногенное развитие современного общества открыло беспрецедентные возможности преобразовательного освоения природы для удовлетворения растущих человеческих потребностей, и вместе с тем обнаруживается, что усиление технологического давления на природу нарушает систему биосферных балансов, являющуюся условием существования самого человека. Масштабность и фундаментальный характер экологических проблем, с которыми сегодня сталкивается общество, позволяют говорить о глобальном экологическом кризисе современной цивилизации.

Острота ситуации требует незамедлительной и самой серьезной реакции, однако выработка осмысленной программы преодоления кризиса предполагает решение целого ряда фундаментальных вопросов. Является ли кризис случайным или же он неизбежен при основополагающих для современного человека ценностях? Если порочна сама возобладавшая стратегия исторического развития, то имеется ли ей позитивная альтернатива и реальна ли она? Насколько обширно пространство исторического выбора современного человека? Быть может, экологическая катастрофа предопределена сущностными особенностями “природы человека”?

Перечень вопросов можно продолжить, но в этом нет необходимости; понятно, что речь идет о прояснении исторического смысла экологического кризиса, постигнутого обществом, прояснении, опирающемся на понимание существа и границ исторической реальности, смысла и движущих сил истории, диалектики исторической необходимости и свободной деятельности людей, единства и многообразия исторического процесса. При этом нетрудно заметить, что правильность диагноза, а следовательно, и результативность “антикризисной программы” непосредственно зависят от адекватности представлений об историческом процессе.

В историческом сознании современного человека преобладают представления об истории как специфическом порядке событий, образуемом динамикой общественных систем и в корне отличном от порядка природы необратимостью и направленностью протекающих процессов. Общество и природа понимаются как принципиально разнородные реальности; при этом природная среда оказывается предпосылкой исторического процесса, существенно влиявшей на общественное развитие преимущественно на ранних этапах истории, когда социально-исторические закономерности еще находились на этапе становления.

Человеческая история понимается как процесс, характеризующийся существенным единством, которое просматривается за локальным и хронологическим многообразием. В основе единства истории лежит единство принципов организации всех исторически существовавших обществ. Различия между общественными системами сводятся к различиям между стадиями исторического развития общества или непринципиальному региональному своеобразию.

Несмотря на то, что общественное развитие образуется действиями индивидов, история обладает своей собственной логикой, которую невозможно произвольно отменить и с которой нельзя не считаться. Индивидуальное и историческое представляют собой нетождественные измерения человеческого существования, неразличение которых приводит к неуместному морализаторству в трактовке исторических событий.

Моральное осуждение происходящего тем менее приемлемо, что сам исторический процесс характеризуется высшей целесообразностью. История заряжена на прогресс — восхождение ко все более совершенным формам общественной жизни, движение от низшего к высшему, конкретизируемое как выделение человека из природы и рост его преобразовательных возможностей, совершенствование социальных институтов и развитие личности. Не имеющие принципиального значения попятные движения и периоды застоя возможны, но имманентное истории поступательное развитие делает исторический процесс в конечном счете благоприятным для человека.

Системное единство перечисленных представлений об истории образует содержательное ядро концепции “всемирной истории”, разработанной европейской философско-исторической мыслью XVIII—XIX вв. и ставшей во второй половине XIX в. достоянием массового сознания. Приобретая статус самоочевидных, интуитивно ясных представлений, они оказались необыкновенно живучими и в значительной степени сохранили свою убедительность и поныне, несмотря на серьезную теоретическую критику.

Известно, что концепция “всемирной истории” возникла на почве западнохристианской культуры и стала возможной благодаря представлениям, развитым в христианстве. Последнее по праву оценивается как “историческая” религия, поскольку в центре его внимания находится особым образом интерпретируемая человеческая история — “история спасения”. Человек характеризуется принципиальной выделенностью из природы — он не просто тварен, но являет собой “образ и подобие” Бога. Соответственно порядок человеческих взаимоотношений существенно отличается от порядка природных процессов.

В христианстве как мировой религии возникает представление о сущностном единстве человечества, коренящемся в единстве происхождения всех людей, и соответственно — об единой истории всего человеческого рода. Вера в единого Бога, выходящего за пределы нашего мира и возвышающегося над ним, позволяет видеть в происходящем манифестацию божественного замысла, благостно целенаправленной воли; история принципиально предопределена и совершается “объективно”, независимо от воли и сознания действующих индивидов. Исторический процесс становится линейно направленным, конституируясь неповторимыми событиями “священной истории” — от сотворения мира через первое пришествие Христа к Страшному суду.

Однако констатация содержательной зависимости концепции “всемирной истории” от христианского вероучения оставляет без ответа вопрос о конкретном происхождении последней. Для понимания процесса ее генезиса необходимо проследить основные сущностные трансформации христианского историзма, приводящие вплотную к концепции “всемирной истории”.

Родившись на зарке античной цивилизации и питаясь массовым ощущением отчаяния и безысходности, христианство нашло и предложило человечеству парадоксальный выход из исторического тупика. Обреченность античного космоса предельно подчеркивается его онтологическим унижением: не исчерпывая собой всей полноты реальности, космос отягощен злом и несовершенством в силу своей тварности. Полагание личного трансцендентного Бога в качестве онтологического первоначала позволяет принципиально выделить человека из остального мира — прежде всего по его конечной судьбе. Надежда на спасение души оказывается оборотной стороной признания обреченности мира и укрепляется его ценностным отрицанием.

Раннехристианский историзм — это историзм эсхатологический. Явление Христа в мир, неудержимо скользящий, по мнению отцов церкви, к своей гибели, поставило перед человеком проблему выбора: погибели души или же обретения блаженства в жизни вечной. Безусловная уверенность в скорой близости второго пришествия требует от верующего незамедлительного ухода из мира и заботы о спасении души в преддверии вселенской катастрофы. Открывающий перспективу спасения порядок человеческих взаимоотношений в раннем христианстве понимается как неформальная общность людей, объединенных отречением от мира и верой в искупительную жертву Христа. Представление о линейной направленности истории означает здесь признание необратимой и окончательной дестабилизированности мира, эсхатологическое напряжение в переживании современности.

Оформление институтов христианства обусловило рост теологической мысли и существенно трансформировало христианское вероучение. Значение теологии вовсе не сводится к упорядочению стихийно складывающихся религиозных представлений, теологическое оформление вероучения предполагает утверждение иерархически организованной церкви как главного гаранта спасения. Высокие образцы теологической мысли представлены уже в патристике, однако подлинный расцвет “теологического мировоззрения” происходит в эпоху зрелого средневековья и связан с качественно новым статусом церкви после дезинтеграции античного мира.

В теологической мировоззренческой схеме изначальный эсхатологизм отходит на второй план, и мир, в принципе обреченный, обретает относительную стабильность. Промежуток между двумя пришествиями Христа становится неопределенно большим и заполняется массивом эмпирически фиксируемых исторических событий. Прошедшие и грядущие события “священной истории” фиксируют глубинную направленность исторического процесса, образуя смысловую рамку профанной истории. Проблема спасения интерпретируется как имеющая значительную историческую протяженность — как развернутая во времени “история спасения” всего человеческого рода. Кругозор средневековых историографов грешил провинциализмом, но знание теологической доктрины наделяло его видением всемирно-исторического горизонта.

Обладающая смысловой завершенностью история делилась на два качественно различных периода: историю, охватываемую временными рамками Ветхого Завета (своего рода предысторию), и "новую", начало которой знаменуется пришествием Христа, принесшего людям "благовест" и положившего начало Граду Божьему на земле — вселенской церкви. Именно через приобщение к церкви человек входит в сферу исторического бытия, поскольку только в ее лоне может произойти фундаментальное историческое событие — событие спасения. Добровольно отдаваясь пастырскому попечению церкви и неукоснительно соблюдая соответствующие предписания, мирянин получает достаточно веские гарантии избежать гибели души.

Отправной пункт Реформации, стремившейся преодолеть поразивший церковь в период позднего средневековья глубокий кризис, — убеждение в том, что любая степень усердия в предписываемых обмирщенной и развращенной церковью специальных культовых отправлениях совершенно бесплодна для спасения души. Изъятие из исторического мира церковных гарантий спасения в корне дестабилизирует его и ставит вопрос о новой упорядоченности, связности исторического процесса. Реформация создает новую версию христианского историзма.

Возможность спасения приоткрывается на пути веры в действенность испукающей жертвы Христа, пострадавшего за всех людей. Веры, путь к которой лежит через отчаяние и чувство богооставленности. Спасение никак не может быть заслужено человеком, но именно поэтому отпадает необходимость в совершении особых культовых действий: служить Богу — это значит с усердием заниматься своей мирской деятельностью. Труд сам по себе рассматривается как подлинное божественное призвание человека. В реформационной идеологии складываются предпосылки для выявления преемственности и поступательности в динамике мирской общественной жизни — именно потому, что сфера мирской деятельности человека как целое сакрализуется.

Все люди равны в своем отношении к Богу, никто не имеет привилегий в решении вопроса о спасении. Поэтому сфера историчности (т.е. сфера, где только и может произойти событие спасения) — не церковь в виде формального института с жестким делением на клир и мирян, а община, построенная на принципе всесвященства.

Значение реформационного движения отнюдь не сводится к новациям в области христианского вероучения и в исторической перспективе выходит далеко за пределы собственно религиозной жизни. В кровавом хаосе Реформации и религиозных войн рождалось специфическое устройство новоевропейского общества.

В процессе секуляризации духовной культуры формировались контуры светской концепции всемирно-исторического процесса, придающей мирской жизни людей самостоятельное значение. Вольтер вводит термин "философия истории" для обозначения обобщенного взгляда на "земную" историю людей в их общественной жизни. Тюрго и Кондорсе разрабатывают идею прогресса как имманентного смысла исторического развития, включающую наряду с моментом направленности истории представление о преемственности и поступательности движения. Гердер подчеркивает, что исторический процесс есть история всего человеческого рода, охватывающая историческое развитие всех народов. Гегель разрабатывает грандиозную философско-историческую теорию, утверждающую высшую разумность всемирно-исторического процесса.

В XIX в. основные положения философской концепции "всемирной истории" становятся аксиоматически убедительными для европейски образованного сознания. «Мне кажется, — писал Гизо, — что главный факт, заключающийся в слове "цивилизация", есть прогресс, развитие, слово это тотчас же влечет за собой понятие о народе, который движется ... о народе, жизнь которого все более расширяется и улучшается. Идея прогресса, развития кажется мне основой слова "цивилизация"».

Краткий обзор генеалогии концепции "всемирной истории", предпринятый нами, позволяет трактовать ее как результат секуляризации христианской "истории спасения", которая стала возможной благодаря разрыву с "теологическим мировоззрением" в европейской Реформации. Религиозная предыстория основных рационально-философских положений этой концепции сохраняется в подтексте, в "снятом", но узнаваемом виде. Анализ происхождения концепции лишает представления, образующие ее содержательное ядро, кажущейся самоочевидности и дает веские основания усомниться в ее продуктивности в современной исторической ситуации — ситуации экологического кризиса.

Прежде всего, данная концепция универсализирует специфический исторический опыт Европы и кладет его в основу понимания всеобщей истории. Негласный европоцентризм препятствует осмыслению глобального по своему характеру экологического кризиса, требующего планетарной системы отсчета истории.

Безусловно, идея прогресса как имманентного смысла истории не вписывается в экологическую парадигму сознания: неуклонный рост системы неизбежно приводит к нарушению ее экологического равновесия со средой. Попытки выдумать какой-то новый, "экологически чистый" вид прогресса в принципе проблеме не снимает.

Кроме того, убеждение в наличии независимой от воли и сознания людей и в конечном счете благой для человека логики исторического процесса едва ли уместно в ситуации, когда физическая гибель человечества оказывается вполне реальной возможностью. Императив ответственности человека за само существование истории несовместим с верой в ее провиденциальную гарантированность и высшую целесообразность.

"Всемирность" истории означает не только ее повсеместную распространенность, но и ее без-местность, отсутствие локальной укорененности, безразличия к любой конкретной точке географического пространства. Предполагается существование замкнутого и самодовлеющего "мира истории", специфическая упорядоченность которого не имеет ничего общего с порядком природных событий. Природная среда общественной жизни не входит в существо историчности и ее воздействие на ход исторических событий интерпретируется как внешний фактор, случайный и не имеющий принципиального значения. Поэтому в пределах концепции "всемирной истории" вызванные экологическим кризисом проблемы не только не могут получить правильного разрешения, но даже не могут быть правильно поставлены.

Таким образом, концепция "всемирной истории", несмотря на ее глубокую укорененность в сознании современного человека, методологически бессильна перед лицом экологического кризиса. Входящие в ее ядро представления, возникшие из конкретного исторического опыта, в настоящее время превратились в изжившие себя предрассудки, "идолы", препятствующие осознанию исторического смысла и масштабов опасности кризиса.

Концепция исторического процесса должна строиться таким образом, чтобы экологическая ситуация оказывалась не внешним, а внутренним фактором исторических событий. Иными словами, речь идет о существенной коррекции концептуального видения исторической реальности — ее границ и основных характеристик.

"Экологизирующее" перепрочтение истории с опорой на конкретный материал могло бы послужить содержательной основой разработки такой философско-исторической модели, которая была бы релевантной современному экологическому кризису.

¹ См.: Свенцицкая И. С. От общины к церкви. М., 1985. С.106.

² См.: Соловьев Э. Ю. // Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С.161.

³ Там же. С.171.

⁴ Гизо. История цивилизации в Европе. СПб., 1864. С.8.

⁵ См.: Соловьев Э. Ю. // Новые тенденции в западной социальной философии. М., 1986.

М.Н. МАЛИНОВСКИЙ

СИСТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭКОСОЗНАНИЯ

В условиях современного глобального экологического кризиса в культуре вызревает идея цивилизационного поворота, понимаемого как переориентация с идеала локальной цивилизации на идеал цивилизации глобальной. Этот идеал предполагает формирование социоприродного комплекса в виде планетарного единства, основанного на гармоничном взаимодействии между человечеством и природой. В качестве одного из основных условий становления глобальной цивилизации выступает ее опора на разнообразие этнокультурных традиций — своего рода этнокультурный полицентризм. Иначе говоря, глобальная цивилизация не требует тотальной вестернизации. Безусловно, западные образы рыночной экономики, демократического государственного устройства и т.п. подтвердили свою операциональность и экстраполяционный потенциал. Однако в антропоприродных отношениях западная парадигма природопользо-

вания, базирующаяся на презумпции потребления преобразованного вещества природы, обнаруживает в настоящее время серьезную уязвимость. Идеал глобальной цивилизации актуализирует те апробированные в многовековой практике модели социоприродных отношений, которые транслируются этнонациональными культурными традициями. Речь не идет о некритичном воспроизведении традиционных аграрных технологий и искусственной реанимации тех представлений об антропоприродном единстве, которые были характерны для первобытных культур, – современная экологическая культура может строиться лишь на основе новейших достижений науки и технологий.

Вместе с тем идеал глобальной цивилизации актуализирует в контексте диалога культур те этнонациональные традиции, которые могут быть охарактеризованы как экофильные и чье влияние на массовое сознание обладает несомненным экологическим потенциалом.

Человек вышел из лона природы, и это было зафиксировано земледельческой культурой в представлении о природе как едином одухотворенном космосе, живом организме. Человек аграрной культуры ощущает себя частью этого природного целого. Так, мотив сращенности с природой, слитности с ней, растворения в ее ритмах присутствует в “обращении к богине” (воде), записанном в Египте в 1-ой половине III тысячелетия до н.э.: “О ты, шагающая так широко. Сеющая смарагды, малахит и бирюзу, словно звезды. Когда цветешь ты, цвету и я. Цвету, подобно живому растению”¹. Подобные интенции аграрной культуры, ориентированные на бесконфликтное антропоприродное взаимодействие на уровне конкретной микроландшафтной зоны, прослеживаются на протяжении всей истории человечества, сохраняясь вплоть до XX в. Вот как звучало магическое заклинание поля после жатвы в начале нашего столетия в центральной России: жнеи катались по земле, приговаривая – “Жнивка, жнивка, отдай мою силку! На пест, на колотило, на молотило!”²

Известно, что человек всегда пытался каким-либо образом повлиять на природные явления. Длительная история земледельческой культуры создала для этой цели институт магии.

Искаженное понимание взаимосвязей природных явлений превращало магию в источник закрепления в коллективном сознании различного рода суеверий. Однако магическая практика не преследовала целей полностью изменить природные ритмы. Для представителей аграрной культуры было важно сохранять достигнутый однажды уровень своего благосостояния, и какие бы то ни было попытки кардинального воздействия на природу были крайне нежелательны, ибо с большой вероятностью вели к непредсказуемым последствиям. Направленность аграрной культуры можно выразить суждением: “Не старайся сделать лучше, старайся сделать не хуже”.

Поддержание стабильности в отношениях с природой – одна из важнейших задач земледельца. Этому способствовали и циклическое восприятие времени в традиционной культуре, и культ предков, объединявший “вчера и сегодня”. В самом деле: из года в год повторяющиеся события социальной жизни земледельческой общины и явления природы создавали представления о цикличности времени, его замкнутости. В древнегреческой мифологии это свойство времени отражено в повторяемости событий. В славянской культуре выделен другой аспект этого же порядка: предшествующие моменты времени непосредственно связаны и влияют на последующие. Например, согласно русскому земледельческому календарю, “какая погода бывает 1 апреля, такова она будет и 1 октября”, “коли 3 декабря снег будет, то 3 июня дождь пойдет”³ и т.п.

А культ предков заставлял человека соблюдать порядок, который был когда-то раньше. Авторитет прошлого заставлял земледельца воспроизводить закрепленную практикой предков систему действий, поддерживавших оптимальное состояние окружающей среды.

Консерватизм является одним из атрибутивных признаков такой культуры. Стабильность, статичность старательно поддерживались не только в отношениях “человек–природа”, но по аналогии переносились на все другие стороны жизни, в том числе и на познавательную деятельность. Тем не менее именно аграрная культура дала и совершенно противоположный по своей направленности феномен. Земледельцу было важно собрать богатый урожай: чем богаче он был, тем стабильней становилась жизнь членов аграрного общества. Именно это явление и породило внутреннюю установку земледельцев на перманентное расширение масштабов своей деятельности, что породило экспансивное отношение к природе. Эта тенденция имеет чрезвычайно древнее проис-

хождение — она восходит ко времени появления производящего хозяйства. Закрепляясь в течение тысячелетий, она стала характерной чертой человеческого отношения к природе. В период промышленных революций в Западной Европе стремление человечества к тотальной экспансии проявилось с новой силой, ибо оно получило для этого мощный инструмент научного познания. В этой связи ученые Нового Времени, которых принято считать отцами классической науки, были лишь детьми своей эпохи. Развивая идеи о мощи человеческого разума, они, в историческом контексте, были исследователями концепций гуманистов Ренессанса, основанных на неограниченном антропоцентризме. Наука таким образом выступила в качестве орудия "покорения" природы, серьезно дискредитировав себя как институт, способный предложить альтернативу антиэкологической деятельности человеческого общества.

Несмотря на свой консерватизм, аграрная культура обладает качеством, без которого немислимо построение современного типа экосознания. Речь идет об эстетическом восприятии природы.

У человека традиционной культуры еще отсутствовало понятие об ойкумене, но был развит образ дома, который часто включал в свои пределы и лес, и поле, где человек чувствовал себя комфортно. В лесу проводились хороводы и гуляния на Троицу, игрища на Иванов день, различного рода обряды, сопровождавшиеся заклинаниями, в которых подчеркивалось родство человека с окружающим миром. Например, такое: "Земля матери, благослови меня травы брати, и трава мне матери!"⁴ Окружающие человека поля, леса, реки, луга представляли для него ценность, но в них же он находил и красоту, предмет любования. Эстетизм в восприятии природы воплощен даже в детских загадках: "В поле сережки на тоненькой ножке" (овес); "Комочек пуха, длинное ухо, прыгает ловко, любит морковку" (заяц)⁵. Эстетическое отношение к природе, стремление к сохранению стабильности существующих отношений сделали одной из характерных черт человека традиционного типа его созерцательность.

Однако индустриальное общество изменило природу настолько, что созерцательности для понимания сущности происходящих процессов оказывается недостаточно, а статичные условия существования аграрной культуры уже практически не отвечают возросшим требованиям. Человечество обращается к научному знанию, ища в его потенциальных возможностях средство для выхода из кризиса.

Возникнув как феномен приспособления человека к непрерывно изменяющимся условиям существования, как средство сообразования потребностей общества с реалиями его существования, научное знание позволило человеку не только поддерживать стабильность в тех отношениях с окружающей средой, которые были для него важны (т.е. в системах, обеспечивающих его существование: сельское хозяйство, горное дело и т.п.), но и осуществить внутреннюю установку на экспансию окружающего мира, получение от него непрерывно возрастающего потока благ. Природа в этом контексте становится для человечества неисчерпаемой кладовой сырья и различного рода запасов.

Научное знание позволило человеку избавиться от страха перед силами природы, почувствовать себя ее хозяином. Однако сложность и многоплановость проблемы корреляции социального и природного элементов существования человечества обусловили ряд противоречий в концепциях, определяющих направление развития этих форм человеческого бытия.

Так, поддержание в экосистемах по возможности наибольшего видового разнообразия является залогом их стабильного существования. Это означает, что монокультурным ценозам, т.е. полям сельскохозяйственных монокультур, в такой модели места нет. Современный тип сельхозпроизводства, таким образом, должен бы быть объявлен нецелесообразным по экологическим соображениям. Возникает противоречие и между традиционными установками общества на укрупнение, централизацию, максимизацию, стандартизацию, специализацию, концентрацию⁶ и обозначенной тенденцией к многообразным структурам.

Характерной чертой классической науки является ее механицизм, влиянием которого были обусловлены принципы научного исследования. Предполагалось, что объект научного рассмотрения расчленяется на составные части, каждая из которых может исследоваться независимо от других. Со временем такой подход стал проявляться в дисциплинарной узости научных исследований, когда накапливается огромный фактический материал в отдельных науч-

ных областях, но общую картину составить чрезвычайно сложно. Кроме того, разобщенные исследования частей какого-либо единого процесса или явления породили ложную иллюзию, что манипуляции в одной, достаточно автономной части экосистемы не приводят к каким-либо изменениям в другой ее части.

Уверенность в могуществе человеческого разума, которую давала прогностическая ориентация науки в купе с описанными явлениями, подвигали человечество на активное вмешательство в цепи природных процессов. Это неизбежно привело к нарушению природного баланса. Современная наука увидела решение проблемы в системных исследованиях. Однако установки коллективного сознания крайне консервативны, особенно в сфере жизнеобеспечения социума. Поэтому у большинства членов современного общества взгляд на направленность социоприродной деятельности до сих пор не изменился.

В ряду факторов, влияющих на экологический потенциал науки, важное место занимает установка научного сообщества на объективность знаний, их полноту и прогностический характер. Традиционная культура с ее направленностью на поддержание раз и навсегда зафиксированного баланса в системе "человек-природа" не нуждается в указанных характеристиках. Она выработала своеобразное, присущее только ей, средство адаптации к среде в форме эстетически-поэтического восприятия природы. Естественно, научное сообщество не может использовать такой подход, ибо поэтические, аксиологически нагруженные образы не могут быть однозначно воспринимаемыми, объективными и атрибутивно полными в одно и то же время. Отсутствие этих качеств в традиционной культуре не позволяло ей проводить объективный анализ экологической ситуации и строить долговременные прогнозы своего развития. Кроме того, аграрная культура не располагает ресурсами науки (например, в виде метода системного моделирования, гибких технологий и др.), которые позволяют изменять формы бытия общества, коррелируя их с изменяющимися условиями окружающей среды. В этой связи выглядят абсолютно бесперспективными призывы некоторых членов общественного экологического движения "вернуться в природу". Разукрупнение промышленности и биорегиональное деление территорий, предлагаемые "зелеными", несомненно, полезны для природной среды, но отказ от промышленного производства вообще, воспроизводство только тех структур, которые непосредственно удовлетворяют лишь элементарные потребности, чреватые прекращением всякой производительной и познавательной деятельности вообще. Потенциал науки является достаточным для того, чтобы человечество могло вернуться к натуральному хозяйству, однако это означало бы его деградацию. Экологическая пластичность научного знания позволяет найти выход из тупика, в котором мы оказались. И если до последнего времени эта пластичность использовалась для того, чтобы изменить окружающий мир, приспособив его исключительно к нуждам человека, то теперь все усилия науки направлены на гармонизацию отношений социума с естественными природными циклами. Кроме того, природный универсум находится в постоянном развитии, поэтому государственная политика охраны природы, направленная на сохранение отдельных видов флоры и фауны, отдельных ландшафтных зон, — это, по выражению социальных экологов, "арьергардный бой в попытке свести потери при отступлении до минимума"⁷. Человечество не должно пытаться сохранять зафиксированную панораму экологических связей, а направлять усилия на корреляцию ритмов своего существования с естественными природными циклами.

Совершенно очевидно, что выход из экологического кризиса находится на путях создания новой экологической культуры, органично сочетающей в себе, с одной стороны, современные промышленные и аграрные технологии, новейшие достижения естествознания, а с другой — актуализированные экофильные ценности традиционной культуры.

¹ Круть И. М. Очерки истории представлений о взаимодействии природы и общества. М., 1988. С.21.

² Круглый год. Русский земледельческий календарь. М., 1991. С.254.

³ Там же. С.335.

⁴ Там же. С.315.

⁵ Там же. С.473.

⁶ Полищук М. Л. В преддверии натиска третьей волны. М., 1988. С.49.

⁷ Круть И. М. Указ.соч. С.401.

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ И ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ

Экологическое просвещение как существенный момент всеобъемлющего комплекса мероприятий по предотвращению глобальной экологической катастрофы в своей основе преследует такое изменение установок массового обыденного сознания, при котором удовлетворение человеческих потребностей увязывается с потребностями биосферы. То есть предполагается внедрение такой системы ценностей, когда динамика биосферы становится фактором, постоянно принимаемым в расчет как фактор социальной динамики. На уровне индивида это означает согласование его действий, жизненных ориентаций с задачами сохранения природной среды.

Проблема эффективности экологического просвещения состоит в том, что современная экофобная стратегия природопользования, сопряженная с массовыми потребительскими установками, воспроизводит индустриальной системой производства-потребления. Эта система замкнута на потребности своего функционирования. Ее негэнтропия поддерживается за счет возрастания энтропии в биосфере. Проблема преодоления экологического кризиса – это проблема достижения оптимального соотношения энтропии-негэнтропии в системе «социотехносфера-биосфера»¹. Путь к ее разрешению – переориентация потребительских установок в соответствии с учетом сохранения равновесия в биосфере, задающая новые, экофильные, стратегии развертывания индустриальной системы.

Переориентация обыденного сознания предполагает внедрение и закрепление в культуре таких основополагающих вариантов интерпретации антропоприродной соразмерности, которые будут способствовать реализации приемлемой экологической стратегии социума.

Речь об интерпретации заходит постольку, поскольку затрагивается вопрос о семантическом конституировании мира культуры как не-природы. Базисные смысложизненные ориентации антропоприродного взаимодействия, воспроизводимые в текстах культуры, т.е. так или иначе в сфере символического, в качестве своего основания отсылают нас к семантическому соотношению культурного и «натурального», природного. Социоприродное целое обретает в культуре свое символическое выражение. Поскольку «символ есть бесконечная смысловая мощь предмета, которая, разлагаясь в бесконечный ряд, осмысливает собою и всю бесконечность частных предметов, смыслом которых она является»², ключевым моментом предпосылания стратегий антропоприродного взаимодействия через символотворчество культуры становится момент интерпретации. Это интерпретация оппозиции «культура-природа», определенный тип семантического соотношения культуры с природой, транслируемый в культуре в качестве преобладающего способа мировосприятия и ограничивающий веер возможных стратегий социоприродного взаимодействия.

Выбор и осуществление приемлемой в экологическом отношении стратегии цивилизационного развития увязаны с переинтерпретацией устоявшихся принципов осмысления сопряженности культурного с природным. Необходимо не просто переосмысление взаимоотношений социума и индивида с природной средой, а внедрение особой культуры поведения на уровне обыденного сознания. Поскольку выработка и первоначальная трансляция программ экологизации обыденного сознания осуществляются через продуцирование и трансляцию текстов, т.е. как символотворчество, требуют экспликации такие моменты динамики мировосприятия, которые противостоят экофобному программированию обыденного сознания индустриальной системой. Возникает вопрос как о выявлении особых тенденций в семантическом поле современного социума, так и об отслеживании динамики современной экофобной парадигмы общественного прогресса с точки зрения динамики символического выражения оппозиции «природа-культура».

Создание эффективных программ корректировки массового экосознания требует также выявления динамики семантико-символических комплексов, предпосылающих экофобную парадигму цивилизационного развития. Какие процессы, протекающие в семантико-символической сфере, санкционируют возможность внедрения экофобных стереотипов природопользования в массовое сознание? Исследователь исторических предпосылок современного эколо-

гического кризиса Л. Уайт связывает становление современной экофобной парадигмы с утверждением католического христианства, с разбожествлением природы и прикладной теологией как предпосылкой естествознания – основы индустриальной цивилизации³. Таким образом христианство предзадает веер возможных стратегий социоприродного взаимодействия, в том числе и экофобных. Какие духовно-символические процессы способствуют закладыванию экофобной парадигмы в христианском варианте истолкования оппозиции “природа–культура”?

Русский исследователь средневековой культуры А. Веселовский констатирует следующую существенную характеристику процесса символотворчества в западноевропейской христианской культуре. “...Как символ прежде выходил из жизни, так жизнь начинает теперь определяться внесенным в нее умственным материалом, к которому отнеслась символически. В этом отличие древнего развития от нового, христианского”⁴. Возникает ситуация, когда эволюция символики, следовательно, эволюция мировосприятия, все в большей степени локализуется в сфере культуры. Природа как источник символотворчества утрачивает то значение, которое имела в дохристианский период. В мировоззренческой оппозиции “культура–природа” акцент переносится на “культурное”. Сама природа интерпретируется как специфический текст в архиве культуры. По мнению А. Веселовского, “был целый период в истории средневекового развития, когда видимая природа представлялась мыслящему человеку не как сущность сама по себе, а как внешнее выражение, покров, символ другой, высшей, сущности”⁵. В эпоху господства мифа символ вырабатывался самой жизнью. “С христианством это вырабатывание приостанавливается на всех точках развития”⁶, и природа становится комментарием к священным текстам, подлежащим расшифровке.

Через натуральную теологию как прочтение текста-природы Л. Уайт проводит связь между средневековым христианством и новоевропейским естествознанием. Естествознание отстраивается через математизацию природы, т.е. через выражение природных процессов посредством математической символизации⁷. Поскольку математизация – предельный вариант символизации, отношение к природе как к тексту культуры сохраняется. По мере сращения умозрительной науки с практически ориентированной техникой такая установка дополняется отношением к природе как к полю практической реализации научно-технических проектов и воспроизводится через их формулирование и практическую реализацию. Такое техническое преобразование природной среды, понятое как духовно-символическая деятельность, может быть проинтерпретировано как переписывание природного текста в соответствии с первичным гипертекстом культуры. Если одновременно с началом цивилизационного процесса развивается процесс семантического размежевания природного и культурного мира, то в создании научно-технической индустрии он достигает своего экстремума. Вместе с тем в новоевропейской культуре происходит соотнесение и семантическое отождествление общекультурного процесса с процессом научно-технического развития. Культура семантически соотносится с техносферой. Воспроизводится ситуация семантической соотнесенности культуры с природой, характерная для архаической стадии социального развития, однако в ином варианте. С развитием индустриального общества в массовом сознании закрепляется семантическая соотнесенность культуры и “второй” природы⁸.

Констатация этого момента позволяет выделить следующие ключевые эпизоды динамики мировосприятия в контексте смены вариантов истолкования базовой оппозиции “природа–культура” и их закрепления и трансляции в культуре. В эпоху господства мифа и нетеистских религий культурный и природный миры выступают равноправными источниками символотворчества. Культура и природа в космоцентрическом мировосприятии сохраняют паритетное соотношение. С утверждением христианства символотворчество локализуется в сфере культуры. В Новое время с развитием индустриальной системы символотворчество детерминировано развёртыванием техносферы. По мере развития индустриализации складывается техноцентристская парадигма цивилизационного процесса. Замыкание культурного развития на развитии техносферы в качестве приоритетной цивилизационной стратегии и игнорирование закономерностей функционирования биосферы как условия стабильности единой социотехноприродной системы способствуют движению экологической обстановки в сторону глобальной катастрофы.

В этой ситуации приобретает актуальность задача выявления и использования тенденций современного этапа культурного процесса, способствующих становлению контрпарадигмы техноцентризму. Нынешний этап историко-культурного процесса характеризуется следующими ключевыми моментами: ситуацией постмодерна и переходом развитых государств от индустриального типа организации общества к информационному. Наступление эпохи постмодерна и нарастающая информатизация отражают особый уровень усложнения социотехносистемы как в духовно-символической сфере, так и в техносреде. Постмодерн – это ситуация "переплетенности бесчисленных культурных знаков", в которой происходит постоянное комментирование и взаимоотсылание текстов. С другой стороны, повсеместное внедрение информационных систем в качестве посредников между социумом и промышленно-транспортными техносистемами, а также в качестве посредников между подсистемами социума сводит производственную деятельность, взаимодействие с индустриальной системой к духовно-символической деятельности. Будучи элементом техносферы, компьютерные информационные системы способствуют локализации символотворчества в культуре по отношению к техносфере, "второй" природе как источнику духовно-символической деятельности. Ситуация семантического размежевания культуры и природы воспроизводится теперь уже по отношению к техносреде. Это позволяет вести речь о наметившейся возможности замены доминирующей мировоззренческой парадигмы – техноцентристской на культуроцентристскую.

Предпосылание культуроцентристской парадигмы – одна из тенденций современного этапа цивилизационного развития. Если эта тенденция станет преобладающей и культуроцентристская парадигма цивилизационного процесса утвердится, это еще не гарантирует замену экофобных установок массового сознания на экофильные. Однако в складывании постиндустриального общества кроется парадокс. Культура как сфера смыслопорождения, становясь все более зависимой от процессов техносреды, на определенном этапе развития этого отношения зависимости освобождается от непосредственной детерминации функционированием индустриальной системы. Развитие компьютерных информационных систем в сращении со средствами массовой информации при современном уровне сложности и самодостаточности культуры как архива текстов повышает гибкость и эффективность культурного реагирования на экологическую угрозу. Вариантом такого реагирования, в частности, выступает экологическое просвещение. В социотехносистеме постиндустриального типа его результативность будет значительно превосходить эффективность экологической пропаганды в индустриальной социотехносистеме. Активное внедрение компьютерных информационных систем и преодоление социально-политических ситуаций, тормозящих их повсеместное использование, хотя и не является прямым фактором экологизации обыденного массового сознания, выступает как существенный косвенный фактор успешной экологической политики.

¹ См.: Урсул А. Д. Перспективы экоразвития. М., 1990.

² Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С.12.

³ См.: Уайт Л. // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С.188.

⁴ Веселовский А. Н. Собр. соч. СПб., 1908. Т.3. С.90.

⁵ Веселовский А. Н. // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1886. С.195.

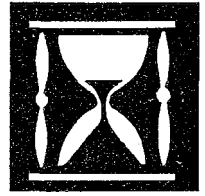
⁶ Веселовский А. Н. Собр. соч. Т.3. С.90.

⁷ См.: Гуссерль Э. // Вопросы философии. 1992. №7. С.136.

⁸ См.: Ортега-и-Гассет Хосе // Дегуманизация искусства. М., 1991. С.40.

⁹ См.: Вопросы философии. 1993. №3. С.3.

Паліталогія, сацыялогія



Е.Н. ДАЙНЯК

ПЕРСПЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА (постановка проблемы)

Лидерство так же старо, как человечество. С древности изучение политики было сконцентрировано на личностях, управляющих другими людьми: царях, полководцах, законодателях. Мыслители древности делали попытки написать портрет совершенного правителя, наделенного сверхъестественными качествами, которому отводилась роль "проводника" божественных предназначений на земле.

Идея лучшего, мудрейшего, а затем просвещенного монарха развивается учеными и в последующем. Французские материалисты XVIII в. Д.Дидро, К.Гельвиций, Ф.Гольбах считали творцами прогресса мудрых законодателей, мыслителей, от которых зависит, прежде всего, исход исторических процессов. Однако и до наших дней лидерство в политике было и остается предметом бесчисленных исследований.

К сожалению, в нашей республике и странах СНГ разработка данной проблемы находится в начальной стадии, единой концепции политического лидерства у нас не сложилось. На состояние теоретической разработанности проблемы политического лидерства оказали влияние различные причины. Прежде всего, следует назвать имевший место государственный идеологический подход к данной проблематике. Во-вторых, длительную изоляцию отечественной науки от мировой и, как следствие, нарушение преемственности в изучении этого явления. И, в-третьих, объективные трудности, связанные со сложностью и многоаспектностью проблемы политического лидерства.

Советские авторы рассматривали лидерство преимущественно в рамках социально-психологического подхода применительно к малым группам. Субъект ограничивался индивидом. А социологические, социально-политические его аспекты практически не исследовались.

Следует отметить, что лидерство свойственно не только и не столько малой группе, но является феноменом макросреды, а в качестве его субъекта может выступать как индивид, так и социальная группа (или ее часть), институт (или его орган).

В некоторых работах советских ученых политическое лидерство рассматривалось либо в контексте внешнеполитической и международной деятельности зарубежных политических руководителей, либо в рамках критического анализа зарубежных концепций лидерства. Ряд исследователей изучал лидерство в связи с анализом методов пропаганды и внедрения стереотипов в массовое сознание.

В работах, непосредственно посвященных политическому лидерству, основное внимание уделялось изучению формирования авторитета, популярности тех или иных политических деятелей, их самопрезентации, оценок политических действий лидеров в массовом сознании. Лишь несколько ученых стран СНГ предприняли попытки системно проанализировать это явление в контексте современного процесса стран Содружества, рассмотреть методологические проблемы его изучения. В некоторых трудах раскрывается политическая специфика явления в контексте процесса взаимодействия публично-политической власти и общества.

Выявление сущностных сторон политического лидерства связано с определением не только его политической, но и социально-психологической специфики. Эти особенности лидерства рассмотрены в ряде работ, посвященных методологическим проблемам социальной психологии и конкретным социально-психологическим явлениям, анализу общественного мнения и социально-психологических аспектов управления⁴.

Отдельные авторы анализируют политическое лидерство в контексте изучения социально-политической и экономической среды, в связи с особенностями политической культуры общества⁵.

Наиболее многообещающим подходом к исследованию политического лидерства является его сравнительное изучение. Выдвигается несколько аргументов в пользу такого подхода: во-первых, поскольку каждый лидер уникален, можно рассматривать и объяснять лидерство, его модели на сравнительных примерах. Различия помогают четче представить особенности лидеров и специфику их ролей. Во-вторых, политические системы столь же отличны, как и отдельные лидеры. Сравнивая лидеров и их действия по времени и странам, можно многое узнать не только о лидерах, но и системах.

Плодотворным является сравнительный анализ лидерства в контексте элит. Проблема политической элиты стоит ближе всего к пониманию феномена лидерства. Поскольку лидеры принадлежат, как правило, к элитным группам, изучение происхождения, взглядов, карьеры членов элитных групп помогает очертить социальный слой, из которого выявляются лидеры.

В последние десятилетия западные ученые пытаются осмыслить феномен политического лидерства в общепланетарном масштабе, так как человечество столкнулось с экологической, военной и другими глобальными проблемами, озбочено необходимостью предотвращения возможных катастроф.

Одним из показателей этого является возрождение интереса к харизме как личной способности лидера увлекать за собой массы без помощи инструментов власти. Харизма (греч. *charisma* – благодать, дар божий) – “в религиозном сознании – мистическое свойство, ниспосланное свыше и выделяющее его обладателя из массы верующих (напр., пророческий дар)”⁶. В социологию и политическую науку термин “харизма” введен М.Вебером (1864–1920), который использовал его в своей концепции идеальных типов господства. Для Вебера харизма – “качество личности, признаваемое необычным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям”. Такой лидер способен предложить новые ответы на волнующие общество вопросы и выступить с инициативами, которые выходят за рамки того, что принято в данном обществе, и в обычных условиях были бы блокированы. Харизматическое лидерство в истинном, а не формальном значении чаще всего не может продолжаться долго. Однако его внешние атрибуты могут сохраняться длительное время, маскируя иную форму господства – безлично-бюрократическую.

В трактовке М.Вебера харизматическое господство имеет личностный характер; строится на эмоциональной основе; играет новаторскую или революционную роль; недолговечно и с течением времени рутинизируется. Эта концепция признана сегодня классической, хотя проявляется в политологии в таком множестве вариантов, что можно, видимо, говорить не столько о единой теории, сколько о некоторой тенденции рассматривать социальные процессы сквозь призму личностных (харизматических) качеств политических лидеров.

На современном этапе стимулом обращения к концепции харизматического лидерства стали реальные процессы: рост влияния религии в разных регионах мира, религиозный экстремизм, политический терроризм, политические процессы и изменения в странах СНГ и бывших социалистических государствах.

Но харизматические лидеры в XX столетии принесли человечеству немало бедствий. Поэтому хотя “харизма” является составной частью лидерства, считает Бернард Бэсс, но сама по себе недостаточна для объяснения ею всех процессов преобразования. Что является необходимым, добавляет Уоррен Бенис, так это лидерство, которое преобразует “мечту в реальность”⁷, так называемое провидческое лидерство. Однако научный интерес, в первую очередь, связан с провидческим реализмом таких лидеров, которые наделены не только даром предвидения, но обладают также хорошим чувством политической реальности. Мишель Керен так излагает свое понимание сущности провидческого реализма: “Провидческий реалист не является ни мечтателем, игнорирующим ограничения, обусловленные реальностью для осуществления его предвиде-

ния, ни прагматиком, полностью скованным этими ограничениями. Он или она определяют преобразующие цели, возможно, превосходящие те, которые могут быть осуществлены другими, и применяют их к сложностям реального мира через осторожное, но откровенное использование власти, знаний и человеческой порядочности. Одним словом, провидческий реализм является конструктивным поиском дерзких целей⁹.

Провидческий реализм рассматривается таким образом, как более перспективная модель политического лидерства по сравнению с харизматическим лидерством. Во-первых, главным в этой модели является эффе́ктивное осуществление предвидения, а не призыв к нему; во-вторых, лидера в данной концепции рассматривают как часть общественного устройства (порядка), а не как фигуру, стоящую выше этого устройства; и в-третьих, провидческий реализм выступает не столько как личное качество, сколько как поведенческая особенность.

Этот подход обусловлен убеждением, что перспективная модель провидческого реализма так же, как и возможность его институализации в современном процессе принятия политических решений, может быть полезна для лучшего понимания лидеров, добившихся действительных результатов благодаря обращению предвидения в совокупность реальностей.

Однако, рассматривая концепцию провидческого политического лидерства, следует, по мнению И. Дрора, учитывать и возможные опасности, связанные с таким лидерством. Он пишет: "Провидческое политическое лидерство (ППЛ) является высоко рискованным, часто ведущим к катастрофам. Поддающиеся предвидению ситуации обостряют дилемму, делая ППЛ более подходящим или более необходимым, в то же время увеличивая его опасность благодаря современным технологиям"¹⁰.

Одной из важнейших черт, составляющей понятие преобразующего провидческого лидерства, является ответственность за последствия действий. Преобразующее лидерство должно быть непременно нравственным. Требование нравственности в политике необходимо, ибо без его реализации нельзя обеспечить перспективу развития. М. Вебер писал, что всякое этически ориентированное действие может подчиняться двум фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на "этику убеждения", либо на "этику ответственности"¹¹. Именно ответственность за политические действия, за политические решения является основным критерием нравственности в политике.

Несмотря на широкое распространение этой теории и социальную важность преобразующего провидческого политического лидерства, исчерпывающей его теории пока нет. Данная концепция нуждается в междисциплинарных исследованиях и рациональном прикладном использовании полученного знания.

¹ См.: Шепель В. М. Настольная книга бизнесмена и менеджера. Управленческая гуманитарология. М., 1992; Делюга В. Политическая теория: тенденции и проблемы. М., 1993.

² См.: Афанасьев М. Н. // Философские науки. М., 1990. №10; Пищулин Н. П., Сокол С. С. Политический лидер: теоретико-методологические основы исследования. М., 1992. Ч.1.

³ См.: Кудрявцев В. Н. // Вопросы философии. М., 1987. №1; Макаренко В. Н. Бюрократия и государство. Ростов-на-Дону, 1987; Кейзеров Н. М. // Социологические исследования. М., 1990. №3.

⁴ См.: Уледов А. К. Теоретическая и прикладная социальная психология. М., 1988; Шестопал Е. Б. Личность и политика. М., 1988; Свентицкий А. А. Социальная психология управления. Л., 1986.

⁵ См.: Ожиганов Э. Н. // Свободная мысль. 1993. №5; Ольшанский Д. // Народный депутат. 1992. №3; Коновалова А. А. // Материалы международной научной конференции "Современный политический процесс в Беларуси и перспективы его развития". Мн., 1994. Ч.1; Пысюк А. И. // Там же.

⁶ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С.383.

⁷ Вебер М. Социологические исследования. 1988. №5. С.139.

⁸ См.: Bass B. Leadership and Performance Beyond Expectations. New York, 1985. P.31; Bennis W. Leadership transforms vision into action. New York, 1982. P.54.

⁹ Keren M. International Political Science Review. 1988. V.9. №1. P.5.

¹⁰ Штукина Т. А. // Кентавр. 1994. №6. С.25.

¹¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.646.

А.П. МЕЛЬНИКОВ

ИЕРЕМИЯ БЕНТАМ: ПОЛИТОЛОГ И ЧЕЛОВЕК (1748–1832)

Иеремия Бентам – английский мыслитель, правовед, политолог и философ, один из основоположников либерализма, выразитель идейных устремлений

английской буржуазии. С его именем связано формирование научного направления, получившего название "утилитаризм".

Родился Бентам в семье лондонского адвоката. В пятнадцатилетнем возрасте поступил в Оксфордский университет, который окончил в 1766 г. Отец хотел, чтобы сын стал адвокатом, однако Иеремия решил посвятить себя научной деятельности. Уже его первыми трудами заинтересовались французские энциклопедисты. Вскоре он получил приглашение русского князя Потемкина навестить его в белорусском имении, где тогда проживал всемогущий временщик. Бентам принял приглашение и в конце 1785 г. отправился к нему в местечко Кричев Могилевской губернии. Здесь он прожил почти два года, занимаясь научной и литературной деятельностью, изучая особенности быта и жизни белорусов.

Позже идеи Бентама нашли отражение в работе Российской правительственной Комиссии по составлению законов под руководством М.М.Сперанского. Определенное влияние оказали они также на взгляды некоторых декабристов.

Бентам вел скромный размеренный образ жизни образцового холостяка-одноголюбца. О постоянстве его чувств ходили легенды. Современники рассказывают, что в молодости он полюбил девушку, просил ее руки, но получил отказ. С того времени он не переставал тешить себя надеждой, что рано или поздно он станет мужем любимой женщины. В шестьдесят лет он повторил предложение, но снова получил отказ. В восемьдесят лет он написал ей письмо такого содержания: "Я еще живой, мне уже восемьдесят, и тем не менее у меня такие пламенные чувства, как и тогда, когда вы подарили мне на лугу цветов. С того времени не прошло и дня (о ночах я уже не говорю), чтобы вы не занимали моих мыслей больше, чем это было мне нужно..."¹

Бентам видел основу всего строя жизни не в философии, а в политике и морали. Политика и мораль, в его понимании, – одно и то же. Разница лишь в том, что одна руководит действиями правительств, а другая – поступками отдельных лиц². Здание общественного счастья должно быть воздвигнуто с помощью разума и закона на базе его учения о пользе. Поэтому целью своей жизни Бентам провозгласил создание такой системы законодательных и нравственных норм, которые могли бы устранить произвол в правовой области и открыть людям возможность чувствовать себя хозяевами жизни. Главной категорией своей концепции ученый избрал понятие пользы. Полезными, по его мнению, являются такие свойства предметов и явлений, которые могут приносить благодеяние, счастье, выгоду, добро или же предупреждать зло, несчастье и страдания³. Причем этими свойствами и качествами в той или иной степени обладают все предметы и явления. Это общий принцип их существования, который довлеет над людьми, составляя основу человеческих поступков. Бентам верит в то, что природа руководит человеком с помощью двух властителей: страдания и удовольствия⁴.

Постепенно его многочисленные теоретические изыскания оформились в особое учение – деонтологию, призванную превратить мораль в науку⁵. Уникальные рецепты излечения человеческого общества от социальных болезней должны были в корне изменить природу человека, привести мир к гармонии и благополучию.

В понимании Бентама, общество – это простая совокупность личностей. Если же общество есть механический агрегат индивидов, то вполне логично, что всеобщее счастье может быть достигнуто путем заботы каждого о самом себе⁶. Поэтому он полагает, что единственно стоящими интересами могут быть только индивидуальные интересы, отождествляемые им с пользой, выгодой. Жертва индивидуальными интересами ради общественных, с этой точки зрения, оказывается лишней смысла.

Бентам сформулировал четыре условия, необходимые для достижения всеобщего счастья: 1) обеспечение средств существования, 2) их изобилие, 3) равенство, 4) безопасность⁷. Последние два условия должны служить первым.

Еще в начале своей научной деятельности Бентам весьма резко критиковал позицию известного юриста Блекстона, который идеализировал английскую конституционную систему, считая ее совершенной, а потому и незбылемой. Бентам же полагал, что систему нужно менять, что взгляды Блекстона основаны на предрассудках⁸, одним из которых является теория разделения властей. Здесь Блекстон следовал за Монтескье, который в разделении властей пытался найти ключ к объяснению устойчивости государственного строя Англии.

Бентам же доказывал, что на самом деле в Англии отдельные власти и составные элементы государственного механизма находятся во взаимной зави-

симости и что именно этим объясняется их стабильное функционирование. Еще важнее, может быть, чем это критическое замечание, было отрицательное отношение Бентама к тому направлению политической мысли, которое объявляло тогдашнее государственное устройство о процветающей Великобритании пределом совершенства.

Занимаясь исследованием проблем законодательных преобразований, Бентам пришел к убеждению, что только демократическое устройство государства может обеспечить успешный ход реформ, и разработал последовательную программу либеральной демократии. Главным политическим принципом этой программы было понятие народного суверенитета. Расширение избирательного права представлялось Бентаму самым верным средством практического осуществления данного принципа. С этим демократическим идеалом он связывал представление о неприкосновенности личной свободы и частной деятельности граждан. Настаивая на реформе существующего законодательства с целью приближения его к идеалу всеобщего счастья, он требовал, чтобы эта реформа не касалась частной сферы, так называемой свободы самоопределения. Вместе с Адамом Смитом, отстаивавшим свободу предпринимательства, Бентам утвердил в Англии доктрину государственного невмешательства в экономику. В его демократической программе были сформулированы те положения, на которых в течение почти всего XIX века базировались в Англии идеи правового государства.

Уже в первых своих работах Бентам отверг теорию естественного права. Он писал, что содержание естественного права неопределенно и всеми толкуется по-разному. Бессмысленным и химерическим считал он понятие "общественный договор", так как государства создавались насилием и утверждались привычкой¹⁰.

Со своих особых, контррадикальных, позиций Бентам пытался критиковать французскую Декларацию прав человека и гражданина 1789 г., утверждая, что идея прав личности ведет лишь к оправданию анархии и сопротивления государственной власти. По этим же причинам он объявил американскую "Декларацию независимости" смесью заблуждений и благонамеренной чепухи. Различие между "естественным обществом" и "политическим", по его мнению, заключается в том, что в естественном большинство подчиняется правителям по привычке, а в политическом – повиновение обеспечивается с помощью права, представляющего веления носителей власти и предполагающего возможность наказания.

Отвергая как революционность, так и консерватизм, Бентам призывал к перестройке государства и политической системы Англии на научных принципах, приведя их в соответствие с природой человека. Его общая позиция и многочисленные проекты отвечали потребностям последовательного упрочения буржуазных отношений в английском обществе, освобождая его от пережитков феодализма.

Именно с позиций свободного предпринимательства рассматривает он парламентскую реформу. По его мнению, реформа должна сводиться к таким мероприятиям: исключению чиновников из числа депутатов; введению в парламент лиц с правом законодательной инициативы, но без права голоса; ежегодным перевыборам депутатов; обеспечению постоянного и аккуратного присутствия всех членов парламента на всех заседаниях. Кроме того, Бентам требовал полной и быстрой публикации парламентских речей. Последнее отвечало прежде всего интересам буржуазии, так как в парламенте часто обсуждались финансовые вопросы. Все эти требования обосновывались с точки зрения принципа полезности: необходимость их выводится из подсчета предполагаемых прибылей и сокращения потерь.

Основную задачу государственной власти Бентам опять-таки видит в том, чтобы на основе принципа пользы обеспечить наибольшее счастье для всех. Эта цель, на его взгляд, может быть достигнута посредством политики либерализма: свободного развития капиталистических отношений, невмешательства государства в экономику и путем демократизации государственно-правовых институтов. Бентам уверен, что общее счастье и социальная гармония будут достигнуты автоматически как следствие свободной конкуренции и частнособственнической инициативы.

Исходя из индивидуалистического принципа пользы, Бентам полагал, что наиболее острые противоречия общества постепенно сглаживаются с помощью бережливости, филантропии и главным образом на основе процветания промышленности и торговли. Сознвая, что социальные конфликты возникают прежде всего по экономическим причинам, Бентам выступал за развитие сред-

него класса, сокращение неравенства, постепенное стирание крайностей между богатством и бедностью. В качестве отдаленного идеала он выдвигает "выравнивание состояний". Однако он категорически против насильственного уравнивания имущества. Такого социального равенства, с его точки зрения, быть не может¹².

Осуществление индивидуалистического принципа пользы, по Бентаму, неразрывно связано с наличием политической свободы. Он полагает, что обеспечению безопасности мешают два "внутренних врага": во-первых, "враги неофициальные" — это граждане, совершающие преступления, и, во-вторых, "враги официальные" — должностные лица, нарушающие закон и творящие произвол. Поэтому необходимы политические гарантии гражданских прав и свобод. Такие гарантии, по мысли Бентама, дает только демократия, способствующая осуществлению главной цели государства: достижению "наибольшего счастья для наибольшего числа людей"¹³. Отсюда и эволюция взглядов Бентама на форму правления. Вначале он одобрял конституционную монархию в Англии, высказывался за высокий имущественный ценз, долгосрочность избранного представительства и т.п. В этот период он резко осуждал демократию как "анархию". Однако под влиянием буржуазных радикалов, требовавших упразднения феодальных пережитков в государственном строе Англии, Бентам меняет свои взгляды.

Он выступает с острой критикой монархии и утверждает, что учредительная законодательная власть должна принадлежать народу. Ему обязаны быть подконтрольны и должностные лица. С этой целью Бентам предлагает провести ряд коренных демократических преобразований институтов власти. Верховная законодательная власть, по его мнению, должна быть предоставлена однопалатному представительному собранию, которое образуется на основе всеобщих выборов. Верхняя палата как источник аристократических притязаний упраздняется (раньше он признавал ее необходимость). Все должностные лица, чиновники должны быть подотчетны народу и сменяемы в любое время¹⁴. Для первой половины XIX века это весьма радикальные требования; полностью они не были осуществлены ни в одном государстве.

Как и многие либеральные мыслители того времени, Бентам осуждал агрессивные войны и колониальный режим. Он разрабатывал проекты создания международных организаций для предупреждения войн и мирного решения межгосударственных конфликтов.

Социально-политическая концепция Бентама, будучи идеологическим обоснованием "левого" либерализма, оказала большое влияние на развитие буржуазно-демократического движения в Англии и многих других странах.

Провозгласив основой нравственности и критерием человеческих поступков исключительно пользу, Бентам не только следовал этому принципу всю жизнь, но не захотел изменять ему и после смерти. Органы своего тела он завещал использовать для медицинских целей, а скелет — хранить, "обрядив в приличную одежду". И до сих пор скелет ученого, облаченный в его костюм, с посмертной восковой маской на черепе встречается студентов в фойе главного корпуса Университетского колледжа в Лондоне.

¹ Юрын А. Вялікае каханне вялікіх мужчын // Беларускі ўніверсітэт. 1993. 4 сакавіка.

² См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. СПб, 1867. С.19.

³ См.: Бентам И. Принципы законодательства. СПб. 1896. С.4.

⁴ См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С.1.

⁵ Bentham J. Deontology or the Science of Morality. London, 1834. V.1-2.

⁶ Ibid.

⁷ См.: Бентам И. Принципы законодательства. С. 40.

⁸ См.: Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. СПб. 1806. Т.2.

С.154.

⁹ См.: Бентам И. Принципы законодательства. С.87.

¹⁰ Там же. С.60.

¹¹ Там же. С.105.

¹² См.: Бентам И. Основные начала гражданского кодекса. СПб. 1867. С.417.

¹³ Bentham J. Deontology or the Science of Morality. V.2. P.31.

¹⁴ См.: Бентам И. Тактика законодательных собраний. СПб, 1907. С.157.

С.Н. МАРТЫНАЎ, І.Ф. ШМЫГАЎ, А.Н. ЕЛСУКОЎ, І.Ф. УХВАНАВА

ДЫЯЛОГ ЯК ЖЫВАТВОРНАЯ КРЫНІЦА РАЗВІЦЦЯ І АДУХАЎЛЕННЯ НАВУКОВАЙ ДУМКІ (да заснавання фонда імя Я.Пятроўскага)

Цікавасць філосафаў да такога сацыяльна апасродкаванага інстытута, як мова, сталая і з'явілася практычна паралельна з інтарэсам да філасофіі як на-

вукі. Аднак ніколі раней філосафы ўсяго свету не аналізавалі праблему моўнага значэння так інтэнсіўна і, як ахарактарызаваў гэты працэс нямецкі філосаф К.О.Апель у кнізе "Трансфармацыя філасофіі", з такім "гіганцкім напружаннем сіл", як у XX стагоддзі, у эпоху, што характарызуецца "зваротам да адказнага карыстання мовай як інстытутам усіх грамадскіх інстытутаў, з якім вызвалена суб'ектыўнасць чалавека суадносіць сябе сёння як ніколі раней".

Менавіта стаўленне да мовы (яе быцця, гэта значыць апасродкаванага практыкай дыялогу) як асобнага грамадскага інстытута (а дакладна, метаінстытута), спароджанае пераносам увагі прадстаўнікоў катгорыі філосафаў да іншых сацыяльных навук з мовы індывіда на мову сацыяльнай групы і, далей, на мову нацыі, якая канстытуіруе, апрача іншага, яе "інстытуты практычнага жыцця", умацніла значнасць моўнай праблематыкі і садзейнічала фармаванню лінгвістычнага ўхілу ў сусветнай сацыяльнай навуцы, які, трэба лічыць, будзе мець свой працяг. Мяркуюць, што ў наступным стагоддзі мова як сама па сабе, так і ў яе дачыненні да мыслення і свядомасці, будзе ў ліку асноўных праблем філасофіі².

Неабходна дадаць, што павышэнню значнасці моўнай праблематыкі ў сацыяльных навукх садзейнічала таксама канстатацыя буйнейшымі прадстаўнікамі прыродазнаўства нашага стагоддзя семантычнай неаднароднасці і недастатковасці нацыянальнай мовы не толькі як сродка фіксацыі навуковых ведаў, але і як асяроддзя навуковага дыскурсу³, а таксама прапанова нобелеўскага лаўрэата Н.Бора распаўсюдзіць прынцып дадатковасці на нацыянальныя мовы як кампліментарныя ў дачыненні да аб'ектыўнай рэальнасці "карціны свету".

Усё гэта прынцыпова значна пры размове пра навуку ў сусветным кантэксце, у тым ліку пра такую навуку, як філасофія. Узровень развіцця нацыянальнай філасофскай думкі залежыць і ад таго, наколькі інтэнсіўна вядзецца дыялог яе прадстаўнікоў з філосафамі, якія прадстаўляюць розныя краіны, розныя культуры, розныя навуковыя накірункі і нават розныя эпохі. Натуральна, што вынікам такога дыялогу не можа не стаць павышэнне ўзроўню развіцця нацыянальнай мовы, узбагачэнне не толькі яе формаў, але і сутнасці яе семантычнага патэнцыялу, ускладненне і паглыбленне той карціны свету, якую яна нясе ў сабе.

У гэтым кантэксце зусім на іншы п'едэстал узнімаецца перакладчык навуковай літаратуры, інакш высвечваецца значэнне публікацый як філосафаў старажытнасці, так і сучасных філасофскіх накірункаў, якія прадстаўляюць розныя нацыянальныя школы; прыходзіць асэнсаванне неабходнасці рэгулярнага вядзення такой працы, бо любы перашкоды ў вядзенні навуковага дыялогу на сусветным узроўні адрываюць нацыянальную думку ад жыватворнай крыніцы развіцця і натхнення, якое нясе ўсякі іншы погляд, усялякае іншае мысленне. Вядома, патрабаванні да перакладчыка навуковай філасофскай літаратуры надзвычай вялікія, бо яго праца прадугледжвае карпатлівую даследчыцкую і адначасова моватворчую дзейнасць.

Такую працу добра зведаў на асабістым вопыце наш зямляк, жыхар ЗША Ян Пятроўскі. Цяжка нават ацаніць усё тое, што зроблена гэтым чалавекам для беларускай культуры. Вынікі яго перакладчыцкай, даследчыцкай і пісьменніцкай дзейнасці маюць агульнанацыянальнае значэнне. Ён упершыню пераклаў са старажытнагрэчаскай на беларускую мову творы Платона і многіх іншых старажытнагрэчаскіх філосафаў, што склала некалькі тамоў серыі "Выбораныя дыялогі" ("Політэя", "Абарона Сакратаса", "Файдон", "Сымпозён Іен" і інш.). З пад яго пяра выйшлі два тамы "Мемуараў", тры тамы зборніка "Лепшыя думкі чалавека", ім створаны "Класычны грэчаска-беларускі слоўнік".

Усё гэта ён выдаў за ўласны кошт і, разумеючы значнасць гэтай працы для свайго народа, заснаваў Беларускі харытатыўна-адукацыйны фонд, якому нададзена яго імя. Гэты фонд зарэгістраваны Пасольствам Рэспублікі Беларусь у ЗША як непалітычная ўстанова агульнаадукацыйнага напрамку, якая падпарадкоўвае сваю дзейнасць выключна інтарэсам забеспячэння братэрства, свабоды і роўнасці паміж людзьмі. Фонд мае намер служыць справе адукацыі як беларусаў, так і амерыканцаў беларускага паходжання. Адной са сваіх асноўных мэт фонд лічыць садзейнічанне прапагандзе і выданню на Беларусі класічных філасофскіх твораў з антычнасці да сучаснасці. Заснавальнік зацікаўлены ў разгортванні дзейнасці фонду на бацькаўшчыне і гатовы даць для гэтай мэты грошы, матэрыяльную базу, архівы...

"У 1919 годзе, калі прыехаў са Слуцка ў Вільню, – гаворыць ён, – не адчуваў, што я ў эміграцыі. Бо ўсюды гучала беларуская слова. А вось калі ў 1953 годзе я прыехаў у Амерыку, тут я спаткаў зусім іншы свет. Я ўпершыню перажыў тут страшэнную хваробу – настальгію: сум па бацькаўшчыне. Я спытаў сябе, па чым сумую? Пачаў разважаць і прыйшоў да пераканання, што сумую я не па

маёй бацькаўшчыне, а па Еўропе... Нездарма ж некалі Сакрат гаварыў: “Я – грэк, я – грамадзянін Атэнаў. А яшчэ я – грамадзянін Сусвету”.

Сапраўды, доктар Ян Пятроўскі – грамадзянін Еўропы. Нарадзіўся ў Слуцку. Ваеннай восенню 1919 г. сям’я Пятроўскіх пераехала ў Вільню, дзе пражыла амаль да пачатку другой сусветнай вайны. У 1927 г. Яна прызвалі ў польскае войска; спачатку служыў у Лідзе, потым вучыўся ў падафіцэрскай школе і школе падхарунжых. Жаданне зразумець сутнасць іншага светапогляду прывяло, пасля звальнення з арміі, на вучобу ў тэалагічную Біблійную школу, па заканчэнні якой працаваў у Варшаве, а потым чатыры гады ў Дзярычыне мясцовым прапаведнікам на беларускай мове. У 1936 г. пераводзіцца ў Варшаву, дзе выконвае абавязкі пастара і адначасова сакратара Польскай метадысцкай гадавай канферэнцыі.

З пачаткам вайны Ян Пятроўскі быў вымушаны пакінуць Варшаву. Як пратэстанцкі прапаведнік жыў на Нямеччыне і ў нейкай ступені працягваў вакопрэлігійную дзейнасць, рыхтаваў да выдання “Новы Запавет” на беларускай мове. У гэты ж час пачаў працаваць над перакладамі. Даследаванні значна ўскладняліся тым, што ўласная бібліятэка была арыштавана гестапа з прычыны знаходжання ў ёй шэрагу падазронных кніг, у лік якіх увайшлі “Стары Запавет” на старажытнаўрэйскай мове, “Гісторыя расійскай рэвалюцыі” (у двух тамах) Л. Троцкага. Сам Пятроўскі пасля допыту і адпаведных тлумачэнняў таго, што ён як пастар “мае патрэбу ў сваёй працы час ад часу заглянуць у гэбрэйскі тэкст”, быў адпушчаны.

Пасля вайны Пятроўскі працягваў сваю рэлігійную дзейнасць сярод суайчыннікаў у Аўстрыі як прадстаўнік Метадысцкай царквы. У 1953 г. ён са сваёй сям’ёй перабраўся ў Злучаныя Штаты Амерыкі, дзе працягвае працу ў якасці прапаведніка Метадысцкай царквы і поўнацю аддаецца даследчай і перакладчыцкай дзейнасці.

Цяпер Пятроўскі жыве на поўдні ЗША, у штаце Фларыда, і марыць аб выданні сваіх перакладаў класічнай грэчаскай філасофіі на Беларусі.

Беларускі харытатыўна-адукацыйны фонд імя Яна Пятроўскага прызначаны садзейнічаць аб’яднанню беларусаў сусвету, далейшаму развіццю навуковага патэнцыялу рэспублікі, узбагачэнню нацыянальнай філасофскай спадчыны, павышэнню ўзроўню вышэйшай адукацыі, адраджэнню нацыянальнай перакладчыцкай школы.

Для ўпарадкавання перакладчыцкай дзейнасці Беларускага фонду неабходна заснаваць яго арганізацыйны камітэт, у склад якога могуць увайсці прадстаўнікі кафедраў філасофска-эканамічнага факультэта Белдзяржуніверсітэта (у прыватнасці, кафедры гісторыі філасофіі), філалагічнага факультэта (кафедраў класічных моў і беларускай мовы), прадстаўнікі незяржаўных структур, а таксама грамадскасці. Запрашаем усіх, хто зацікаўлены ў стварэнні Беларускага фонду імя Яна Пятроўскага і мае адпаведныя магчымасці, да супрацоўніцтва.

¹ Apel K.-O. Transformation der Philosophie. Bd. 1. Sprachanalytik, Semiotik, Hermeneutik. Frankfurt am Main, 1976. S.220.

² Гл.: Портнов А. Н. Язык и мышление: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX–XX вв. Иваново, 1994. С.9.

³ Гл.: Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989.

⁴ Гл.: Бор Н. Избр. научные соч. М., 1971. Т.2.

⁵ Пранчак Л. Беларуская Амерыка. Мн., 1994. С.246.

Е.А. ДУДКО

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ: ЕГО СТРУКТУРА

Целенаправленная деятельность человека неразрывно связана с принятием решения, выбором курса действий для получения определенного, заранее намеченного результата. В современном динамичном обществе не только индивид, но и сообщество, а также общество в целом стоят перед проблемой выбора программ жизнедеятельности, стратегии выживания. На фоне кардинальных изменений в образе жизни и мышлении, нестабильности ситуации происходит переоценка ценностей, идет поиск приемлемых вариантов развития.

Принятие решения для руководителя любого уровня является типовой задачей, которая со временем становится все более сложной и ответственной. Поступающий объем информации, которую требуется осмыслить, нередко превосходит компетенцию и возможности отдельного лица. Поэтому при выработке наиболее важных решений пользуются рекомендациями экспертов и консультантов.

В менеджменте одним из центральных понятий является решение, процесс принятия решения. Разработка социальных технологий реализации управленческих решений предполагает в эксплицитной или имплицитной форме использование соответствующей схемы (модели). Концептуально схема принятия решений исследована в ее общей теории, где на основе междисциплинарного синтеза, использования системного анализа и математического аппарата описывается деятельность субъекта по принятию решения, дается целостное представление об основных этапах этого процесса.

Существуют различные подходы к рассмотрению понятия "принятие решения". Это понятие допускает трактовку как в широком, так и более узком смысле. В системном анализе принятие решения понимается в самом широком смысле как осуществляемое не только человеком, но и техническим устройством (ЭВМ, следящим радиолокационным устройством) целенаправленное вмешательство в поведение системы и основанные на этом сравнение и оценка вариантов "действий". Одна из задач применения системного анализа к конкретным проблемам управления в обществе – предельное расширение спектра вариантов возможных стратегий выбора с одновременным указанием критериев оценки альтернатив и отбрасыванием тех, которые заведомо уступают другим.

Когда речь идет о деятельности человека в сфере управления, то принятие решения рассматривается как выбор и осуществление субъектом управления целенаправленного воздействия на объект управления, а также как совокупность последовательных действий, шагов, направленных на получение желаемого результата, т.е. реализацию управленческого решения. Общая теория решений опирается на методологию исследования операций и анализа систем.

Исследование операций как особая дисциплина на основе использования математических средств разрабатывает рациональные способы организации целенаправленной деятельности человека; с помощью формализованных средств выражает интуитивное стремление в конкретной ситуации найти оптимальное (наилучшее) решение при соблюдении принципов минимизации и максимизации. В области исследования операций оптимальным решением будет такое, когда в заданных условиях достигается максимальное (минимальное – в зависимости от характера задачи) значение показателя качества операции (эффективности, целевой функции) и соблюдаются заданные ограничения. Операция – любое действие, система мероприятий, объединенных единым замыслом и направленных на достижение определенной цели. Анализ ограничений (например, по выделенным ресурсам) с учетом допустимой степени самостоятельности в принятии решений и принципов нормального протекания процессов позволяет получить допустимые альтернативы (варианты решений). Из них выбираются оптимальные, т.е. такие, когда максимизируется (или минимизируется) показатель качества процесса.

В общей теории принятия решений модель этого процесса описывается с помощью концептуальной сетки базовых понятий: цель, ограничения при ее достижении, альтернативные стратегии, критерии их оценки и другие составляющие, например лицо, принимающее решение.

Развитие другой концепции принятия решений связано с именами Г. Саймона, Дж. Марча, Р. Сайерта. Парадигмальная установка "школы принятия решений" в отличие от "математической теории принятия оптимальных решений" состоит в том, что предполагается использование математических методов и электронно-вычислительной техники, но эти методы и средства не подчиняют себе неформализованные стороны управления, а приспосабливаются к организационным формам и деятельности менеджеров, за которыми сохраняется главная роль в процессах принятия решений.

Разработки в этом направлении ориентировались на органическую модель управления. Систему управления можно рассматривать в русле таких двух подходов, как формальная (классическая, механистическая, жесткая) и неформальная (органическая, социально-психологическая, мягкая). В механистической модели организации как в "полностью рациональной системе" основной характеристикой является ее "формальная структура" с иерархией должностей, регламентацией отношений внутри подразделений и между ними. Связи между организационными структурами, расположенными на одном уровне, осуществляются через центр; преобладают жесткие должностные инструкции; подчиненным даются исчерпывающие задания. Центральным понятием в этой модели выступает "работа" как определяющий элемент технологического процесса или управления. Ключевое значение имеет правильное организационное распределение работ, установление четкой взаимосвязи всех звеньев и опре-

деление рациональной технологии их выполнения. Такой подход коррелируется с жесткоструктурированным производственно-технологическим процессом, в котором все звенья и этапы поддаются регламентации и количественной оценке.

Во второй модели управления преобладает проблемный подход к процессам принятия решений. Управленческие решения рассматриваются как средство решения организационных проблем. Исполнитель участвует и в постановке задачи, которую ему предстоит решить. Данный стиль управления сочетается со стратегическим подходом (стратегическим планированием), который ориентирует предприятие не на существующие условия, а на те, которым предстоит сложиться; акцент делается на предвидение изменений и решается задача заблаговременного приспособления к ним. В органической работе модели управления базовым элементом хозяйственной деятельности в процессе принятия решения усилия сознательно направляются на поиск, а затем анализ альтернативных курсов действий. Данная парадигмальная установка предполагает построение модели конкретной ситуации, в которой менеджер или эксперт из множества альтернатив, вариантов действий имеет возможность рассмотреть только часть. Дефицит времени не позволяет во всей полноте оценить и распределить последствия выбора любой из возможных альтернатив. Управляющие принимают решения в условиях хронической нехватки необходимой информации и средств ее обработки. В этих условиях, несмотря на максимум усилий и старания, менеджер не может обеспечить выработку действительно оптимальных решений.

При многоцелевом подходе и рассмотрении неопределенности как неотъемлемой черты жизнедеятельности организации центр тяжести в процессе выработки решения перемещается с методов оптимального выбора альтернатив на изучение проблемы поиска решения, приемлемого в данной ситуации. Предполагается также, что хозяйственная организация – система познающая и самообучающаяся – ориентирована на инновации. Иерархия основных понятий многоцелевого подхода включает ценности и цели. Ценности выражают общие мировоззренческие стандарты “хороших” и “плохих” решений и являются общим руководством к выбору альтернативы. Цели формируются в соответствии с ценностями, но приспособляются к характеру решаемых проблем и осуществляемых действий.

Общие руководящие указания для выбора решений в конкретной среде осуществляются как политика и выражаются в различной форме: четко определенные принципы и поставленные ограничения; заданный набор наиболее общих решений; долгосрочные программы действий. Такой компонент, как решение (decision), представляет собой выбор, осуществляемый некоторым субъектом (индивидом или группой) после изучения и оценки альтернатив достижения целей. “Цели” как исходный момент организационной деятельности также имеют четкую операционную формулировку, содержащуюся в организационных документах, руководствах, официальных заявлениях. Таким образом, при использовании многоцелевых систем упрощение выбора заключается в замене цели максимизации целью удовлетворения, т.е. нахождения такого курса действий, который лицом, принимающим решение, признается достаточно хорошим.

Инновационные процессы протекают во всех сферах жизни общества (социотехнические, продуктовые, технологические), и выживаемость организационных структур зависит от способности быстрого реагирования на изменения, восприимчивости нововведений. В центре внимания исследований теории и практики управления – выявление тех мотивирующих факторов, которые имеют решающее значение для успешной деятельности организации в долгосрочной перспективе. Как подчеркивают, например, специалисты по управлению Д. Мерсер и Т. Питерс, ключевым инструментом управления эффективно действующих компаний является не использование обычных рычагов управления в виде руководящих указаний, а создание очень сильной микрокультуры организации. В основе микрокультуры лежит определенный набор ценностей: приверженность идеалам стандартов качества и обслуживания, интересам потребителя, ценным практическим нововведениям.

Таким образом, проблема принятия решения рассматривается в различных исследовательских программах. В развитии дискриптивной (описательной) или же поведенческой теории принятия решений большую роль сыграли работы Г. Саймона, Д. Марча, Р. Саерта. В этих теориях ярко выражена объяснительная функция (как принимаются решения), тогда как в рациональной модели, основанной на широком применении методов системного анализа, акцент делается на предписывающем моменте (каким должно быть решение).

Рационально-нормативный подход допускает, во-первых, сильную идеализацию возможностей рационального выбора, основанного на ряде общих положений, которые практически не осуществимы. Сюда входят: наличие четко сформулированной цели, подлежащей максимизации или минимизации; критерии ее достижения. Во-вторых, он предполагает реальным весь перечень возможных путей достижения целей или же заданным формальный способ построения и перебора альтернатив. В-третьих, допускается возможность полной оценки последствий осуществления каждой из этих альтернатив как по затратам ресурсов, так и по соответствию или несоответствию установленным ограничениям. В то же время концептуально-модельное исследование процесса принятия решения имеет методологическое значение. Выделенные базовые понятия служат ориентиром содержательного анализа проблем и поиска путей их решения в различных сферах жизнедеятельности. В структуре процесса принятия решения выделяются ограничения, которые предполагают необходимость учета наличия ресурсов, фактора времени, правовых и морально-этических норм.

¹ См.: Губанов В.А., Захаров В.В., Коваленко А.Н. Введение в системный анализ. Л., 1988; Евланов Л.Г. Теория и практика принятия решений. М., 1984; Малыгин В.И., Статкус А.В. Теория принятия решений. М., 1989.

² См.: Мерсер Д. ИБМ: Управление в самой преуспевающей корпорации мира. М., 1991.

³ См.: Планкетт Л., Хейл Г. Выработка и принятие управленческих решений. М., 1984.

Е.Е. КУЧКО

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НОВОВВЕДЕНИЙ КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Инновационная практика всегда была сложной и неоднозначной. В современных же условиях почти полной дерегулированности и неадекватности социальных механизмов осуществление инновационных процессов однозначно требует максимального использования социологической науки (как теоретических конструкций, так и конкретных методов исследования различных социальных явлений) в качестве средства оптимизации инновационных процессов и инновационной деятельности на всех уровнях. Это будет способствовать созданию гибкой, научно обоснованной системы социологического обеспечения, учитывающей логику и специфику осуществления не только собственно нововведения, но и особенности восприятия оценки и взаимоадаптации социальной системы и конкретных субъектов исторического действия к новым условиям жизнедеятельности, а также возможные перспективы и последствия реализации конкретного нововведения.

В структуре социологического обеспечения нововведений целесообразно выделить два взаимодополняющих, синхронно осуществляющихся процесса – инновационную диагностику и социологическое изучение нововведений – в целях распознавания и предвидения проблем, которые могут возникнуть при взаимодействии среды и нововведения, а также изучение динамики общественного мнения по поводу реализации нововведений.

Инновационная диагностика предполагает осуществление процедуры анализа, диагноза, прогноза относительно конкретного нововведения. Это позволяет планировать не только "алгоритм" осуществления данного нововведения, но и прогнозировать резонанс общественной системы с учетом специфики ее функционирования, чтобы заранее подготовиться к проявлению различных побочных эффектов, социальных конфликтов и противоречий в процессе инновационной деятельности – либо предотвратить, либо смягчить их отрицательные последствия.

Теоретическая модель, создаваемая в системе инновационной диагностики и предшествующая внедрению нововведений, представляет собой вариабельный выбор прогностических схем по принципу "если...то...", допускающий широкий спектр различных виртуально возможных состояний и последствий, порой даже неодинаковой степени вероятности.

Целью инновационной диагностики является получение подробной информации о среде нововведения, позволяющей качественно анализировать и делать заключения о возможностях, перспективах и последствиях реализации нововведений. Решение круга указанных проблем предполагает контроль за стимулированием, ходом и внедрением нововведений с целью их оптимизации; прогноз возможных последствий внедрения и реализации конкретных нововведений; составление обоснованных, достаточно детальных планов и программ

разработки нововведений с определением их этапов и очередности; научную организацию нововведений с учетом их включенности в процесс управления; нейтрализацию зон повышенной конфликтности, возникающих в процессе реализации нововведений; снижение социальных издержек инновационной деятельности, связанных с пересмотром шкалы престижей, статусов, ролевых позиций и др.; создание гибкой системы социального стимулирования, включающей максимальное количество общественно и лично значимых престижей и ценностей. Цели инновационной диагностики конкретизируются в ее задачах, которыми являются: прогноз успешности начинаемого или текущего нововведения; выявление всех возможных недоработок, дефектов нововведения; обязательное сопоставление данного конкретного нововведения с другими, конкурирующими (в целях определения на основе тщательного селективного выбора наиболее подходящего в данный момент, в данной ситуации) и сопутствующими (для более детального уточнения значимости нововведения, степени решенности задач и т.п.); построение нормативно-теоретического представления о нововведениях определенного типа, а также тщательная проверка факторов в структуре того или иного нововведения и его среды (опираясь на материалы уже осуществившихся нововведений); оценка инновационной способности систем, организаций, в которых осуществляется какое-либо нововведение и в перспективе могут иметь место подобные нововведения.

Объектом инновационной диагностики всегда выступает определенная система, которая рассматривается с учетом тесной взаимосвязанности составляющих ее элементов между собой и системой в целом. Диагностика должна быть всегда направлена на выявление особенностей конкретного объекта, его структуры, специфики функционирования и развития в условиях определенных изменений.

Инновационная диагностика предполагает изучение перспектив развития того или иного инновационного процесса и охватывает, во-первых, прогноз вероятности появления различных нововведений в будущем, во-вторых, дает более или менее полную картину перспектив развития конкретного нововведения, его последствий во всех сферах жизнедеятельности, виртуально фиксирует и прогнозирует различные варианты восприятия его отдельными людьми и обществом в целом. Инновационная диагностика должна быть комплексной, что обусловлено необходимостью ее осуществления на всех этапах нововведения для выявления не только проблем, непосредственно касающихся специфики реализации нововведений, но и факторов среды их осуществления.

Инновационная диагностика происходит в три этапа: 1) до реализации нововведения (здесь происходит фиксация всех возможных проблем, которые могут возникнуть в ходе инновационного процесса, полученная информация здесь в основном аналитическая); 2) во время его осуществления (в данном случае диагностика конструктивно-преобразующая, содействующая оперативной доработке, корректировке реализации нововведения с учетом конкретных ситуационных особенностей); 3) после него (через сопоставление целей и полученных результатов нововведения с конкретными особенностями среды освоения), и включает в себя: а) диагностику среды нововведения и б) диагностику процесса осуществления нововведения. Диагностирование процесса осуществления нововведения и его среды позволяет определенным образом управлять инновационным процессом с учетом конкретных ситуационных особенностей, корректировать ход и содержание инновационной деятельности.

Основным звеном инновационной диагностики является банк прогнозной информации. Прогноз – творческий процесс, позволяющий формировать многовариантные модели будущего. Он представляет собой научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта нововведения в будущем и/или о совершенно иных, альтернативных путях и сроках реализации конкретного нововведения (т.е. он содержит несколько вариантов возможного развития объекта в будущем, а также возможные пути достижения качественно иных состояний в условиях инновационных изменений). Прогнозирование будет научным в той мере, в какой оно опирается на научный, системный, обоснованный анализ всех особенностей, закономерностей, условий развития объекта, а также на обоснованные гипотезы. Поэтому естественно, что при построении любого прогноза должны учитываться особенности предыдущего развития объекта, его настоящие характеристики и особенности, а также будущие принципиальные потребности, которые планируется обеспечить через реализацию нововведений.

Инновационная диагностика и прогностика предполагают широкое использование конкретных методов социологического исследования, а также гибкой,

достаточно обоснованной системы показателей, точно и полно характеризующих инновлируемую среду. При этом необходимо решать сложную проблему выбора системы эмпирических показателей как базы для построения моделей реализации нововведения и основы определения управленческой стратегии отношения к ним. Выбранные показатели должны быть измеряемы и интегративны, т.е. давать комплексное представление об инновлируемой системе в целом. В таком случае наиболее оптимально использовать показатели, характеризующие инновлируемую систему в целом, и показатели, характеризующие ее отдельные стороны (подсистемы). В первом случае речь идет об определенных исторических характеристиках, социокультурных и других особенностях определенной социальной системы, а во втором – о существенных специфических особенностях конкретной сферы, где происходит (либо планируется) нововведение.

Комплексность, системность инновационной диагностики требует не только охвата всех периодов нововведения с анализом инновационных процессов и среды их реализации, но и описания общественных механизмов и процессуальной природы нововведений, а также способов осуществления в этих условиях групповой деятельности.

Вместе с тем следует отметить такую атрибутивную черту инновационного процесса, как неопределенность, ибо нововведение – каждый раз уникальное явление, ранее не встречавшееся. С этим связаны определенные трудности изучения, диагностики и проектирования инновационных процессов, а также управления ими. Действительно, проектирование инновационных процессов и управление ими осложняется неопределенностью воздействия на них групповых и личностных интересов и качеств. Эти факторы придают своеобразие уникальным ситуациям осуществления инновационных процессов (это субъективные позиционные структуры, проявляющиеся в восприятии нововведений, сообразно целям, ценностям каждого конкретного человека). Итак, на процесс реализации нововведений действует множество переменных, что в принципе не позволяет разработать универсальную схему-инструкцию их реализации. Именно в связи с этим инновационные процессы трудно поддаются процедурной регламентации.

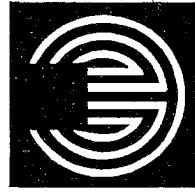
Система инновационной диагностики в основе своей опирается на богатый арсенал традиционных и нетрадиционных методов социологического исследования, которые не только служат для создания банка эмпирической информации статистического характера, но и позволяют поднять на более высокий качественный уровень процессы инновационного прогнозирования и моделирования.

Осуществление инновационного процесса зависит от степени консерватизма общественного мнения, воздействие которого может ускорять или, наоборот, замедлять реализацию конкретной инновации. В таком случае, исследование и анализ динамики общественного мнения относительно уже осуществившихся и потенциально возможных изменений – задача социологического изучения нововведений.

Социологическое изучение нововведений имеет целью определение сущности, функций социального и иного потенциала нововведений, направлена на выявление их влияния на какие-либо социальные процессы, дает возможность осуществлять полный анализ противоречий и конфликтов, связанных с ним, а также изучать динамику общественного мнения об их ценности и эффективности. Социологическое изучение нововведений предполагает широкое использование как социологических методов (анкетный опрос, интервью), так и нетрадиционных способов получения социологической информации (экспертные оценки, инновационные игры). Выбор конкретного метода социологического изучения нововведений зависит от целей исследования и служит базой для инновационной диагностики и прогнозирования.

Итак, диагностика и социологическое изучение нововведений представляют собой единую систему социологического обеспечения нововведений, выступая в ней самостоятельными взаимодополняемыми микросистемами. Социологическое обеспечение нововведений предполагает создание гибкой и целостной системы инновационной политики как определенной стратегии отношения к инновационным процессам, которая должна осуществляться на всех уровнях, и государственном прежде всего. Основная цель инновационной политики – интенсификация инновационных процессов путем создания оптимальных условий для проявления творческой активности. Повышению эффективности реализации конкретных нововведений способствует четкая система их регулирования и социологического изучения.

Инновационная политика представляет собой сложное, многоаспектное явление. Она должна быть последовательной, а также достаточно гибкой с интенцией на возможность быстрой адаптации к изменяющимся реальным условиям.



І.С. СВЯТЛІЦКІ

ДВА БАКІ І ДЗВЕ ТЭОРЫІ ВАРТАСЦІ

У цяперашні час, калі на Беларусі адбываецца пераход да рыначнай эканомікі, актуалізуецца праблема асэнсавання вартасці, якая “кіруе” працэсамі цэнаўтварэння. Сама па сабе вартасць здольная “кіраваць” толькі праз узаемаадносіны прадаўцоў-вытворцаў і пакупнікоў-спажываўцоў тавараў і паслуг. Што датычыцца магчымасці свядомага і эфектыўнага кіравання цэнаўтварэннем, тут у якасці перадумовы паўстае неабходнасць кіравання самой вартасцю, дзеля чаго патрэбна яснае тэарэтычнае разуменне яе прыроды.

На жаль, доўгі час таварна-грашовыя адносіны (ТГА) у эканоміцы нашай краіны разглядаліся толькі з пазіцыі працоўнай тэорыі вартасці (ПТВ), якая адлюстроўвае толькі інтарэсы таваравытворцаў. Паводле яе, усе без выключэння ўдзельнікі ТГА з’яўляюцца вытворцамі тавараў і ў якасці такіх разлічваюць затраты сваёй працы, прыроўніваюць гэтыя затраты паміж сабой і, наогул, кіруюцца патрабаваннямі закону вартасці ў яго марксісцкай трактоўцы.

Аднак сапраўднае развіццё ТГА паказвае, што гістарычна, па меры насычэння рынку таварамі і паслугамі, на першы план выходзяць інтарэсы непасрэдных спажываўцоў. Паводзіны ж гэтых суб’ектаў ТГА не могуць быць растлумачанымі ці асэнсаванымі толькі на падставе ПТВ. Хоць дадзеныя паводзіны грунтуюцца таксама на пэўных гаспадарчых разліках, але апошнія адбываюцца на падставе асэнсавання спажываўцамі сваіх уласных патрэб. І не выпадкова побач з ПТВ узнікае ў рэшце рэшт тэорыя гранічнай карыснасці (ТГК), як яшчэ адзін падыход да праблемы вартасці тавараў ці паслуг.

Неабходнасць уліку і разлікаў затрат працы і іншых рэсурсаў не выклікае сумненняў. Але ўсё гэта датычыцца фазы вытворчасці. Што да фазы спажывання, або сацыяльна-бытавай сферы эканомікі, тут свае гаспадарчыя разлікі вядуць усе людзі ў якасці спажываўцоў. Колькасць іх заўсёды перавышае лік гаспадарчых суб’ектаў-таваравытворцаў, таму што ў фазе спажывання ўдзельнічае ўсё насельніцтва – ад немаўлят да састарэлых людзей. Больш таго, самі таваравытворцы аказваюцца пачаргова то ў ролі асоб, якія разлічваюць свае затраты рэсурсаў, то ў ролі тых, хто разлічвае свае патрэбы ў гэтых рэсурсах. Атрымліваецца, што разлікі паводле цэн на фазе спажывання набываюць не толькі больш аб’ёмістае, але і не менш адказнае значэнне, чым вартасныя разлікі на фазе вытворчасці.

Гэтая выснова пацвярджаецца яшчэ і тым, што заўсёды перадумовай працоўнай дзейнасці на любым узроўні рыначнай эканомікі выступаюць асэнсаванне і разлікі адпаведнай патрэбы. У перыяд станаўлення капіталізму асноўнымі пакупнікамі тавараў з’яўляліся самі капіталісты, а таксама наёмныя работнікі, якія разглядаліся ледзь не ў якасці часткі капіталу. Але калі здзяйсняецца, паводле слоў К. Маркса, рэальнае падпарадкаванне працы капіталу, калі абсалютная большасць насельніцтва аказваецца ў ролі пакупнікоў на рынку, – узнікае патрэба ў стварэнні тэорыі, якая тлумачыла б грамадскія адносіны да вартасці тавараў. І зразумела, такая тэорыя ствараецца, хоць ужо першапачаткова сутыкаецца з абструкцыяй з боку марксісцкага крыла ў палітэканоміі.

Парадокс марксавай абсалютызацыі ПТВ, якая заключаецца ў адмаўленні даследаванняў інтарэсаў тавараспажыўцоў, тлумачыцца вядомымі палітычнымі памкненнямі. Па сутнасці справы, К.Маркс ігнаруе вартасныя адносіны спажыўцоў таму, што “бачыць” магчымасць рэвалюцыйна-паскоранага пераходу грамадства да планамернага прадуктаабмену праз цэнтралізаваныя ўлік і размеркаванне прадуктаў працы.

На жаль, практыка так званых сацыялістычнага гаспадарання ў СССР не дала падставы для таго, каб і надалей не заўважаць абодвух бакоў медаля з назвай “вартасць”. Толькі такі падыход будзе адпавядаць форме праявы вартасці – менавай прапорцыі, або яе прыватнаму варыянту – цане.

У формуле цаны: адзінка тавару А = N грашовых адзінак непасрэдным выражэннем вартасці прадстае просты арыфметычны знак роўнасці (=), эканамічны сэнс якога раскрываецца праз паняцці “каштуе” ці “вартая”. Ва ўмовах гаспадарчай самастойнасці двух суб'ектаў акта куплі-продажу тавара А паняцце “каштуе” азначае, у першую чаргу, прыняцце рашэнняў аб здзяйсненні дадзенага акта. Але, будучы матэрыяльна адказнымі людзьмі, яны не стануць прымаць свае рашэнні паспешліва, ці абьяк, без папярэдняга пераканання ў іх правільнасці. Гаворка ідзе аб вызначэнні велічыні вартасці тавару А.

Менавіта тут, на папярэднім этапе акта куплі-продажу, з відавочнасцю выяўляецца, што прадавец, калі ён адначасова і таваравытворца, і пакупнік, які набывае тавар не для перапродажу, а для ўласнага карыстання, – вызначаюць велічыню вартасці тавару А па-рознаму, зыходзячы з падстаў рознай прыроды. Вядома, што вытворца імкнецца ацяніць, г. зн. выразіць праз грошы, вартасць свайго тавару шляхам падсумавання затрат на рэсурсы, у тым ліку на аплату працы. Гэтак жа вядома, што спажывец ацэньвае велічыню вартасці прапанаванага тавару шляхам уяўнага ўключэння яго ў круг сваіх патрэб з улікам сваёй плацежаздольнасці. Аднак абедзве папярэднія ацэнкі велічыні вартасці мусяць быць яшчэ прыроўненымі паміж сабой, г. зн. збалансаванымі такім чынам, каб акт куплі-продажу тавару А здзейсніўся.

У ходзе такога прыраўноўвання ацэнак вартасці выясняецца, што ў абодвух суб'ектаў акта куплі-продажу ёсць нейкія гранічныя ўзроўні гэтых ацэнак. Аказваецца, што пераадолець гэтыя граніцы яны не могуць, не страчваючы ўласнай выгады ад куплі-продажу тавару А. Калі ж адзін з суб'ектаў працягвае дамагацца ўстанаўлення пазагранічнай велічыні вартасці – з пункту гледжання другога суб'екта, – дык, як правіла, здзелка куплі-продажу не здзяйсняецца. А паколькі на ўзроўнях гранічных ацэнак велічыні вартасці тавару А выяўляецца правіла, якое паўтараецца, дык правамерна бачыць у іх пэўную сутнасцю праяву самой вартасці.

Паводле ПТВ таваравытворца мусяць сачыць за сярэднім узроўнем цаны на тавары дадзенага віду. Гэтану ўзроўню адпавядае праца, што здзяйсняецца пры грамадска-нармальным ці сярэднім умовах вытворчасці. У тэорыі яна называецца абстрактнай працай.

Уяўленні аб абстрактнай працы будуецца на рэальнай глебе. Яны падобны ўяўленням аб усялякай сярэдняй велічыні. Напрыклад, узважыўшы кілаграм яблыка і убачыўшы, што іх аказалася сем штук, мы можам з любой ступенню дакладнасці разлічыць сярэдняю вагу яблыка. Прычым неабавязкова атрыманая сярэдняя вага супадзе з вагою асобнага яблыка. Парадокс усялякай сярэдняй велічыні і заключаецца ў тым, што яна заўсёды можа быць вызначанай, але не заўсёды адпавядае асобным з'явам рэчаіснасці. Таму справядліва сярэдні ўзровень затрат таваравытворцы быў названы абстрактнай працай.

Што датычыцца ролі абстрактнай працы ў ацэнках вартасці тавару, дык для таваравытворцы яна служыць пунктам адліку пры здзяйсненні актаў куплі-продажу. Калі свае тавары вытворца ўступае пакупнікам па цане ніжэй сярэдняга ўзроўню, не зменшыўшы пры гэтым сваіх выдаткаў вытворчасці, ён рызыкуе аказацца банкрутам. Значыць, сярэдні ўзровень затрат таваравытворцы з'яўляецца, па сутнасці, той гранічнай велічынёй, ад якой звычайна пачынаецца адлік узроўню эфектыўнасці гэтых затрат.

На рынку дадзены сярэдні ўзровень затрат фіксуецца праз устанаўленне раўнаважнай цаны. Лічыцца, што апошняя супадае з велічынёй вартасці тавару. Прычым гэтае супадзенне адпавядае таксама ацэнцы велічыні вартасці тавару з боку пакупнікоў. Аднак іх ацэнка мае іншы пункт адліку – так званую гранічную карыснасць тавару.

Трэба адрозніваць карыснасць тавару і яго спажывецкую вартасць. Да прыкладу, спажывецкая вартасць дзесятага гамбургера ніяк не ўступае спажывецкай вартасці першага. Але паспрабуйце з'есці запар дзесяць гамбургераў і вы ўбачыце, што карыснасць іх для вас будзе зніжацца аж да нулявой, ці нават адмоўнай, велічыні. У гэтым раскрываецца сэнс убываючай карыснасці ўсялякага тавару для спажывца. Аднак, як правіла, спажывец не даводзіць працэс задавальнення сваёй асобнай патрэбы да абсурду. Ён кіруецца ўяўленнем аб нейкай найменшай ці гранічнай карыснасці канкрэтнага тавару для сябе, а сваю плацежаздольнасць накіроўвае на набыццё іншых тавараў і паслуг. Тым самым пашыраецца кола патрэб, якія рэальна задавальняюцца, і ў гэтым сэнсе патрэбы з'яўляюцца неабмежаванымі.

Практычным выражэннем гранічнай карыснасці аказваецца тая лічба, якую называе пакупнік пры здзяйсненні пакупкі. Напрыклад, ён купляе 2 кг мяса. Гэтую велічыню свайго попыту на мяса ён вызначае, зыходзячы з шэрагу вядомых дэтэрмінантаў – цаны, свайго даходу, густу, узаемазамыняльнасці прадуктаў і г. д. Але сам факт гранічнай карыснасці мяса для яго заключаецца ў тым, што больш гэтага мяса яму не патрабуецца. Менавіта за такую колькасць мяса ён гатовы плаціць, зразумела, па сходнай цане, якая выступае галоўнай дэтэрмінантай вызначэння велічыні яго попыту.

Безумоўна, у іншых роўных абставінах пакупнік паспрабуе купіць мяса па ніжэйшай цане. У гэтым праяўляецца закон попыту, і, безумоўна, лічба, якую называе пакупнік, вызначаючы велічыню свайго попыту, з'яўляецца суб'ектыўнай. Аднак сукупны попыт як сума лічбаў індывідуальных попытаў на дадзены тавар – гэта ўжо не суб'ектыўны падыход да вызначэння грамадска-неабходнай колькасці таго ж мяса на рынку. Сукупны попыт яўна карэспандуе з аб'ектыўнымі дзеяннямі таваравытворцаў без уліку іх суб'ектыўных памкненняў да нарошчвання вытворчасці ці да завышэння цэн на рынку.

Суадносіны паміж попытам і прапанаваннем тавару А зводзяцца да цаны ўсякі раз, калі здзяйсняецца асобны акт куплі-продажу. І ў гэтым звязанні трэба бачыць не толькі ўзаемаадносіны прадаўца і пакупніка, але і ўзаемасувязь, адпаведна, паміж ПТВ і ТГК. Спробы ж тлумачыць велічыню вартасці толькі на падставе адной з дадзеных тэорый не адпавядаюць рэальным адносінам развіцця таварнага абмену.

Не выпадкова заходзяць эканамічная думка, якая спачатку сустрэла ў штыкі марксаву абсалютызацыю ПТВ і супрацьпаставіла ёй сваю ўласную абсалютызацыю ТГК, цяпер спакойна прымяняе абедзве гэтыя тэорыі. Пацвярджаннем таму з'яўляюцца падручнікі "Эканомікс". А ў практыцы тэарытычнай падрыхтоўкі заходніх бізнесменаў назіраецца, як кажучь, рэнесанс марксавай эканамічнай тэорыі, зразумела, за вылікам яе ідэялагічных высноў.

Вялікі сэнс двухбаковай трактоўкі вартасці праз узаемазвязанае прымяненне абедзвюх названых тэорый раскрываецца таксама ў тым выпадку, калі за простымі актамі куплі-продажу асобна ўзятага тавару А бачыць асноўную, або генеральную, эканамічную сувязь паміж вытворчасцю і спажываннем. Тады катэгорыю "вартасць" можна і трэба ўявіць у якасці спецыфічнай і ўсеагульнай па характару формы праяў дадзенай асноўнай сувязі. І сапраўды, спрабуючы вызначыць велічыню вартасці канкрэтнага тавару, мы адчуваем неабходнасць уліку ўсёй разнастайнасці ўзаемасувязяў паміж таваравытворцамі, з аднаго боку, і вялізнай шматлікасцю нестандартных спажывцоў, – з другога. На рынку ўсе яны ўзаемадзейнічаюць і тым самым уздзейнічаюць на велічыню вартасці тавару.

Нягледзячы на разнастайнасць рынку, усе яго віды звязаны паміж сабой праз вартасныя адносіны. Аднак рынак выконвае ролю прамежкавай фазы ў працэсе грамадскага ўзнаўлення: ён адлюстроўвае агульную ўзаемасувязь паміж вытворчасцю і спажываннем матэрыяльных даброт.

Адсюль бачна, чаму некаторыя эканамісты заяўляюць аб выключнасці і нават адзінацасці дзеяння закону вартасці ў рыначнай эканоміцы. Пры гэтым узнікае чарговая абсалютызацыя вартасці. Яна тлумачыцца, на наш погляд, нігілістычным успрыманнем канцэпцыі сацыялістычнага рынку. Там, сапраўды, закон вартасці трактаваўся адвольна і яму адводзілася роля нейкага падпарадкаванага фактара.

Пазбавіцца ад падобных дэфармаваных уяўленняў аб законе вартасці магчыма толькі адным шляхам – прызнаўшы відавочныя факты яго праяў. Першым з іх з'яўляецца тое, што, паводле слоў К.Маркса, у любым акце абмену

два тавараўладальнікі мусяць прызнаваць адзін у другім прыватных гаспадарча самастойных асоб. Толькі такія асобы здольныя ажыццяўляць акты куплі-продажу тавараў ці паслуг на роўнапраўных і ўзаемавыгадных умовах.

У якасці другой праявы закону вартасці паўстае тое, што рашэнні асоб, якія здзяйсняюць акт куплі-продажу, прымаюцца з разуменнем справы. Прынамсі, яны кіруюцца ў думках некаторымі гранічна магчымымі для сябе ўступкамі адзін другому.

І, па-трэцяе, неабходна прызнаць, што вартасныя адносіны звязваюць не толькі таваравытворцаў. І не проста прадаўцоў і пакупнікоў, але за гэтымі апошнімі стаяць таваравытворцы, з аднаго боку, і спажыўцы тавараў – з другога. Удзел пасрэднікаў нічога тут не мяняе.

Названых фактаў, на наш погляд, дастаткова для таго, каб сфармуляваць такую дэфініцыю закону вартасці: велічыня вартасці тавару ці паслугі вызначаецца на падставе роўнапраўных адносін паміж прадаўцом-вытворцай і пакупніком-спажыўцом, у якіх кожны бок ацэньвае, г.зн. выражае ў грошах, гэтую велічыню па-свойму, кіруючыся ўласнымі гранічна магчымымі ўступкамі адзін другому.



И.Г. ВОРОБЬЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ОТСТРАНЕНИЯ ОТ РАБОТЫ

В связи с переходом к рыночной экономике возникает ряд вопросов, связанных с совершенствованием трудового законодательства. Одним из них является отстранение от работы. К сожалению, до сих пор в трудовом праве Республики Беларусь этой проблеме уделяется недостаточно внимания. Законодательство об отстранении от работы представлено ст. 38 КЗоТа РБ и отдельными конкретизирующими ее нормативными актами. В них отсутствует понятие отстранения, нечетко определены субъекты, уполномоченные на выполнение этих действий, недостаточно урегулирован механизм отстранения. Несомненно, одной из причин пробелов в законодательстве об отстранении является недостаточная теоретическая разработка данного вопроса.

А между тем необходимость усиления борьбы с хищениями, пьянством и другими правонарушениями в сфере труда настоятельно требует расширения области применения правовых норм об отстранении. В этой связи возникает вопрос о правовой защите работника на период отстранения, так как в это время работник не может реализовать некоторые субъективные права (ему не выплачивается заработная плата, он не может устроиться на другую работу).

Значительное число ошибок на предприятиях всех форм собственности совершается из-за неправильного понимания сущности термина "отстранение". По смыслу ст. 38 КЗоТа РБ и других нормативных актов, отстранением от работы считается временное недопущение работника к исполнению трудовых обязанностей, производимое уполномоченным должностным лицом в случаях, указанных в законодательстве, и сопровождающееся приостановлением начисления заработной платы работнику¹.

Отстранение оформляется распоряжением уполномоченного должностного лица или органа государственного управления и может быть вызвано независящими от работника обстоятельствами (например, инфекционное заболевание работника общественного питания) и зависящими (например, нарушение правил технической эксплуатации машин, механизмов, агрегатов, дисциплинарный проступок и т.п.). Поэтому с устранением причины, вызвавшей отстранение, работник может быть допущен к выполнению прежней работы (например, работник общественного питания после выздоровления).

Смысл отстранения работника состоит прежде всего в предупреждении вредных последствий, которые могут наступить в случаях его неотстранения. Скажем, по распоряжению санитарного врача отстранили от работы повара, являющегося бациллоносителем и могущим быть источником распространения инфекционного заболевания среди посетителей столовой. Здесь вина работника отсутствует. А поэтому законодатель предусмотрел, что в случае отстранения от работы санитарно-эпидемиологической службой работнику выдается листок нетрудоспособности².

При отстранении временно изменяются содержание трудового правоотношения, права и обязанности работника и нанимателя. И только в отдельных

случаях отстранение может предшествовать увольнению работника (например, вследствие его появления на службе в рабочее время в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения).

При увольнении по инициативе нанимателя работник в соответствии с ч.1 ст. 61 Конституции Республики Беларусь и ст. 214 КЗоТа РБ подает исковое заявление непосредственно в суд, а факт отстранения обжалуется в обычном порядке: комиссия по трудовым спорам и суд.

В практике отстранения не всегда учитываются и особенности правовой защищенности различных категорий работников в этот период. Сказанное касается главным образом следующих категорий работников:

Отстранение водителей транспортных средств. Для них основанием отстранения служат различные факты: дисциплинарный проступок водителя, представляющий угрозу для окружающих людей, неисправность транспортного средства, нарушение правил оформления перевозимых грузов, отсутствие документов на право управления или пользования транспортным средством и т.д. Так, например, работники железнодорожного транспорта (машинист, водитель моторно-рельсового транспорта несъемного типа и помощник машиниста), совершившие проступок, который привел к крушению или аварии, либо появившиеся на работе в нетрезвом состоянии, в наркотическом или токсическом опьянении, отстраняются от работы³. Это право предоставлено должностным лицам, осуществляющим распорядительные и контрольно-инспекторские функции на данном участке.

Сотрудники ГАИ отстраняют от управления автомобилем шофера, находящегося в нетрезвом состоянии (алкогольное, наркотическое или токсическое опьянение). Такое право они имеют и в случаях, когда работник находится за рулем, не имея прав на управление или пользование данным транспортным средством.

Отстранение работников, грубо нарушивших правила охраны труда. Отдел (бюро) охраны труда и техники безопасности предприятия вправе предписывать руководителям структурных подразделений отстранять от работы лиц, не имеющих допуска к выполнению данной работы либо грубо нарушающих правила охраны труда, инструкции по технике безопасности. Применение указанного правила отстранения вызывает немало трудностей, обусловленных главным образом тем, что в правовой норме не сформулировано понятие "грубое нарушение". Полагаем, что таковым следовало бы считать нарушение, которое чревато производственной травмой либо иным неблагоприятным последствием для работника или предприятия (имущества нанимателя). При этом не имеет принципиального значения причина нарушения техники безопасности: квалификация работника или его недисциплинированность

Отстранение работника, появившегося на работе в нетрезвом состоянии. Как сказано в части второй ст. 38 КЗоТа Республики Беларусь, работника, появившегося на работе в нетрезвом состоянии, в наркотическом или токсическом опьянении, наниматель не допускает к работе в этот день (смену). Данная формулировка страдает нечеткостью, что, наверно, и побудило некоторых юристов без достаточных на то оснований попытаться разграничить понятия "недопущение к работе" и "отстранение", хотя недопущение к работе есть основной признак отстранения от нее. Противопоставлять эти понятия не имеет смысла. К тому же любое отстранение начинается с недопущения к работе. Что касается продолжительности отстранения, то оно для уяснения сущности анализируемого явления не имеет решающего значения.

Факт появления на работе в нетрезвом виде обычно четко фиксируется. Для этого существуют определенные правила. Так, медицинские учреждения производят освидетельствование в любое время суток в специализированных кабинетах наркологических диспансеров (отделениях) или в других медицинских учреждениях специально подготовленными врачами.

Направление на освидетельствование осуществляют работники правоохранительных органов, а также должностные лица предприятий, учреждений и организаций по месту работы освидетельствуемого. Лица, подлежащие освидетельствованию в медицинских учреждениях, должны быть доставлены к месту освидетельствования не позднее двух часов с момента возникновения

обстоятельств, требующих его проведения⁴. Результаты освидетельствования, подтверждающие или отрицающие факт алкогольного опьянения, детально фиксируются в протоколе. Если освидетельствуемое лицо не согласно с медицинским заключением, то повторное освидетельствование проводит другой врач.

В случаях невозможности доставить работника на медицинское освидетельствование (такие факты чаще всего бывают в сельской местности и в ночное время) составляется акт, фиксирующий данный факт. Акт подписывают обычно не менее трех лиц: представители нанимателя, профсоюза и трудового коллектива. Известны и другие случаи и правила отстранения работников, предусмотренные различными нормативными актами. Так, согласно п. 14.15 Положения о Государственной инспекции труда Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров 21 мая 1993 г.⁵, государственные инспекторы труда имеют право требовать отстранения от работы лиц, систематически нарушающих правила и инструкции по охране труда. Отдельные вопросы отстранения регулируются локальными актами.

Таким образом, нет единого источника о правилах отстранения работников, правовых последствиях отстранения и правовой защищенности отстраняемых лиц. Обилие источников об отстранении вносит неоправданный разноречивый в практику, существенно ограничивает правовую защищенность работников, не устраняя при этом многих пробелов в законодательстве. Поэтому первым крупным шагом на пути рационализации законодательства об отстранении явилась бы подготовка проекта нормативного акта об отстранении в ранге закона. В нем следовало бы предусмотреть понятие отстранения, юридическую природу отстранения, круг должностных лиц и органов, правомочных отстранять работников, юридические последствия отстранения и правовую защищенность работника. Что касается локального и индивидуально-договорного регулирования вопросов отстранения, то оно должно быть максимально ограничено. Полагаем, что различия в конкретных случаях отстранения могли бы касаться преимущественно процедуры отстранения и некоторых правовых последствий. Основные же законодательные проблемы отстранения целесообразно решать в централизованном порядке, что позволит обеспечить четкую правовую регламентацию отдельных случаев данного явления.

Не менее важно привести в соответствие с Конституцией Республики Беларусь и КЗоТом все ранее изданные нормы права об отстранении. При этом следует исходить из приоритета международно-правового регулирования вопросов отстранения, ст. 8 Конституции Республики Беларусь и ст. 4 КЗоТа Республики Беларусь.

Предлагаемые меры, на наш взгляд, будут способствовать повышению социально-экономической эффективности отстранения, усилению правовой защищенности работника, рационализации практики отстранения.

¹ См.: Новейшее трудовое законодательство: Словарь-справочник. Мн., 1995. С.93.

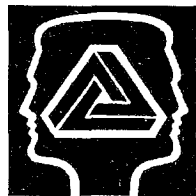
² См.: Инструкция о порядке выдачи листов нетрудоспособности и справок о временной нетрудоспособности. Утверждена Минздравом Республики Беларусь и Фондом социальной защиты населения Республики Беларусь 31 декабря 1993 г. // Сборник нормативных актов по вопросам деятельности Фонда социальной защиты населения Республики Беларусь. Мн., 1994.

³ Положение о дисциплине работников железнодорожного транспорта Республики Беларусь. Утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь 29 сентября 1993 г. №656 // Кривоной В. И. Сборник нормативных актов и краткий комментарий. Мн., 1994.

⁴ См.: Инструкция о порядке направления водителей транспортных средств на освидетельствование для установления состояния опьянения и проведения освидетельствования. Утверждена МВД Республики Беларусь 29 апреля 1994 г. № 1/362 // БНПИ. 1994. №7.

⁵ Кривоной В. И. Ответственность за нарушение законодательства о труде и трудового договора: дисциплинарная, материальная, административная, уголовная // Сборник нормативных актов и краткий комментарий. С.189.

Новае ў вучэбным працэсе



Е.И. ЯНЧУК

КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО АНАЛИЗА В СПЕЦКУРСЕ “ФИЛОСОФИЯ КОММУНИКАЦИИ”

В последнее время слово “коммуникация” стало довольно популярным в Белорусском государственном университете. Это связано с работой совместного белорусско-английско-французского проекта “Tempus” (“Тэмпус”). Среди задач проекта – исследование феномена коммуникации, внедрение новых учебных курсов и даже открытие соответствующих отделений. Предложенный в данной статье краткий анализ состояния проблемы в социально-гуманитарном знании и обзор литературы по теме представляют собой не что иное, как увертюру авторского спецкурса “Философия коммуникации” (“Коммуникация в системе культуры”) для студентов философского отделения философско-экономического факультета.

Пределно широко и кратко понятие “коммуникация” можно определить как передачу информации¹. Название происходит от латинских *communicare* (делать общим, сообщать, беседовать, связывать) и *communicatio* (сообщение, передача, общение). Большинство научных определений сводится к тому, что коммуникация – это передача сообщения, сигнала, смысла и т.п. с одной позиции в другую. Причем учитывается и связь объектов любой онтологии, и межличностные, межколлективные и другие формы, а также использование различных средств-медиаторов, как то: язык, знаки и т.п.² Общепризнанного единого определения этого понятия сегодня нет. Ф.Е. Дэнс и К. Е. Ларсон приводят 126 разных определений коммуникации³. Поиск единственного определения оказался непродуктивным из-за сложности, многомерности самого феномена. Ф.Е. Дэнс выделил 15 позиций, которые позволяют отличать это явление от других, и сгруппировал их в зависимости от уровня абстракции, интенциональности и нормативности⁴. Первый индикатор дифференцирует дефиниции по их широте/ограниченности. Примером широкого определения может быть: “Коммуникация – процесс связывания разрозненных частей мира в единое целое” или “Коммуникация – это разновидность взаимодействия”, а узкого: “Коммуникация – это средство передачи военной информации, приказов и т.п. по телефону, телеграфу, радио, с помощью курьера”. Фактор интенциональности указывает на наличие или отсутствие тех или иных намерений, ожиданий и т.п. Сравните: “Коммуникация – это процесс привлечения внимания другой личности с целью запечатления в памяти” или “Главное место в коммуникации занимают такие поведенческие ситуации, в которых источник передает сообщение другому, ожидая от него изменения поведения в дальнейшем” и “Коммуникация – это один из вариантов перехода от одной ситуации к другой, более предпочтительной”. Нормативность в общем плане предполагает наличие/отсутствие изменений качества того, о чем идет речь. Так, с одной стороны, “Коммуникация возникает как потребность в уменьшении неуверенности, в защите и усилении эго” или “Коммуникация – механизм, благодаря которому реализуется власть” и, с другой стороны, “Коммуникация – это передача информации, идеи, эмоции, мастерства и т.п. с использованием символов – слов, картин, фигур, чертежей и т.д.”. Характер определения коммуникации очень важен в плане построения

теорий коммуникации, ибо именно определение задает границы и фокус теории. Так, широкое определение задает и пространственный, "размашистый" подход, ограничивающийся лишь констатацией наиболее общих связей и отношений без отработки деталей и специфики этих отношений, и наоборот, достаточно узкое определение стимулирует теории со скрупулезной проработкой деталей без соотнесения их в более широком поле. Отсюда напрашивается вывод о недостаточности, партикулярности определений и стоящих за ними теорий, о невозможности создания единственной и общезначимой модели коммуникации, а также, как следствие, об их комплиментарности, о необходимости исходить только из системы определений и теорий. Междисциплинарный характер знания о коммуникации подтверждается и самим ходом его развертывания.

До сих пор дебатировался вопрос, следует ли различать коммуникативное и социальное поведение. Большинство аналитиков склоняется к тому, что коммуникативное включает в себя социальное, но способно к высшим формам коммуникации – черта, отличающая человека от других животных. Коммуникация – это и тип активности, поведения, и средство, канал выхода во внешний мир. Это важный аспект социальности, ведь большинство типов коммуникации предполагает наличие как минимум двух участников: адресанта и адресата, коммуникатора и коммуниканта, экспедиента и реципиента. А где есть двое, там есть и социальность. Коммуникация как социальное явление очень важна и для общества в целом, и для отдельного человека: они зависят от коммуникации. Коммуникация в обществе играет роль коллективизирующей, регулирующей силы, является важным адаптационным фактором. Для отдельного же человека участие или неучастие в коммуникации определяет его статус социального существа и члена сообщества.

Мы живем в уникальное время: практически отсутствуют временные и пространственные факторы, сдерживающие коммуникацию. Не успеет где-либо что-то произойти, как мы об этом тут же узнаем из средств информации и коммуникации. Немного воображения – и возникает впечатление непосредственного присутствия при описываемых событиях. Сегодня каждый должен иметь право быть информированным, идет ли речь о видах на урожай и сводке погоды или же о жизненно важных вопросах бытия социального и индивидуального. (Кстати, один из принципов биоэтики, принцип информированного согласия, является хорошей тому иллюстрацией). Если вслед за Х. Лассвеллом – пионером изучения коммуникации – посмотреть на деятельность человека с коммуникативной точки зрения, то вполне отчетливо вырисуются следующие четыре ее типа: наблюдение за средой (получение, владение и использование информации о происходящих в обществе событиях); корреляция общества в соответствии с ситуацией (интерпретация информации, принятие решения и его реализация); трансляция социального наследия и социализация (передача ценностей, норм, знаний и т.п., адаптация к новым условиям); развлечения. Помогают реализации этих типов активности хорошо известные сегодня средства массовой коммуникации: книги и кино (их нередко определяют как средства "бегства от реальности"), газеты, радио и телевидение (выполняют роль звеньев, связующих человека с обществом). Но перечень средств коммуникации этим не исчерпывается. Почти все культурные ценности имеют не только физически-технологические, но и коммуникативные предназначения. Одежда, дома, машины, косметика, украшения сообщают нам нечто о своих владельцах. И владелец, в свою очередь, может с помощью этих и других средств что-либо продемонстрировать обществу о себе и своем отношении к миру.

Коммуникация стала настоящим открытием XX века, века различных коммуникативных технологий: радио, телевидение, телефон, спутники, компьютерные сети... Это и индустриальная революция, и большой бизнес, и большая политика, и власть. Развитие различных технологий связи и усилило интерес к коммуникации после первой мировой войны. Проблемное поле первых специальных исследований коммуникации было связано с изучением влияния публичных сообщений и высказываний на формирование общественного мнения, с анализом роли коммуникации в образовании, в коммерции и рекламе. После второй мировой войны развитие социальных наук интенсифицировало интерес к психосоциальным процессам, среди которых на одно из первых мест выдвигается и коммуникация. К 60-м годам сложились и оформились две главные традиции изучения коммуникации: западная, в основном европоцентристская, и

восточная. Д.Л. Кинсэд исследовал эти две перспективы в компаративном ключе и отметил следующее⁵:

– восточные теории стремятся рассмотреть феномен коммуникации в предельно широком поле, в единстве всех его аспектов, в целостности. Это обеспечивает панорамное видение и стыковку различных моделей коммуникации. Западные же теории грешат партикулярностью, что, с одной стороны, позволяет глубже разбираться в деталях, но сталкивается со сложностью нахождения взаимосвязей между частями;

– многие западные теории строятся на принципах индивидуальной автономии и рационалистичности. В них социальная активность понимается как стремление к личностным целям, достигаемым с помощью разума. Большинство же восточных теорий относится к коммуникативным результатам социальности как к неуправляемому со стороны личности процессу, последствия которого предопределены заранее. В этой традиции главное место отводится эмоциональности и духовности, причем в основном иррационалистического плана;

– в сравнении прослеживается оппозиция языка и мышления или, скорее, речи и думанья. В большинстве западных теорий преобладает вербальный тип коммуникации, и тема языка занимает центральное место. На востоке же больше ценится молчание, интуитивное понимание, созерцание, а из типов коммуникации в большом почете коммуникация невербальная;

– в западных теориях коммуникативные отношения исследуются, в первую очередь, на личностном уровне. В восточных же теориях главную роль играют групповые позиции, что в итоге проявляется в различном отношении к проблемам роли, статуса, власти в коммуникации.

Как самостоятельная междисциплинарная область теория коммуникации оформляется к 60-м годам, пройдя этапы отдельного точного, естественнонаучно-технического и гуманитарного изучения. Всплеск интереса к информации и коммуникации побудил некоторых ученых даже отождествить теорию коммуникации с теорией общества⁶, а изобретение телевидения по последствиям сравнить с расщеплением атомного ядра⁷. Известные сегодня теории коммуникации можно свести к следующим типам: структурные и функциональные теории, когнитивные и бихевиористские, интеракционистские и конвенциональные, интерпретационные и критические⁸. Каждая из этих групп теорий рассматривает коммуникацию под определенным углом зрения и имеет присущие ей философские основания. Но внутри каждой группы теории тоже могут различаться.

Структурные и функциональные теории исходят из парадигм структурализма и функционализма и в общем плане характеризуются представлением о наличии вне познающего субъекта реальных функционирующих символических систем. Сюда относятся системные теории, теории знаков и языка, структурная лингвистика, социолингвистика, теории дискурса. Здесь исследуется организация языка и социальных систем, их функциональные связи и отношения. Коммуникация в этих теориях – это процесс, в котором индивид, используя язык, передает свое мнение другим индивидам, а ясность и коммуникативная правильность дискурса определяется характером использования знаков и символов. В этих теориях описываются **общие** категории и отношения между различными символическими системами. Однако они весьма непродуктивны для изучения деталей, тонов и оттенков **отдельных** коммуникативных событий и конкретного индивидуального опыта. Причем в метатеоретических основаниях этих теорий довольно отчетливо прослеживается генерализирующая тенденция, весьма характерная, например, для естествознания.

Когнитивные и бихевиористские теории в отличие от структурно-функциональных имеют дело с **индивидуальным** коммуникативным опытом, с его **психологическими личностными** моментами. Но сфера **межличностных** отношений, а также динамика **социальных структур** остаются вне внимания. Коммуникация здесь понимается как содержание индивидуального поведения, индивидуального мыслительного процесса и нейрофизиологического функционирования. Главную роль здесь играет психологический бихевиоризм, на смену которому в середине 60-х годов пришел когнитивизм. В рамках последнего развивается так называемая "вариационная аналитика", в которой изучаются важнейшие когнитивные составляющие коммуникации и способы их корреляции.

Центр внимания в интеракционистских и конвенциональных теориях смещен в плоскость **социальных процессов**, связанных с созданием, сохранением и обменом информацией. Коммуникация здесь играет роль главного механизма создания социальных структур, возникающих как результат использования языка и символов в общении, а также фактора, способного изменить социальные условия. К этим теориям относятся, например, теории символического интеракционизма, драматизма и нарратива, социального конструктивизма, нормативные теории, исследующие влияние на поведение человека различных групповых норм и правил (конвенций). Эти теории в целом достаточно хорошо демонстрируют, как меняется человек и группа от одной коммуникативной ситуации к другой, однако ничего не говорят об **экзистенциальных структурах** человеческой жизни, существующих вне всяких ситуаций.

Интерпретационные теории сориентированы на раскрытие **смысла** индивидуального опыта, различных текстов и социальных структур. Тема языка здесь также важна, ибо именно с помощью языка создается мир смысла, в котором живет человек и через который он интерпретирует весь свой опыт. Эта традиция включает феноменологические теории и герменевтику как базовые, а также теории культурной интерпретации, этнографии, текстовой интерпретации как производные и прикладные. Надо сказать, что многие теории коммуникации, сформировавшиеся на иных парадигмах, также имеют интерпретационный характер.

А вот критические теории, на первый взгляд, не имеют своего специфического предмета. Цель их – критически-аксиологическая. Коммуникация здесь – фактор, определяющий культуру и взятый через призму социальных конфликтов, возникающих между интересами общества и путями реализации коммуникативной доминанты. Многие из этих теорий основаны на марксизме (Л. Альтюссер, А. Грамши, Ю. Хабермас, С. Холл) и феминизме (К. А. Фосс, С. К. Фосс, Н. Фрейзер, Д. Т. Вуд). В первом случае исследуются социально-классовые отношения, а во втором – отношения между полами. В последнем случае коммуникация рассматривается через призму мужского и женского начала в культуре (так называемые “гендер-ориентированные” теории), особенно в аспекте рассмотрения угнетения, насилия, распространения власти в обществе.

Наряду с обозначенными общенаучными и специальными теориями коммунологи выделяют так называемые “эссенциальные” теории (core-theory), проникающие в коммуникативный процесс и раскрывающие сущностные черты коммуникации любого типа. В этих теориях исследуются: создание, развитие и передача сообщений внутри культуры и от культуры к культуре; интерпретация и инерация смыслов; структура сообщений; динамика взаимодействия участников коммуникации; институциональная и социальная динамики.

¹ См.: Mac Kay D. M. Formal analysis of communicative processes. Cambridge, 1975.

² См.: Коммуникация // Философский энциклопедический словарь. М., 1983; Современная западная социология. М., 1990; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Communication // Oxford Dictionary of Philosophy / Ed. by S. Blackburn, 1996; The Penguin Dictionary of Psychology / Ed. by A.S. Reber, 1996; Cherry C. On Human Communication. Cambridge, 1978.

³ Dance F. E. X., Larson C. E. The Function of Human Communication: A Theoretical Approach. New York, 1976.

⁴ Dance F. E. X. Journal of Communication 20 (1970).

⁵ Kincaid D. L. Communication Theory: Eastern and Western Perspectives. San Diego, 1987.

⁶ Williams W. Culture and Society. London, 1963.

⁷ Berger R. La télé-fission: Alerte à la télévision. Paris, 1976.

⁸ Littlejohn S. W. Theories of Human Communication. Belmont, 1994.

АКТУАЛЬНЫЯ СТАРОНКІ МІНУЎШЧЫНЫ І СУЧАСНАСЦЬ (публікацыі і пераклады)*

Часопіс працягвае знаёміць чытачоў з праграмнымі дакументамі сучасных палітычных партый Беларусі. У гэтым нумары публікуецца праграма аграрнай партыі.

Абвяшчэнне незалежнасці Беларусі, ліквідацыя манополіі КПБ выклікалі да жыцця шэраг палітычных партый. У дзесцімільённай Беларусі іх зарэгістравана больш за 30. Аднак тут колькасць не пераходзіць у якасць, не з'яўляецца гарантам узаемаразумення і еднасці ў грамадстве. Залішне вузкая сацыяльная база многіх партый, далёка не ўсе яны належным чынам праявілі сябе ў жыцці рэспублікі. Значная колькасць палітычных партый, блізкасць платформаў выклікае ў часткі насельніцтва аб'якавыя адносіны да шэрагу партый. Гэта паказалі выбары ў Вярхоўны Савет, што адбыліся ў 1995 г. У вышэйшым заканадаўчым органе краіны было прадстаўлена менш за паўтара дзiesiąтка партый. І адну з вядучых роляў тут ігралі аграрыі. А сёння 24 дэпутаты прадстаўляюць Аграрную партыю ў Палаце прадстаўнікоў Нацыянальнага Сходу Рэспублікі Беларусь.

Створана гэтая партыя ў 1992 г. Сацыяльная база – калгаснікі і фермеры, рабочыя саўгасаў, перапрацоўчых агра-сервісных прадпрыемстваў, вясковыя будаўнікі, работнікі спажывецкай кааперацыі, бытавога абслугоўвання, навукі, культуры, асветы. Прадстаўнікі партыі ўваходзяць у Каардынацыйны савет аграрных партый Беларусі, Расіі і Украіны.

Сваёй ідэялагічнай асновай партыя прызнае дэмакратычны сацыялізм. Выступае за прыярытэтную развіццё аграпрамысловага комплексу як неабходнай умовы развіцця эканомікі ўвогуле. Праграма была прынята ўстаноўчым з'ездам у 1992 г. Другая рэдакцыя праграмы прынята ІІІ з'ездам у 1995 г.

ПРОГРАММА АГРАРНОЙ ПАРТИИ БЕЛАРУСИ¹ (Вторая редакция. Принята ІІІ съездом АПБ)

1

Аграрная партыя Беларусі (АПБ) – гэта масавая палітычная арганізацыя, аб'ядняючая в сваіх рядах і выражаючая інтарэсы большасці колхознікаў і фермераў, рабочых совхозов і сельскіх строітэлей, рабочых, абслужываючых сельскае хозяйство і перерабатываючыя отрасли, работнікаў потрэбительскай кооперацыі, бытавога абслужывання і леснаго хозяйства, учителей, работнікаў культуры і врачей, ученых і студэнтаў, дачнікаў і садоводов-любителей, всех граждан Республики Беларусь, разделяющих тревогу и заботу о развитии агропромышленного комплекса как материальной основы существования общества.

2

Аграрная партыя ставіць сваёй цэллю поіск путей вывода общества из кризиса, сохранение суверенитета государства, создание общества социальной справедливости, обеспечение достойной жизни всем гражданам республики, благополучия и счастья каждой семье. АП выступает за приоритетное развитие агропромышленного комплекса как необходимого условия развития экономики в целом, укрепления и процветания нашей Родины.

3

Аграрная партыя создана в июне 1992 года. Прошедшее время подтвердило правомерность и необходимость создания такой партии, наличие у нее широкой социальной

* Раздзел вядзе праф. У.К.Коршук.

базы. АПБ активно включилась в политическую деятельность, приобрела определенный опыт, встречает растущую поддержку населения. Время показало и жизнеспособность основных программных установок партии. Вместе с тем изменения во внутренней жизни Беларуси и ее положение среди других государств обуславливают необходимость в более точном и полном изложении теоретических и политических установок партии, задач ее деятельности в современных условиях.

I. Всеобщий кризис и поиск путей выхода из него

4

В настоящее время Республика Беларусь переживает глубокий и всеохватывающий кризис, вызванный несостоятельностью и крахом системы огульного обобществления собственности с передачей ее во владение и распоряжение не отвечающего за нее чиновничества. На углублении и расширении кризиса сказались и разрыв экономических и других общественных связей между образовавшимися государствами в результате прекращения существования СССР.

5

Осуществляемый курс реформирования общественной системы и приватизации собственности не позволяет приостановить процесс сворачивания производства и инвестировать капитал на его развитие. Продолжается безудержный рост цен и темпов инфляции, катастрофически падает производство самых необходимых продуктов, товаров повседневного спроса и услуг, увеличивается количество безработных и полубезработных, число нищих и полуголодных, растут преступность, грабежи, убийства, пьянство, наркомания, проституция, хулиганство, происходит духовная деградация общества. Наметилась тенденция физического вымирания народа.

Приватизация осуществляется в угоду отдельным, зачастую криминальным элементам. Широкое развитие получил спекулятивный бизнес.

Усиливается антигосударственная, антинародная, паразитическая деятельность банков, которые присваивают львиную долю создаваемого в производстве прибавочного продукта.

Медленно идет процесс демократизации общества: нецивилизованные формы приобрело формирование государственной власти, искусственно тормозится развитие многопартийности, в обществе начинают появляться всеобщая подозрительность и врагомания.

6

Рушится аграрный сектор экономики – основа всякой державы и ее суверенизации. Село поставлено в кабальные условия, до беспредела нарушен ценовой паритет. Дegradiрует земля, другие производственные средства. Крестьяне снова оказались самым обездоленным слоем общества. Их труд не дает дохода для обеспечения уровня своей жизни.

7

Республика Беларусь становится объектом влияния неокOLONиальной политики других государств, осуществляющих разрушение национальных экономик и освоение новых рынков. Международные корпорации и фонды через банковские структуры разрушили денежно-финансовую систему, навязали дику инфляцию, осуществляют неприкрытый диктат мер по остановке производств, резкому обнищанию народа.

8

В стране ведется поиск путей выхода из кризиса, однако выход еще не обозначен. Аграрная партия Беларуси видит его в изменении направленности курса реформ, в переориентации его на удовлетворение интересов широких масс населения.

Партия в качестве приоритетных предлагает комплекс мер, направленных на изменение положения в политической, экономической, социальной и духовной сферах, выполнение которых позволит преодолеть кризисное состояние общества и обеспечить необходимые предпосылки для его последующего динамичного развития.

II. Идеологические основы и политические цели партии

9

Своей идеологической основой (системой взглядов) Аграрная партия признает демократический социализм, который означает направление движения общества к социальной справедливости и получил в современном мире широчайшую поддержку масс.

Основными принципами демократического социализма являются: неприкосновенность личности, свобода, справедливость и солидарность. Осуществление этих прин-

ципов АПБ будет обеспечивать системой законодательных, экономических и политических мер.

10

Аграрная партия отвергает диктатуру любого класса, социального слоя, общественной или государственной структуры и выступает против насилия как средства достижения своих целей. Она исходит из принципа: любые перемены в стране не должны ставить под угрозу жизнь и благополучие людей.

Путь в будущее АП осуществляет через политику реформ, которые и должны привести к установлению нового, лучшего порядка, где будут справедливо распределяться доходы, наемные работники иметь и увеличивать свою долю в производственном капитале, где осуществляется надежное социальное обеспечение, где не противостоят, а сотрудничают.

11

Аграрная партия защищает свободу мысли, совести, вероисповедания и богослужения. Поэтому она ведет диалог и осуществляет сотрудничество с церковью, религиозными общинами и группами везде, где она видит общие с ними задачи.

12

Аграрная партия стремится сделать общество и государство демократическими, справедливыми и достойными нашего человека. Самой важной и основной идеей является убеждение в равенстве всех людей перед законом. Человек выше любых общественных формирований, в том числе и государства, – таков ведущий принцип Аграрной партии.

13

АП считает, что каждый человек имеет право владеть имуществом и землей и использовать их как единолично, так и совместно с другими. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества или земли.

14

Основным средством для реализации этих целей является формирование социальной рыночной экономики, основанной на конкурентных началах, сочетании и взаимодействии различных форм собственности. Партия выступает не за отказ от общественной (государственной) формы собственности, а за устранение ее монопольного положения.

15

Достоинство человека требует демократизации экономики. Поэтому партия будет делать все для того, чтобы политику определяли не господствующие в экономике объединения производителей, а демократически избранные государственные органы, действующие от имени и в интересах народа.

АП считает, что преобразование общества, его демократизация должны проходить на основе сочетания интересов всех социальных слоев и групп общества. Она будет противодействовать разжиганию ненависти между гражданами своего Отечества, выступать за урегулирование имущественного неравенства людей путем законодательного ограничения и изъятия части сверхдоходов у одних в пользу социальной поддержки других. В то же время АП выступает против уравниловки, так как люди не равны по своим физическим и умственным способностям.

Партия выступает за обеспечение бесплатного медицинского обслуживания населения, создание системы эффективной и всесторонней помощи инвалидам, престарелым, охраны материнства и детства.

16

Особое значение Аграрная партия придает созданию условий для всестороннего развития молодежи. Партия выступает за бесплатное обучение, создание необходимых условий для повсеместного развития физкультуры и спорта.

17

АП выступает за создание эффективной системы безопасности граждан, решительное очищение общества от преступников и коррупционеров как неперемное условие качества жизни, достойной человека.

Частная собственность каждого человека, равно как и государственная, должны надежно охраняться законом.

18

Чтобы осуществить свои программные цели, АП будет добиваться прихода к власти или обеспечения влиятельного представительства аграрников в органах власти и

управления. На выборах в представительные органы власти она будет выступать как самостоятельная политическая сила в блоке с другими организациями аграрников, координируя свои действия в период выборов и после их проведения с иными партиями и другими общественно-политическими организациями, стоящими на сходных с ней позициях.

19

Аграрная партия выступает за создание подлинно правового государства, где верховенствовал бы закон и где было бы осуществлено разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. При этом она считает, что руководители местных органов самоуправления, как и представители законодательной власти, должны избираться самим народом путем прямого и тайного голосования.

АП выступает за укрепление центральной власти и управления, сочетающихся с предоставлением самостоятельности административным территориям и крупным городам, их самофинансирование.

20

АП будет осуществлять действия по обеспечению реальных прав и свобод аграрников, росту их самосознания и вовлечению в процесс политической самозащиты своих интересов как самостоятельного субъекта политики наряду с другими слоями общества.

III. Экономические реформы и совершенствование аграрных отношений

21

АП выступает за смешанную экономику, в которой взаимодействуют конкуренция и государственное регулирование. Она рассматривает рынок и приватизацию не как самоцель, а как средство повышения эффективности производства на благо народа и поэтому поддерживает только те реформы, которые направлены на повышение качества жизни людей. Партия будет бороться за проведение народной приватизации, способствующей преодолению отчуждения работников от собственности средств производства и результатов труда.

22

В начальный период перевода экономики на рыночные рельсы, когда еще промышленность, строительство и в значительной степени сельское хозяйство остаются государственными и правительство отвечает за организацию производства, денежная система и банки должны находиться под управлением правительства. При этом незаконно приватизированные коммерческие банки, куда в свое время были вложены государственные средства, должны быть национализированы. Подобного вида (коммерческие) банки могут возникать только на средства частного капитала.

23

АП ставит своей важнейшей задачей добиваться динамичного развития АПК как главного фактора процветания Беларуси и благополучия народа, как условия стабилизации работы всего народного хозяйства. В спасении деревни она видит спасение государственности и суверенитета республики. Поэтому партия будет отстаивать по отношению к этой отрасли осуществление политики протекционизма, при котором государство берет на себя часть расходов АПК, не возмещаемых ценами от реализации его продукции. При этом партия решительно отвергает абсурдные утверждения о том, что сельское хозяйство — это черная дыра, пожирающая общественное достояние. Общество должно датировать продовольственную отрасль настолько, насколько оно хочет дешевле приобретать продукты по сравнению с фактической их стоимостью. Эта мера сделает продукты доступными и малоимущим слоям населения.

Государство обязано субсидировать и взять на свое содержание сельскую инфраструктуру в том же объеме, как и в городе. Оно должно возмещать затраты на поддержание и повышение плодородия земель, нести затраты на научные исследования, образование, на селекцию, племенное дело и ветеринарию, как это и делается в высоко развитых странах мира.

24

АП выступает за пересмотр системы налогообложения с целью усиления ее роли в стимулировании производства и повышения доходов населения, введения для сельских товаропроизводителей единого дифференциального земельного налога и отмены других. При этом партия исходит из того, что реальным собственником является только тот, кто распоряжается прибавочным продуктом.

АП выступает за акционирование предприятий, обслуживающих сельское хозяйство и перерабатывающих его продукцию. Причем приоритетное право приобретения контрольного пакета акций на льготных условиях должно оставаться за теми, кто пользуется услугами этих предприятий и поставляет им сырье. Максимально должны быть учтены и интересы коллективов акционируемых предприятий.

АП выступает за реформирование колхозов и совхозов в рыночные структуры и передачу их средств в коллективно-долевою и частную собственность работников, образование на их основе агрофирм, акционерных коллективных предприятий, обществ с ограниченной и дополнительной ответственностью, фермерских хозяйств и их ассоциаций. Однако она выступает против таких преобразований, которые ведут к разрушению материальной базы крупного производства.

Партия исходит из того, что нынешние колхозы и совхозы — это социально-производственные формирования, не только обеспечивающие людям работу и соответствующие заработки, а и выполняющие многие функции по социальному обеспечению и обслуживанию проживающего на их территориях населения. Поэтому она выступает за такое их реформирование, при котором обеспечиваются следующие принципы:

- соблюдается добровольность выбора организационно-правовой формы предприятия в рамках действующего законодательства;
- сохраняется профиль использования существующих объектов общественных хозяйств;
- обеспечивается всем товаропроизводителям сельхозпродукции равнодоступность объектов производственной и социальной инфраструктуры;
- соблюдается социальная справедливость и обеспечивается защищенность населения и работников реорганизуемых хозяйств.

АП поддерживает признание государственной и частной собственности на землю. Вместе с тем она выступает против превращения земли в предмет купли-продажи. Земля должна быть передана в коллективное владение и частную собственность тем, кто хочет и может ее эффективно использовать.

АП будет отстаивать продовольственную независимость республики, противодействовать завозу продуктов, которые Беларусь может и должна производить сама в достаточном количестве. В то же время партия выступает за импорт новых технологий, проектов и высокопроизводительных механизмов.

АП будет предпринимать конкретные меры по успешному развитию торговли и бытового обслуживания населения, расширению и повышению эффективности лесной, лесоперерабатывающей и других отраслей.

АП выступает за немедленное принятие более эффективных мер по устранению последствий аварии на Чернобыльской АЭС, за проведение упреждающей экологической политики, внедрению в АПК экологически чистого производства.

IV. Наука и культура

Аграрная партия выступает за создание стройной системы, которая обеспечивала бы эффективное развитие науки как могучего средства роста материального производства, рационального использования природных ресурсов и квалифицированного решения экологических проблем, повышения общеобразовательного уровня и подготовки высококвалифицированных специалистов, развития культуры и благоустройства быта народа.

АП будет предпринимать конкретные действия для дальнейшего развития естественных наук, по освобождению от политической зависимости и классовой предвзятости общественных наук, созданию благоприятных условий для работы и жизни ученых. Она выступает за установление тесных связей научно-исследовательских институтов и ву-

зовской науки, что позволит привлечь к научным исследованиям дополнительно большое число ученых и сделать более творческим учебный процесс.

АП считает, что наука должна быть свободной от руководства со стороны любых политических и административных органов и развиваться на принципах самоуправления.

33

Аграрная партия будет делать все для того, чтобы поднять уровень духовной культуры до потребности современного интеллектуально развитого человека, сохранять и пропагандировать национальный язык, в то же время она поддерживает признание русского языка в качестве межнационального средства общения, а также функционирование других языков, на которых говорит население республики.

АП будет оказывать поддержку ученым, деятелям культуры и искусства в деле собирания и сохранения всех видов фольклора. Она будет способствовать развитию национальной литературы, музыки и театрального искусства, формированию отечественной философии и культурологии, становлению киноискусства, совершенствованию телевидения, радиовещания, книгоиздательского дела, печати.

В решении насущных проблем культуры в широком смысле партия будет стремиться формировать в народе чувство национального самосознания. При этом она считает своим долгом выступать против национальной самоизоляции, будет стремиться развивать лучшие интернациональные традиции своего народа и его уважительное отношение к культурам других народов.

34

Всей своей деятельностью Аграрная партия будет прилагать усилия для полноценного возрождения духовной жизни деревни, так как деревня является хранительницей и носительницей национальных традиций народа, будет способствовать развитию крестьянского быта через традиционные праздники и обряды, которые сохранились от наших предков, возрождать традиционные промыслы и ремесла.

V. Внешние отношения и военная политика

35

АП отдает себе отчет в том, что геополитическое положение Республики Беларусь накладывает на нее особую ответственность за судьбу мира и политической стабильности в Центральной и Восточной Европе. Поэтому она решительно отвергает войну как средство решения международных проблем и выступает за то, чтобы возникающие между государствами, а также и внутри государств между регионами споры разрешались мирным путем на основе международных договоров и конвенций.

АП будет делать все для сохранения мира и поддержания сотрудничества со всеми странами.

АП выступает за немедленное восстановление всесторонних связей Беларуси с Россией, Украиной, другими странами СНГ и создание благоприятных условий для их политического воссоединения в едином конфедеративном государстве.

36

В то же время АП считает, что на нынешнем историческом этапе Республике Беларусь необходимо иметь для защиты суверенитета и территориальной целостности свои хорошо обученные и технически оснащенные вооруженные силы, сознавая при этом, что реальная безопасность, суверенитет и территориальная целостность республики могут быть обеспечены в содружестве с вооруженными силами союзнических государств. При этом армия ни при каких условиях не должна быть использована против своего народа.

АП одной из важнейших своих задач считает повышение престижности военной службы. Поэтому она будет делать все, чтобы создать эффективную систему социальной защиты военнослужащих и членов их семей, ветеранов вооруженных сил.

Аграрная партия Беларуси (АПБ) призывает всех, кому близки и дороги проблемы белорусского села, заботы аграрников о судьбе нашей Родины и благополучие народа, объединиться вокруг Программы АПБ, приложить свои знания, опыт и силы для претворения ее в жизнь.

¹ Аграрная партия Беларуси. Мн., 1995.



В.С.Стёпин, Л.Ф.Кузнецова. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: "Наука", 1994. 274 с.

Философский анализ науки, вероятно, всегда останется актуальным: слишком уж значима она для культуры и всего человеческого бытия, слишком необычна и подвижна... В этом отношении роль рецензируемой книги, посвященной высшей форме теоретического знания — научной картине мира (НКМ), — очень важна для современной философии и методологии науки, ибо в ней представлены такие результаты серьезного исследования, которые решают многие давние проблемы и заставляют нас по-новому взглянуть на реальное состояние научного знания.

Прежде всего авторы проанализировали содержание и статус исходных категорий темы ("мир", "картина мира", "научная картина мира", "образ мира" и др.), изучили современное состояние проблемы в отечественной и западной методологии науки. Это позволило им четко определить собственную позицию, наметить содержательные приоритеты исследования, проделать плодотворный историко-логический анализ сущности, структуры и функций НКМ, основных исторических форм ее бытия, выявить тенденции ее дальнейшего развития.

В книге убедительно показано, что НКМ есть специфический духовный феномен техногенной культуры, ее мировоззренческая ценность, функционирующая в научном поиске на пересечении когнитивных, социокультурных и институциональных координат. Задавая определенное видение сферы и объекта исследования, НКМ играет роль исследовательской программы, выполняет онтологическую, эвристическую, систематизирующую и мировоззренческую функции — словом, организует и направляет творческий поиск ученого. Очевидно, что эти выводы позволят читателю наиболее адекватно представить себе реальный процесс научного познания и преодолеть упрощенные схемы научной деятельности, столь распространенные в массовом сознании.

В.С.Стёпин и Л.Ф.Кузнецова не обошли вниманием и очень интересную для специалиста проблему соотношения специальных и общенаучной картин мира, уже много лет обсуждаемую в философской литературе. Они предложили оригинальный (хотя и небесспорный) способ ее решения: статус специальной картины мира может быть корректно определен лишь в той или иной исторической ситуации. С точки зрения авторов, эти формы дисциплинарного знания возникают, живут и постепенно отмирают, т.е. утрачивают свою автономию и превращаются в фрагменты единой НКМ. Пожалуй, авторы здесь излишне оптимистичны в своих надеждах на интеграцию и синтез научного знания: дисциплинарная организация науки останется, скорее всего, атрибутом последней, а следовательно, сохранится, на мой взгляд, и автономия специальных картин (другое дело, что они будут испытывать на себе постоянно растущее воздействие междисциплинарных знаний и модифицироваться в своем содержании).

Несомненной заслугой авторов является также проведенная ими экспликация основных этапов эволюции НКМ и конкретно-исторических форм ее бытия. В книге на богатом эмпирическом и теоретическом материале естествознания (и отчасти — социологии) показано, что в динамике НКМ явно прослеживаются три главные ступени: 1) картина мира додисциплинарной науки, имеющая преимущественно механистический характер и претендующая на статус общенаучной; 2) формирование специальных НКМ в рамках дисциплинарно организованной науки и поиск принципов их синтеза в общенаучную картину мира; 3) картина мира современной (постнеклассической) науки, для которой характерны резкое усиление междисциплинарного синтеза знаний и попытки построения единого системного образа Универсума на базе принципов глобального эволюционизма. Бесспорно, что эти размышления являются серьезной инновацией, ибо предыдущие исследования многих авторов интерпретировали эволюцию НКМ лишь в рамках той или иной

конкретно-научной дисциплины (чаще всего – физики).

Серьезное внимание уделено в книге анализу специфики современной НКМ. Авторы сумели глубоко проследить переориентацию постнеклассической науки на "человекоразмерные" объекты и выявить последствия этого поворота для содержательной трансформации НКМ и поиска стратегии развития нашей цивилизации. Ими показано, что новая НКМ органично включается в процесс становления планетарного мышления, диалога культур Запада и Востока, поиска нетривиального видения мира и человеческой деятельности.

Разумеется, не все разделы рецензируемой работы выполнены одинаково удачно, не все аспекты проблемы рассмотрены одинаково глубоко. В целом же перед нами интересное и глубокое исследование актуальной и социально значимой проблемы. Эта книга необходима студентам и специалистам как естественнонаучного, так и гуманитарного профиля, всем интересующимся вопросами научного познания.

В.С.Вязовкин

Л.Я.Землякоў. **Рэлігія і грамадства: у дапамогу студэнтам усіх спецыяльнасцей.** Мн., ВКС, 1996. 129 с.

У грамадска-палітычным і духоўна-культурным жыцці сучаснай Беларусі актыўную ролю адыгрываюць рэлігія і царква. Каб аб'ектыўна высветліць сутнасць гэтай з'явы, патрабуюцца крытычнае пераасэнсаванне тых спрошчаных уяўленняў аб рэлігіі, што навязваліся нашаму грамадству ідэалагічнымі органамі дзяржавы, паспрабаваць вызначыць іх існы стан і перспектывы.

На наш погляд, з гэтай задачай удала справіўся кандыдат філасофскіх навук Л.Я.Землякоў у сваёй кнізе "Рэлігія і грамадства". Ужо лаканічныя назвы яе раздзелаў трапа адлюстроўваюць змест працы: 1. Рэлігія як сацыяльная з'ява; 2. Дзяржаўна-канфесійныя адносіны на Беларусі: гісторыя і сучаснасць; 3. Рэлігія ў працэсе трансфармацыі беларускага грамадства. Акрамя таго, значную частку аб'ёму кнігі складае дадатак, у якім змешчаны міжнародныя і беларускія нарматыўна-прававыя акты, што тычацца праблем свабоды сумлення і веравызнання.

Падзагаловак кнігі "У дапамогу студэнтам усіх спецыяльнасцей" ускрывае яе прызначэнне – вучэбны дапаможнік па вузаўскаму курсу. Гэтаму прызначэнню поўнасьцю адказвае пераканаўчая мова выкладання і праясненне сутнасці, сацыяльных, гнасэалагічных і псіхалагічных асноў рэлігіі і яе ролі ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі ХХ стагоддзя. У даступнай маладому чытачу форме аўтар разглядае розныя канцэпцыі феномена рэлігіі і яе складачыя частак, аналізуе прыроду і спецыфіку розных функцый рэлігійнага комплексу, падмацоўваючы некаторыя свае тэарэтычныя высновы вынікамі эмпірычных сацыялагічных даследаванняў, выкананых Інстытутам сацыялогіі АН Беларусі, Белдзяржуніверсітэтам і іншымі ВНУ рэспублікі.

Бясспрэчна, слушнае сцвярджанне даследчыка, што "свабода сумлення, незалежна ад гістарычных з'яваў і развіцця чалавечага грамадства, была і застаецца адной з фундаментальных яго каштоўнасцей" (с. 38). Аўтар адзначае, што "свабода сумлення з'яўляецца свабодай думкі кожнага асобнага чалавека, у якой ёсць меркаванні, погляды і перакананні адносна з'яў навакольнага свету, гэта – права чалавека мець уласны светапогляд, выбар жа светапогляду павінен ажыццяўляцца ў сітуацыі, свабоднай ад умяшання іншага чалавека, а тым больш якога-небудзь інстытута" (с. 40). Свабоду сумлення чалавека павінна гарантаваць дзяржава, светапоглядна нейтральная, але неаб'якавая да лёсу сваіх грамадзян. Светапоглядная пазіцыя дзяржавы характарызуецца павагай да свабоды сумлення, альбо адсутнасцю яе. Гэтымі адносінамі вызначаецца і месца сучаснай дзяржавы ў цывілізаваным свеце.

Дапаможнік, на жаль, не пазбаўлены памылкамі друку, часам ускладненых сінтаксічных канструкцый. Але гэта не змяняе яго каштоўнасці: ён будзе карысным не толькі выкладчыкам, студэнтам, навучэнцам розных устаноў, але і дэпутатам усіх узроўняў, а таксама служачым дзяржаўнага апарату.

А.А.Сычоў

Политология: учебное пособие для студентов вузов / Н.П.Денисюк, Т.Г.Соловей, Л.В.Старовойтова и др. Мн.: НТООО "Тетра-Системс", 1996. 384 с.

Политология как учебная дисциплина включена в программу высших учебных заведений совсем недавно, с начала 90-х годов. Практически все это время вузы ощущали огромную нехватку учебной и учебно-методической литературы по данной дисциплине. Выполненное коллективом авторов под руководством Денисюк Н.П. учебное пособие "Политология" является заметным вкладом в процесс формирования учебной и учебно-методической базы для изучения данного предмета в высших учебных заведениях.

В первую очередь следует отметить высокий теоретический, методологический и методический уровень издания. В нем отразились и "первые уроки" преподавания новой учебной дисциплины, и многолетний педагогический опыт коллектива авторов.

Пособие выполнено в соответствии с программой курса "Политология" для вузов. Его отличает строгая логическая последовательность, доступность и ясность изложения учебного материала. Авторами выбрана удачная форма изложения материала: главы и параграфы имеют четкую внутреннюю структуру, в них отчетливо выделены все определения, понятия, категории. Несомненным достоинством работы является то, что она выполнена и выдержана в едином стиле (несмотря на довольно большой авторский коллектив), что очень важно для студентов и облегчает им восприятие материала.

В коллективном труде политологов отражены различные взгляды, подходы, теоретические

концепции, раскрыты наиболее важные проблемы современной политической науки, показана сложность политики как особой сферы человеческих отношений и объекта исследования.

В пособии дана подробная характеристика политической системы общества как целостной, внутренней упорядоченной системы, включающей политические институты, политические отношения и процессы, политические роли, нормы и принципы функционирования, вскрыта взаимосвязь политических систем и политических режимов, взаимозависимость политических процессов и политической культуры общества, политической социализации личности и ее участия в политике, взаимосвязь внутренней и внешней политики, а также – политики с другими сферами жизнедеятельности общества.

Можно заметить, что авторы целенаправленно акцентируют внимание студентов на теоретических проблемах политики и политической науки, в большей степени раскрывают теорию, меньше уделяя внимания прикладным проблемам и конкретной политической практике, что вызывает ощущение некоторой нехватки фактического материала, конкретных примеров.

В целом учебное пособие соответствует стандартам и требованиям высшей школы, выполнено на высоком уровне и может быть рекомендовано студентам всех форм обучения, а также тем, кто интересуется проблемами политики.

В.И.Гамов

Экономическая теория: учебник / Н.И.Базылев, А.В.Бондарь, С.П.Гурко и др. Мн.: БГЭУ, 1996. 507 с.

Прошедшее десятилетие для преподавателей кафедр экономической теории можно назвать временем испытания на прочность и профессиональную зрелость, поскольку это был период напряженного поиска лучших вариантов программ, учебных планов, отвечающих не только уровню достижений мировой экономической науки, но и национальным особенностям поведения хозяйствующих субъектов и потребителей.

Надо отметить, что в поиске наиболее содержательного и в методическом отношении наиболее выверенного материала рецензируемая книга не является первой в республике и, думается, не последней. Но особый статус она все-таки имеет, поскольку это первый национальный учебник по экономической теории, который, как и следовало ожидать, нашел своего читателя и достаточно быстро исчез с прилавков книжных магазинов. Это учебник для студентов экономических специальностей, однако, на наш взгляд, он дает возможность не только

студентам, но и всем желающим углубить свои знания в области экономической теории через изучение наиболее отработанного в научном отношении и наиболее необходимого для хозяйственной практики категориального аппарата и инструментария науки.

Вполне логична структура книги. Она имеет четыре раздела и двадцать четыре главы. Первому разделу, который называется "Общие основы экономической теории", посвящено шесть глав. Семь глав раскрывают содержание второго раздела "Микроэкономика". Третий раздел, описывающий круг проблем и вопросов макроэкономики, состоит, в свою очередь, также из семи глав. И последний, четвертый раздел, представленный четырьмя главами, раскрывает суть международных экономических отношений.

Достоинством рецензируемого учебника является попытка авторов отдельных глав обогатить абстрактные категории экономической науки материалом хозяйственной практики, в том числе и нашей республики. Можно лишь сожалеть, что делается это не всегда и несколько фрагментарно.

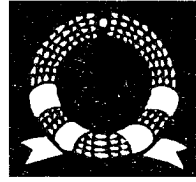
Заслуживает одобрения и желание авторского коллектива выразить свою индивидуальность, свое понимание излагаемых проблем. Естественно, тут необходимо соблюдать меру, чтобы не исказить самой сути той или иной закономерности, категории или понятия. В целом, авторам учебника удалось избежать каких-либо крайностей при раскрытии содержания категорий в авторской интерпретации.

Отметим и недостатки учебника, которые, как говорится, лежат на поверхности, т.е. наиболее очевидны. Вызывают досаду многочисленные опечатки, которые могут дезориентировать читателя, так как искажают смысл текста, графика или формулы. Нам кажется, логичнее было бы главу об экономическом росте рассматривать в разделе "Макроэкономическая нестабильность и ее основные проявления". Кстати, в этой главе, непонятно по каким соображениям, автор отказался от названия категории "экономический кризис". И наконец, данному учебнику присущ такой же "трех", как и многим другим книгам, написанным не одним автором, а коллективом: главы, выполненные разными авторами, отличаются по стилю, доказательности и другим параметрам.

В целом же перечисленные недостатки не снижают общественной и учебно-методической значимости выполненной большой работы кафедры экономической теории БГЭУ по написанию учебника, который стал заметным явлением в науке и важной вехой в формировании национальной культуры.

П.С.Лемещенко

Нашы юбіляры



АЛЬБЕРТ НИКОЛАЕВИЧ ЕЛСУКОВ

Исполнилось 60 лет доктору философских наук, профессору, заведующему кафедрой социологии Белгосуниверситета Альберту Николаевичу Елсукову.

Родился А.Н.Елсуков в 1936 г. в семье служащего в г.Архангельске. С 1947 г. проживает в Минске. Здесь он окончил профессионально-техническое училище столяров-краснодеревщиков и до 1958 г. работал на мебельной фабрике.

В 1958 г. поступил учиться на исторический факультет Белорусского государственного университета. Получив диплом, А.Н.Елсуков сначала работал учителем в Браславском районе, а затем – на кафедре философии Белорусского политехнического института. В 1966 г. поступил в аспирантуру при кафедре диалектического материализма философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Защитив в 1969 г. кандидатскую диссертацию, вернулся в БПИ, где проработал до 1973 г.

С 1973 г. судьба А.Н.Елсукова связана с Белорусским государственным университетом. Начав с должности старшего преподавателя на кафедре философии гуманитарных факультетов, он прошел все ступени служебной лестницы от доцента до доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой философии естественных факультетов. С 1989 до декабря 1996 г. возглавлял деканат философско-экономического факультета, в настоящее время является заведующим кафедрой социологии.

Научные интересы А.Н.Елсукова связаны с проблемами истории и методологии науки, что отразилось уже в темах его диссертаций: "Методологические проблемы социально-исторического познания" (кандидатская, 1969), "Методологические проблемы формирования научного факта" (докторская, 1985). Им опубликовано пять монографий (три в соавторстве), большое количество статей, учебников и учебных пособий; он является составителем и членом редакционных коллективов таких известных в Беларуси и за ее пределами изданий, как "Социологический словарь" и "История социологии".

А.Н.Елсуков отдает много творческих сил, душевного тепла подготовке специалистов в области философии и социологии. Кроме большого педагогического и исследовательского таланта, он обладает талантом руководителя и организатора, внимательного, уважительного отношения к людям. Трудолюбие, скромность, душевная доброта помогли А.Н.Елсукову обрести уважение и благодарность студентов и сотрудников факультета.

А.Н.Елсуков активно участвует и в общественной деятельности. Он является председателем специализированного совета по защите докторских диссертаций по социологии, долгое время был ученым секретарем, заместителем председателя, а в настоящее время – членом специализированного совета по защите докторских диссертаций по философии, членом методического совета Министерства образования Республики Беларусь.

Педагогическая и научная деятельность А.Н.Елсукова отмечена многими грамотами Министерства образования, Белгосуниверситета и других организаций.

Свое шестидесятилетие профессор А.Н.Елсуков встречает в расцвете творческих сил. Ректорат, деканат, студенты и сотрудники философско-экономического факультета, коллектив кафедры социологии сердечно поздравляют Альберта Николаевича с юбилеем и желают ему крепкого здоровья, счастья и осуществления всех творческих планов.



АНАТОЛИЙ ИЗОТОВИЧ ЗЕЛЕНКОВ



Исполнилось 50 лет со дня рождения декана философско-экономического факультета БГУ, заведующего кафедрой философии и методологии науки, доктора философских наук, профессора А.И.Зеленкова.

Анатолий Изотович Зеленков родился 4 января 1947 г. в Гомеле в семье служащих. В 1971 г. с отличием окончил отделение философии исторического факультета БГУ и поступил в аспирантуру при Институте философии и права Академии наук Беларуси.

В 1975 г. после успешной защиты кандидатской диссертации приступил к работе в Белгосуниверситете, где прошел путь от преподавателя до доктора философских наук, профессора, заведующего одной из крупнейших кафедр вуза, которой руководит с 1987 г.

В 1992–1996 гг. А.И.Зеленков работал проректором Белгосуниверситета, а с декабря 1996 г. возглавляет философско-экономический факультет.

Профессор Зеленков – опытный и авторитетный педагог, его лекции и семинарские занятия отличаются глубоким содержанием, профессионализмом и совершенным методическим мастерством. Много сил отдает он подготовке философских кадров высшей квалификации – кандидатов и докторов наук. Открытость для дискуссий, всесторонняя эрудированность, душевность и доброжелательность – вот качества личности, которые в нем привлекают и объединяют не только коллег, но и представителей разных отраслей знаний. Благодаря этим качествам кафедра и Совет по защите диссертаций, возглавляемые А.И.Зеленковым, стали популярной школой высшего философского образования не только для ученых и педагогов республики, но также для многих философов ближнего и дальнего зарубежья.

Значителен вклад А.И.Зеленкова в развитие философской мысли Беларуси. Его труды по проблемам философии, социальной экологии и методологии науки получили высокую оценку в стране и за рубежом, о чем свидетельствуют и присуждение ему университетской премии имени В.И.Пичеты, избрание членом Петровской Академии наук и искусств, Украинской Академии политических наук. В 1993 г. А.И.Зеленков решением международного биографического центра при Кембриджском университете удостоен Почетной награды XX столетия за достижения в области философии и методологии науки. Ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Республики Беларусь.

А.И.Зеленков удачно сочетает качества педагога, ученого и руководителя. Он внес значительный вклад в организацию и развитие гуманитарного образования в университете, поднятие его международного авторитета. Много сил и творческой энергии отдает он качественному формированию журнала "Вестник БГУ", ответственным редактором третьей серии которого является.

Свое 50-летие А.И.Зеленков встречает в расцвете творческих сил. Коллектив философско-экономического факультета, кафедра философии и методологии науки, коллеги и ученики сердечно поздравляют Анатолия Изотовича с юбилеем и желают ему доброго здоровья, счастья, новых успехов в педагогической, научной и общественной деятельности.